Джейн Остин

РАЗУМ И ЧУВСТВА

СЕДЬМАЯ КНИГА

Разум и чувства
Джейн Остен

Аннотация
Джейн Остин. Разум и чувства
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Аннотация

Что важнее при выборе спутника жизни – чувства или разум? Да и в самой жизни, собственно, чем лучше руководствоваться? «Разум и чувства» – типичная история своего времени. История матери и трёх дочерей, в одночасье оставшихся без мужской поддержки, и вынужденных самостоятельно пробиваться в жизни в непростой век, принадлежавший мужчинам.

Нет, более прекрасного и вдохновляющего чувства, чем любовь. Любовь окрыляет и заставляет совершать безумные и жертвенные поступки, любовь способна преодолеть все преграды и предубеждения.

Джейн Остин
Разум и чувства

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Род Дэшвудов давно пустил корни на плодородных нивах юго-востока Англии и прочно обосновался в Сассексе. Из поколения в поколение почтенное семейство вело неспешную жизнь в усадьбе Норланд-Парк, расположенной в самом сердце семейных владений и надежно укрытой от штормов и ураганов грядой зеленых холмов.

Прежний владелец этого поместья — джентльмен преклонных годов так ни разу и не женился; на старости лет хозяйкой в усадьбе и верной помощницей во всех делах, стала его родная сестра. Но смерть разлучила их. Тогда одинокий старик пригласил к себе племянника Генри Дэшвуда, которому собирался передать поместье, как единственному наследнику и ближайшему родственнику. И это было разумное решение, так как судьба подарила ему — еще целых десять лет жизни, которые он провел в окружении близких людей.

Генри на тот момент сам был уже не молод, но в отличие от дяди, успел дважды жениться и стать отцом четверых детей. Первая жена подарила ему

единственного сына, вторая — трех дочерей. Первенец Генри — сын Джон, как говорят в народе, «родился с серебряной ложкой во рту»: он унаследовал немалое состояние по материнской линии, затем удачно женился и поэтому его не особенно волновал вопрос, кто же в итоге получит этот милый Норланд. Но для его сводных сестер, это был главный вопрос. Их мать была небогата, а отец имел за душой только несчастные семь тысяч фунтов дохода, и то благодаря разумной щедрости своей первой жены. Она выделила их из наследства своего же сына с таким расчетом, чтобы мистер Генри не умер с голоду.

Состоятельный дядя стал последней надеждой Генри хоть как-то поправить свои финансовые дела.

И вот его дядя — почтенный старик ушел в мир иной, оставив после себя в этом мире не только воспоминания, но и завещание. Когда его огласили, близким родственникам, которые заботились о нем последние десять лет, осталось только смахнуть слезы. Старик не был до такой степени неблагодарным и непредсказуемым, чтобы совсем отказать племяннику в наследстве, но сам Генри явно рассчитывал на большее для себя, точнее, для своей второй жены и трех

дочерей. Но, увы, богатый дядя распорядился иначе. Мистер Генри Дешвуд, действительно, получал всё его имущество, но только при одном условии, которое перечеркивало все его планы. Он должен был в целости и сохранности передать Норланд своему внуку, когда тот достигнет совершеннолетия. Мистеру Генри запрещалось продавать земельные участки и даже торговать древесиной. Впрочем, сам внук — златокудрый мальчик четырех лет отроду, вряд ли оценил этот королевский подарок. В именье он гостил редко, вместе со своим отцом Джоном, но в эти короткие приезды сумел очаровать старика больше, чем все остальные родственники. Его капризы и детские шалости тронули старика больше, чем искренняя забота трех внучек. Впрочем, нельзя сказать, что он совсем позабыл их.

Трем девицам на выданье досталось по целой тысяче фунтов. Но, и только.

Сначала мистер Генри пришел в отчаянье, но скоро взял себя в руки и решил, что станет рачительным хозяином именья, рассчитывая на скромный, но постоянный доход с обширных земельных угодий. Но и этим мечтам не суждено было сбыться. Ровно через месяц племянник отправился вслед за дядей, оставив своей жене и

трем дочерям только десять тысяч фунтов, включая и свою долю от предыдущего наследства.

На смертном одре мистер Генри умолял старшего сына позаботиться о своих сводных сестрах и мачехе. По правде сказать, Джон никогда не питал к ним родственных чувств, но клятвенно пообещал умирающему отцу выполнить его последнюю просьбу и даже сам в какой-то момент поверил в это.

Услышав это, отец, спокойно отошел в мир иной. А мистер Джон Дэшвуд не на шутку задумался, что же он действительно мог сделать для своих сестер.

Джона с детства считали славным малым, насколько это можно сказать о законченном эгоисте. Впрочем, его эгоизм до недавнего времени не вступал в противоречие с общественной моралью и Дешвуд-младший всегда поступал порядочно по отношению к другим. Он был удивительно уравновешен и всегда руководствовался здравым смыслом, не догадываясь о том, что в природе существуют еще и смутные предчувствия, и прочие эмоции.

Его первая юношеская влюбленность закончилась скоропостижным браком. Женившись, он надеялся, что супруга не только станет одним из

его главных личных достоинств, но и немного смягчит его природную рассудочность. Но миссис Дэшвуд оказалась пародией на него самого, эгоистичной, холодной и, в общем-то, недалекой особой. Впрочем, ее замужество все считали весьма удачным.

И вот теперь ее разумный Джон прикидывал, как выгоднее распорядиться долей наследства своих сестер и живо представлял, как будет чинно отсчитывать им три тысячи фунтов в год. Перспектива, иметь еще несколько тысяч вдобавок к своим доходам и половине оставленного покойной матерью состояния, согревала его душу и придавала уверенности в себе.

«Да, он будет выдавать им три тысячи фунтов, легко и красиво! Три тысячи фунтов! Да, он сможет пожертвовать такой суммой для трех бесприданниц, пусть даже немного и в ущерб себе!» — эта мысль, однажды посетив Дешвуда-младшего, потом не раз вдохновляла его, и он никогда не сожалел о своем обещании умирающему отцу.

Не успели пройти похороны Генри Дешвуда, как без предупреждения на пороге имения появилась жена Джона, та самая миссис Дэшвуд. Она приехала ни одна, а привезла с собой маленького сына и прислугу, всем своим видом давая понять,

кто отныне в доме хозяин.

Никто не посмел бы спорить с ней, ведь после смерти Генри особняк принадлежал его сыну — ее мужу. Но такая бестактность со стороны невестки, больно ранило безутешную вдову.

Жена Джона никогда не имела близких родственных контактов с его семьей, и теперь получила прекрасную возможность показать им, как мало они для нее значат.

Несчастная миссис Дэшвуд и ее дочери сразу оказались на положении бедных родственников. Униженная вдова поначалу решила навсегда покинуть это место, и только здравые рассуждения ее старшей дочери Элинор удержали даму от опрометчивого шага. «Нам необходимо пока остаться здесь и наладить отношения с Джоном, иначе мои девочки будут обречены», — убеждала она себя и с надеждой поглядывала на свою старшую Элинор.

Старшая из дочерей, девятнадцатилетняя Элинор была умна и рассудительна не по годам. Мать часто прислушивалась к ее советам. Она была девушкой добродушной и искренней, но никогда не давала воли своим чувствам и порой проявляла редкое для юной леди самообладание, непонятное для матери и совершенно неприем-

лемое для ее младшей сестры Марианны.

Марианна ни в чем не уступала старшей сестре, была умна и рассудительна, но уж очень впечатлительна и порывиста. Она ни в чем не знала чувства меры и при всех своих прочих достоинствах была полностью лишена главного достоинства Элинор — благоразумия. И в этом безрассудстве Марианна была вылитая мать.

Восприимчивость сестры внушала Элинор тревогу, но миссис Дэшвуд видела во второй дочери родственную душу и часто искала у нее утешения. Теперь они с Марианной неустанно поддерживали друг в друге бурную скорбь. Они не давали своему горю утихнуть и с жаром подбрасывали, как дрова в камин, всё новые и новые эмоции. Каждый день они горько и трепетно переживали свою утрату и, казалось, даже не допускали мысли о том, что этот испепеляющий изнутри огонь когда-нибудь может угаснуть.

Элинор тоже горевала всем сердцем, но старалась взять себя в руки. У нее хватало сил общаться со сводным братом, а также достойно встретить невестку и вести себя с ней, как ни в чем не бывало. Она пыталась вразумить свою чувствительную мать, но та предпочитала страдать, иногда напоказ.

Маргарет, третья сестра, была доброй и милой девочкой тринадцати лет. Из двух своих старших сестер примером для подражания она выбрала романтичную Марианну и старалась во всем копировать ее.

Миссис Джон Дешвуд теперь вела себя как полноправная хозяйкой Норланда, давая понять свекрови и золовкам, что она всегда рада гостям, даже непрошенным, как они, была с ними вежлива, насколько у нее это получалось, а ее разумный супруг даже добр и снисходителен. Он искренне просил их считать Норланд своим домом, до тех пор разумеется, пока миссис Дэшвуд не найдет себе поблизости какое-нибудь жилье. Его приглашение, естественно, было принято. Впрочем, это трудное решение не противоречило чувствительной натуре миссис Дешвуд. Она стойко приняла необходимость жить там, где всё напоминало ей о былых радостях, и всецело отдавалась своей скорби, как еще совсем недавно беззаботному семейному счастью.

Правда, миссис Дэшвуд не одобрила желания супруга позаботиться о своих сестрах.

— Отнять целых три тысячи фунтов у собственного ребенка! Неслыханно! Пожалуйста, еще раз всё хорошенько обдумай. Какое оправдание

может быть отцу, который ради сестер, да и то наполовину родных, обкрадывает свое единственное дитя? Ведь это же сумасшедшие деньги! Подумаешь, три сводные сестры. Да такое родство вообще никто родством не признает, а тут такая неслыханная щедрость! Давно известно, что между детьми от разных браков нет никакой привязанности и быть не должно. Почему же мы должны разорить себя и нашего бедного малыша Гарри, отдав все свои деньги твоим сестрам?

— Перед смертью отец просил меня, — ответил муж, — чтобы я помог его вдове и дочерям.

— Он, видно, не понимал, что говорит. У него, точно, был бред. Разве может человек в здравом уме просить собственного сына, чтобы он отдал половину своего состояния чужим людям!

— Но он не оговаривал какие-либо суммы. Моя дорогая Фанни, отец только просил меня позаботиться о них и сделать их жизнь более обеспеченной, чем сейчас. Ты считаешь, что всё это выглядит так, словно он целиком препоручил их мне? Нет-нет. Наверное, он хотел сказать, чтобы я просто присмотрел за ними. Пойми, он выпросил у меня это обещание, и мне ничего не оставалось, как согласиться. Поэтому я сделаю что-нибудь для них, когда они съедут от нас в

новый дом.

— Что ж, хорошо. Но почему это «что-нибудь» обязательно должно равняться трем тысячам фунтов? Подумай еще раз, — добавила она, — если деньги один раз ушли, то назад они сами не придут. Твои сестры скоро повыскакивают замуж и тогда эти деньги пропадут навсегда. А на что будет жить наш бедный мальчик, если ты…

— Я подумаю, — мрачно ответил Джон. — Возможно, это обстоятельство в корне меняет дело. А ведь, действительно, могут наступить трудные времена, когда нашему Гарри не хватит именно этой суммы. Например, если у него будет большая семья, эти деньги стали бы ему неплохим подспорьем…

— Конечно, были бы…

— Ты знаешь, по-моему, будет лучше для всех, если расходы на каждую уменьшить вполовину. Вместо тысячи фунтов год, каждая получит по пятьсот. И этому они тоже будут несказанно рады.

— Дорогой, как ты великодушен! Не каждый брат пожертвовал бы такие деньги даже родным сестрам. А здесь такая щедрость к сводным сестрам. Поистине. У тебя величайшая душа!

— Ну, что ты, не стоит. Ведь я ничего такого

и не совершил. Так на моем месте поступил бы каждый порядочный человек. Думаю, сестры на большее и не рассчитывают.

— Никто не знает, на что они на самом деле рассчитывают, — озабоченно сказала леди, — но нас это не волнует. Нас волнует только твое «что-нибудь».

— Да, дорогая. Я думаю, что смогу себе позволить выплачивать сразу по пять сотен каждой. Таким образом, каждая из них абсолютно спокойно ко дню смерти своей матери получит более трех тысяч фунтов, достаточно уверенное будущее для любой женщины…

— Конечно, только представь, тогда они уже будут иметь на троих целых десять тысяч фунтов. А если девицы с умом выйдут замуж, то и подавно себя обеспечат. Ну, если и не выйдут, то, живя все вместе, неплохо протянут и на десять тысяч фунтов.

— Что правда, то правда. Я тут подумал, моя дорогая Фанни, может быть, стоит хоть что-то сделать и для их безутешной матери, которая теперь живет только ради детей. Пожалуй, какая-нибудь сотня фунтов в год вполне ее устроит?

Его жена, на минуту задумавшись, одобрительно кивнула.

— Да сто фунтов намного лучше, чем сразу же выплатить ей пятнадцать сотен фунтов, — сказала она, — хотя, если миссис Дэшвуд проживет пятнадцать лет. То это нам будет дорого стоить… Полторы тысячи фунтов…

— Пятнадцать лет! Нет, что ты это слишком, она не протянет и половины этого срока.

— Наверное, да. Но ты замечал, что люди всегда живут дольше, если имеют пожизненные выплаты. Она, кстати, еще очень крепка и не так стара, ей всего-то чуть больше сорока лет. Пожизненные выплаты любого заставят цепляться за жизнь и не умирать. Вспомни мою мать. Как она намучилась, когда по завещанию отца выплачивала пенсию его старым слугам. Ей приходилось платить им дважды в год, старики сами не могли являться за деньгами, и их надо было еще и отвозить им. А потом, помнишь, однажды кто-то сказал, что один из слуг умер. Ему перестали платить, и вдруг выяснилось, что он всё еще жив. Моя мать очень страдала от всего этого. Она говорила, что ее доходы ей в итоге не принадлежат, потому что всё время приходилось отрывать от себя ради бесполезной дряхлой прислуги. Этот случай научил меня на всю жизнь, и я сказала сама себе: «Всё! Ни за что на свете никому не буду

платить никаких пенсий и пособий».

— Да, действительно, это всё так неприятно, — согласился мистер Дэшвуд, — иметь такую обузу. Бедная твоя матушка. Дважды в год строго по календарю расставаться с собственными деньгами! Такого и врагу не пожелаешь. Ведь это навсегда потерять свою независимость.

— И спасибо тебе за это никто не скажет. На твоем месте, я бы вообще не назначала им никаких ежегодных выплат. Кстати, нам самим это не всегда будет по карману, транжирить тысячу или даже пять сотен фунтов.

— Я думаю, что ты права, любовь моя, никаких ежегодных выплат, я буду выдавать им иногда немного денег, по мере наших возможностей. Так и нам будет легче, да и девицы научатся жить по средствам, и, может быть, сумеют даже что-то скопить. А рассчитывая на постоянный доход, они к концу года, будут все спускать до последнего пенса и ничего не оставят за душой. Да. Естественно, этот путь лучше! Пятьдесят фунтов в руке научат их бережливости, и в тоже время я полностью выполню мое обещание умирающему отцу.

— Несомненно. По правде, говоря, я думаю, что твой отец на смертном одре хотел сказать тебе именно это, но не успел. Наверное, будь у

него побольше времени, он посоветовал бы тебе поскорее найти для сестер славный маленький домик, перевезти их туда и время от времени навещать их там с гостинцами, вроде рыбы или тыквы, в зависимости от времени года. Главное забота, а не деньги. Рассуди сам: твоя мачеха и ее дочери могли бы жить на доходы от семи тысяч фунтов, помимо тысячи фунтов, принадлежащих каждой из девочек, получая раз в год по пятьсот фунтов, которые дочери, конечно же, разделят со своей матерью. Пять сотен дохода на всех, а что еще на земле нужно этим четырем женщинам? Да, они будут жить скромно, но на содержание дома им тратиться не надо, у них нет расходов на экипаж, лошадей, вина, слуг. А, как говорится, нет прислуги, нет расходов. Только представь на минуточку, как славно они заживут! Пять сотен в год! Не могу себе даже представить, на что они могут потратить хотя бы половину этой суммы. Если ты дашь им больше, то это просто какой-то абсурд. Да они и сами могли бы тебе выплачивать что-то.

— Даю слово, что все будет именно так, — сказал мистер Дэшвуд, — как ты проницательна. Мой отец это и имел в виду. Теперь я полностью уверен в этом, и с радостью выполню свое обе-

щание, оказав им, помощь добротой и заботой. Когда моя мачеха переедет в новый дом, я подарю ей какую-нибудь мебель.

— Естественно, — подхватила миссис Дэшвуд, — Но только не захламляй ее дом старьем. Помнишь, когда твои родители переехали в Норланд, вся сарая мебель была продана. А вот фарфор, посуду, скатерти и постельное белье они привезли с собой, и теперь всё это хранится у твоей матери. Куда она всё это денет в новом доме? Да всё и не поместится…

— Над этим стоит подумать, без сомнения. Заметное наследство! Некоторые из этих блюд, насколько я припоминаю, могли бы идеально подойти к нашим сервизам.

— Да, да, да. А тот изящный чайный сервиз как раз подходит к интерьеру Норленда. Такое произведение искусства будет нелепо смотреться в скромном домике в деревенском стиле, куда они все вскоре переедут. Но ничего не поделаешь. Твой покойный отец думал только о них! И я думаю, что ты ему не обязан ничем. Потому что будь его воля, он бы все оставил только им.

Чайный сервиз и бессердечный отец — эти доводы окончательно убедили разумного Джона в правоте его жены. И он решил, лучшее, что

он сможет сделать для своих сводных сестер и мачехи, это стать хорошим соседом.

Глава 2

Миссис Дэшвуд провела в Норланде еще несколько месяцев, но не потому, ей хотелось там оставаться. Хотя со стороны могло показаться именно так. Вдова стала спокойнее и всё реже предавалась скорбным воспоминаниям, но эти стены перестали казаться ей родными, и она добросовестно подыскивала домик поблизости. С ее скромным доходом это оказалось непросто. Следуя практичным советам своей старшей дочери, миссис Дэшвуд отказывалась от нескольких заманчивых предложений, которые им были не посредствам, хотя эти уютные коттеджи так приглянулись ей.

Миссис Дэшвуд знала об обещании приемного сына позаботиться о них и верила в него также свято, как и ее покойный муж. Она была благодарна любой помощи, хотя предложенная им сумма была намного меньше семи тысяч фунтов, но вдова готова была жить и на эти деньги. Она благодарила Бога, что он послал ей такого великодушного пасынка, и корила себя за то, что раньше считала его не способным на благородный посту-

пок. Впрочем иллюзии по поводу того, что Джон не оставит ее с дочерями на произвол судьбы, не повлияли на ее отношения с невесткой.

Недоверие, которое она испытывала к своей невестке с первого дня их знакомства, росло с каждым днем с тех пор, как они стали жить под одной крышей. Две дамы смогли уживаться всего полгода. Возможно, они не выдержали бы и нескольких месяцев, униженная миссис Дешвуд уже была готова поступиться правилами хорошего тона и своими материнскими чувствами, если бы не одно обстоятельство, которое, по ее мнению, оправдывало дальнейшее пребывание ее дочерей в Норланде.

Обстоятельством этим была взаимная симпатия между ее старшей девочкой и братом миссис Джон Дэшвуд, очень приятным и хорошо воспитанным молодым человеком. Его звали Эдвард Феррарс. Он появился в Норланде, вслед за своей сестрой и с тех пор почти постоянно гостил там.

Некоторые матери поддерживали бы выбор дочери, прежде всего по тому, что ее избранник Эдварда Феррарс, не только молод, но и богат. Как старший ребенок в семье после смерти отца — человека небедного, он мог претендовать на солидное состояние, но при этом оказался в

крайней зависимости от собственной матери и довольствовался пока лишь двумя тысячами фунтов в год. Но для миссис Дэшвуд было не так важно, что у Эдварда за душой, как то, что у него в душе. Ей было вполне достаточно, что он влюблен в ее дочь, и она отвечает ему взаимностью.

Эдвард Феррарс не поразил Элинор с первого взгляда ни утонченностью манер, не аристократизмом. Он не был красив и не всегда мог преподнести себя, но стоило узнать его немного лучше, и сразу становилось ясно, что Эдвард — очень порядочный и открытый молодой человек, хорошо образованный, но при этом совершенно неамбициозный. Эта черта огорчала его мать и сестру, так как они непременно хотели видеть его на посту… и сами не знали на каком, только страстно желали, чтобы он стал заметной фигурой. Мать видела его известным политиком, членом Парламента или на худой конец серым кардиналом при какой-нибудь властной политической фигуре. Что же касается сестры — в замужестве миссис Джон Дэшвуд, то ее мечты было намного проще воплотить в жизнь. Ей хотелось, чтобы брат виртуозно управлял каретой. Сам Эдвард не испытывал ни малейшего интереса ни к политике, ни к лошадям. Он всегда

оставался спокойным домашним мальчиком. К счастью у него был младший брат Роберт, подававший большие надежды.

Прежде чем миссис Дешвуд обратила внимание на Эдварда, прошло несколько недель. Вдова всё это время скорбела, а молодой джентльмен жил с ней в одном доме бок о бок, но при этом умудрялся не привлекать к себе внимание. Он был настолько незаметным и спокойным, что миссис Дешвуд даже полюбила его за это. Эдвард никому не мешал жить, и эта врожденная деликатность тронула ее до глубины души. Ее старшую дочь в нем с первого взгляда поразила другая черта — он был полной противоположностью своей сестре. Элионор как-то в разговоре с матерью упомянула об этом, и тогда миссис Дешвуд впервые подумала о нем, как о вероятном будущем близком родственнике.

— Этого вполне достаточно, — сказала она немного смущенной дочери, — раз ты говоришь, что он полная противоположность Фанни. Я уже люблю его.

— Мама, ты скоро его полюбишь искренне, — ответила Элинор, — когда узнаешь еще лучше.

— Полюблю его? — улыбнулась мать, — нет, я буду третьей лишней между влюбленными.

— Тогда ты будешь просто обожать его.

— Милая, но разве есть разница между обожанием и любовью.

С этого дня миссис Дэшвуд стала привечать молодого человека и он, заручившись ее поддержкой, вскоре совсем забыл о своей застенчивости. Она же смогла оценить его достоинства, главным из которых было его отношение к Элинор. Миссис Дешвуд даже перестала замечать его нежелание быть на виду, которое противоречило всем ее представлениям о светскости, приличествующей молодым джентльменам, и была счастлива, что ее девочка встретила такого сердечного и отзывчивого человека. Она не сомневалась, что Эдвард влюблен и даже подумывала о скорой свадьбе.

— Еще несколько месяцев, Марианна, — как-то сказала она, — и наша Элинор выйдет замуж. Мы будем скучать без нее, но зато она станет счастливой.

— Ах, мама! Как же мы будем жить без нее?

— Но, душечка, мы ведь не разлучимся. Поселимся в двух-трех милях друг от друга и будем каждый день ходить друг к другу в гости. А у тебя, наконец, появится брат, истинно любящий брат. У него золотое сердце… Марианна! У тебя такой печальный взгляд! Неужели ты не одобряешь

выбор своей сестры?

— Возможно, — сказала Марианна, — но я думаю, они не пара. Да, Эдвард очень мил, и я люблю его нежно. Но он не тот молодой человек, который нужен Элинор… Ему чего-то не хватает… Ни стати, ни внешности, ни изящества манер. Она достойного лучшего. А он… Его глаза лишены такого блеска, который свидетельствует об уме и страсти. Но помимо всего этого, я боюсь, мама, что у него совершенно нет. Музыка его вдохновляет, живопись не трогает. Когда он хвалит рисунки Элинор, то сразу видно, что он не смыслит в живописи ничего. Он говорит как влюбленный, а не как знаток. Не знаю, как Элинор, но я не смогла бы жить с человеком, который не разделяет моих интересов. Он должен слушать ту же музыку, любить те же книги. Ой, мама! Как черство, как бездушно вчера вечером Эдвард читал нам книгу. Я чувствовала, как переживает из-за этого Элинор. Да, ее это просто раздражало. Но ей приходилось скрывать это. Я едва усидела на месте. Такие замечательные, поэтичные строки он читал загробным голосом. Это почти убило меня, своей безразличностью!

— Но ему не нравится поэзия, он предпочитает простую и легкую прозу. Дай ему почитать Коупе-

ра, и, возможно, он изменит своё мнение.

— Нет, мам. Это не тот человек, который может прочувствовать Коупера. Он может только заметить разницу между поэзией и прозой. Впрочем, Элинор не такая восприимчивая, как я и, как знать, возможно, поэтому она будет счастлива с ним. После вчерашнего монотонного чтения, я бы на ее месте даже разлюбила бы его! Но, увы, я в отличие от Элинор, никого не люблю. Ах, мама, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что, наверное, никогда не встречу человека, которого смогла бы полюбить. Я хочу этого очень, очень! Пусть даже он будет немного похож на Эдварда, но только чтобы его манеры и поведение полностью соответствовали моему представлению о настоящем мужчине!

— Любовь моя, рановато разочаровываться в жизни, ведь тебе еще нет семнадцати лет. Почему тебе не быть такой же счастливой, как была твоя мать? Возможно, по какому-нибудь стечению обстоятельств, твоя судьба будет совсем другой, чем у Элинор, моя дорогая Марианна.

— Как жаль, Элинор, — вздохнула Марианна, — что Эдвард совершенно не чувствует живописи!

— Не чувствует живописи? — переспросила Элинор. — Почему ты так думаешь? Да, сам он не

рисует, но работы других доставляют ему настоящее удовольствие, и, поверь мне, он не лишен вкуса, хотя ему и не представилась возможность развивать его. Если бы ему совсем немного подучиться, то я думаю, что он рисовал бы не хуже других. Но он так скромен и тактичен, что боится навязать своё мнение окружающим. Можешь не сомневаться, у него есть своё виденье живописи и врожденный вкус, которые помогают ему в жизни.

Марианна промолчала, чтобы не обижать сестру. То, что Элинор называла врожденным вкусом, совершенно не соответствовало тому восторженному чувству, которое и принято считать истинным вкусом, во всяком случае, так думала сама Марианна. «Разве может человек, молча и довольно равнодушно разглядывающий картины, иметь врожденный вкус?» — подумала она и улыбнулась про себя заблуждению сестры, но не осудила ее, а наоборот, восхитилась ее трогательной готовностью защищать Эдварда.

— Надеюсь, Марианна, — не сдавалась разгоряченная Элинор, — ты не считаешь, что Эдвард вообще лишен вкуса? Нет, конечно, нет, ты не можешь так думать! Ведь ты с ним очень мила, а если бы ты была о нем такого плохого мнения, то

уж точно не смогла бы изображать дружелюбие.

Растерянная Марианна не знала, что ответить. Она боялась ненароком ранить сестру, но и солгать ей в глаза тоже не могла. В конце концов, собравшись с духом, она сказала:

— Не обижайся, Элинор, если я сейчас не говорю о нем так, как он этого, по-твоему, заслуживает. Просто я не так часто с ним общалась, как ты, и пока не сумела оценить его природный ум, кругозор и вкус. Однако я могу поручиться, что Эдвард обладает редкими душевными качествами и здравым смыслом, и сразу располагает к себе собеседника.

— Да, я думаю точно также, — кивнула Элинор с улыбкой, — Спасибо тебе за эти искренние слова. Даже лучшие друзья не смогли бы защитить его так, как ты. Я и не думала, что ты так ценишь его.

Марианна вздохнула с облегчением от того, что ее сестра успокоилась и заулыбалась.

— Да, его ум и доброта, — продолжала Элинор, — покорят любого. Достаточно всего раз поговорить с ним. Только застенчивость заставляет его порой молчать, но со временем понимаешь, как много может значить это молчание. Я так рада, что ты успела познакомиться с ним поближе и

оценить благородство его души. Что же касается его интересов и вкуса, да, это верно, я общалась с Эдвардом гораздо чаще, чем ты… Но ведь ты поддерживала нашу матушку в скорбный момент, и лучше тебя никто не смог бы ее утешить… Когда я лучше узнала Эдварда, то поняла, что он очень порядочный человек, прекрасно образованный, начитанный с широким кругозором. Ты не поверишь, но он остроумен, а его вкус! Вкус просто безупречен. Да, его трудно полюбить с первого взгляда, он не особенно красив и щеголеват. Но стоит хоть раз взглянуть в его ясные лучистые глаза, светящиеся добротой изнутри, как хочется смотреть в них снова и снова. Только тогда начинаешь понимать, как по-настоящему красив этот человек! Во всяком случае, очень привлекателен. А ты, Марианна, ты считаешь его красивым?

— Я думаю, что он весьма привлекательный, Элинор. Когда ты попросила меня полюбить его как брата, то я с радостью выполню эту просьбу и перестану замечать отсутствие чувств на его лице, потому что начну видеть их в его сердце.

Элинор смутилась, в поисках взаимопонимания она зашла слишком далеко и, похоже, сказала сестре лишнее. Ей стало неловко от того, что она пыталась навязать свои чувства Марианне,

чтобы найти в ней родственную душу. Элинор слишком хорошо знала, что и сестра, и ее мать, согласившись с чем-либо в первый момент, во второй — уже твердо в это верят. Для них: желать — значило надеяться, а надеяться — получить. Поэтому она быстро попыталась исправить свою ошибку.

— Я не буду скрывать, — сказала она, опустив глаза, — что я очень уважаю Эдварда, и он мне очень нравится.

Марианна почти взорвалась от негодования:

— «Очень уважаю»! «Он мне нравится»! Ты просто бессердечная, Элинор! Нет. Ты хуже, чем бессердечная! Постыдись быть столь рассудительной! Ну, и слова ты нашла, ничего не скажешь, к месту! Еще раз их услышу и тотчас уйду из комнаты!

Элинор от души рассмеялась.

— Прости меня, — сказала она, — и постарайся понять. Ты увидела в моих словах бессердечность и холодный расчет? Это не так. Мои чувства искренни и сильны, но мне стало неловко, что я выставила их напоказ, тем более, пока их питает только надежда. Надежда на то, что я ему тоже небезразлична. Но пока не более того. Я стараюсь сохранять благоразумие, потому что иногда мне

кажется, что его чувства ко мне не так глубоки. И пока он не объяснился открыто и прямо, не удивляйся, что я боюсь называть вещи своими именами, и не произношу это главное слово. Пока между нами лишь симпатия. В глубине души я не сомневаюсь… почти не сомневаюсь в его любви. Но ведь кроме любовных, есть еще и родственные чувства. С его матерью мы не знакомы. Но судя по тому, что Фанни порой рассказывает о ней, она не кажется мне добросердечной. И я не думаю, что сам Эдвард прекрасно понимает, какие испытания его ожидают, если он выберет невесту без денег и без титула.

Марианна была потрясена. Они с матерью оказались недалеки от истины.

— Так он еще не сделал тебе предложения? — удивленно спросила она, — но думаю, ждать осталось недолго. Всё что ни делается, делается к лучшему. Небольшая отсрочка даже кстати. Во-первых, мы не расстанемся с тобой так быстро, во-вторых, у Эдварда будет великолепная возможность до свадьбы довести свой врожденный вкус до совершенства. В будущем тебе это не помешает. Ах, если бы заставила взять его в руки кисти и краски! Как бы это было замечательно!

Но Элинор не разделяла восторженного на-

строения сестры и честно призналась ей, что не уверена, что их отношения с Эдвардом могут закончиться браком. Ее волновала сдержанность, которая иногда охватывала его, возможно, она не свидетельствовала о равнодушии, но все же ничего хорошего явно не сулила. Сомнения в ее взаимности, даже если он их испытывал, должны были вызвать у него тревожное волнение, желание добиться любимой, но не уныние и скуку, как это часто бывало. Разумеется, причиной его тоски могла стать зависимость от матери, не позволявшая ему дать волю чувствам.

Отношения с матерью у Эдварда были настолько сложными, что он редко переступал порог отчего дома и не спешил обзаводиться собственным, во всяком случае, до тех пор, пока не выполнит все надежды, которые возлагала на него мать. Вот почему Элинор не позволяла себе питать надежды на скорый брак. Иногда ей даже казалось, что Эдвард и вовсе не испытывает к ней каких-то особых чувств, как считали ее сестра и мать. Более того, чем дольше продолжалось их знакомство, тем менее ясным становилось его отношение к ней: увы, но робкая любовь постепенно превращалась всего лишь в дружбу.

Мать Эдварда настолько контролировала каж-

дый шаг своих сыновей, что ее влияние на себе ощутили даже Элинор и ее мать. Миссис Дэшвуд однажды в разговоре недвусмысленно дала понять, как, по мнению миссис Феррарс, должны будут выглядеть будущие невестки. Ее мальчикам подойдут только состоятельные и разумные девицы, и они не позволят себя окрутить их, кому попало. Намек был понят. Оскорбленная миссис Дэшвуд вышла из комнаты с единственным желанием — поскорее покинуть этот дом.

Обида еще не успела остыть, когда принесли письмо, только доставленное по почте, и оно оказалось как нельзя кстати. Ее дальний родственник — сэр Джон Мидлтон, состоятельный джентльмен из Девоншира предлагал ей на самых выгодных условиях снять у него небольшой летний дом. Он был готов привести в порядок коттедж, если только миссис Дэшвуд подойдет это жилище, и сделать всё возможное, чтобы нуждающаяся родственница почувствовала себя в Девоншире, как дома. Для начала он искренне приглашал миссис Дэшвуд с дочерьми погостить в Бартон-парке, его нынешнем имении, чтобы она сама решила, в какой перестройке нуждается Бартонский коттедж, прежде чем сочтет возможным переехать туда. Миссис Дэшвуд приняла это

предложение, даже не дочитав письмо до конца. Если еще час назад она бы поколебалась стоит ли перебираться из Сассекса в далекий Девоншир, то после неприятного разговора с невесткой препятствие превратилось в преимущество. Они уедут подальше от Норланда. Ничего другого она теперь и не желала. Лучше покинуть навсегда это место, чем жить поблизости, приезжать сюда с лицемерными визитами и терпеть общество невыносимой Фанни. Она тотчас написала ответ сэру Джону и с благодарностью приняла его предложение, но прежде чем отправить письмо, решила посоветоваться с дочерями.

Элинор поддержала ее, так как всегда считала, что лучше совсем уехать из Норланда, чем оставаться здесь в таком окружении. К тому же этот дом в Девоншире, по словам сэра Джона, был настолько скромен, а оплата такой маленькой, что возражений у нее не осталось совсем. Поэтому она не стала отговаривать мать, и письмо с согласием было немедленно отправлено.

Ответ в Девоншир еще не был отправлен, но миссис Дэшвуд не смогла отказать себе в удовольствии и гордо объявила за завтраком своему приемному сыну и его жене, что она подыскала прекрасный дом и сегодня же начинает готовить-

ся к отъезду. Пасынок и невестка были настолько удивлены эти известием, что некоторое время не знали, что и сказать. Миссис Фанни так и не нашла нужных слов, а Джон после продолжительной паузы вежливо поинтересовался, как далеко от Норленда поселится его дорогая мачеха. Она ждала этого вопроса и торжественно произнесла, что переезжает в Девоншир. Пасынок и невестка снова потеряли дар речи, и только Эдвард вздрогнул от этих слов и инстинктивно наклонился к миссис Дэшвуд.

– *Девоншир*, — почти по слогам повторил он и, глядя в глаза миссис Дешвуд, спросил, — Вы, действительно, хотите переехать туда? Но ведь это так далеко отсюда? А где в Девоншире Вы планируете поселиться? Я признаться, не очень хорошо ориентируюсь в тех местах.

— Мы будем жить в Бартоне, это в четырех миля к северу от Экзетера, — пояснила миссис Дешвуд. — Правда, это всего лишь летний домик, небольшой уютный коттедж. Но я надеюсь, что многие из моих друзей навестят меня на новом месте. Я подумываю пристроить к дому еще одну или даже парочку комнат, так что места хватит всем. Главное, чтобы мои приятели не побоялись дальней дороги, а достойный прием я им всегда

обеспечу. Дорогая Фанни, Джон, я надеюсь, что вы станете первыми моими гостями, — с легкой иронией произнесла леди, а затем, наклонившись к Эдварду негромко и ласково добавила. — А для вас, мистер Феррарс, двери моего нового дома всегда открыты, — После этих слов она приосанилась и выразительно посмотрела на миссис Дэшвуд, всем своим видом давая понять, что теперь для нее совсем неважно, одобряет Фанни возможный брак между Элинор и Эдвардом или нет.

Торжественно объявив родственникам о скором отъезде, миссис Дешвуд вдруг задумалась, а не поторопилась ли она так громко хлопнуть дверью? Ей так не хотелось разлучать Элинор и Эдварда. Словно почувствовав ее почти неуловимое сомнение, Джон стал уговаривать мать не торопиться с отъездом и даже подыскать другой дом рядом с Норландом. Похоже, он искренне жалел об отъезде мачехи и сестер и переживал, что не сможет выполнить обещание, данное отцу — обустроить их на новом месте. Джон рассчитывал сам перевезти мебель и вещи в их коттедж, но на семейном совете решили отправить багаж морем. Всё имущество четырех леди уместилось в одной большой лодке, куда погрузили кое-что из мебели, посуду, постельное белье, скатерти и

книги и, наконец, осторожно поставили, чтобы не повредить, пожалуй, самую ценную вещь — маленькое комнатное фортепиано Марианны.

Миссис Фанни по-хозяйски оглядела чужую поклажу и вздохнула с сожалением при мысли о том, что совсем скоро от нее уплывут эти чудесные сервизы, которые так замечательно смотрелись бы в ее новой гостиной. И она решила обязательно приобрести новую приличную мебель, чтобы не отставать от свекрови.

Миссис Дэшвуд сняла коттедж ровно на год. Домик оказался скромный, но опрятный, со всей необходимой мебелью, поэтому новым хозяйкам оставалось только преступить его порог. Никаких формальных затруднений ни с той, ни с другой стороны не возникло, поэтому миссис Дэшвуд, прежде чем отправиться на запад, необходимо было распорядиться имуществом, которое не поместилось в лодку и решить, какая прислуга потребуется ей в Бартоне. Легкая на подъем и энергичная дама не привыкла откладывать дела в долгий ящик и поэтому, когда она что-то страстно желала, то благодаря своей предприимчивости получала весьма быстро.

Так лошади, оставленные ей покойным мужем, были выгодно проданы вскоре после его кон-

чины, а теперь, по настоянию старшей дочери, она согласилась продать и карету, пока представился удобный случай. По правде сказать, она подумывала сохранить карету для дочерей, но послушала Элинор и назначила за нее хорошую цену. Старшая дочь также убедила ее не брать с собой всю прислугу, а ограничиться лишь двумя горничными и лакеем, из тех, кто верно служил им в Норланде.

Лакей и одна служанка тут же были отправлены в Девоншир, чтобы убрать дом к приезду своей госпожи. Миссис Дэшвуд решила сразу поселиться в собственном коттедже, предварительно его не осмотрев, так как полностью доверилась мнению сэра Джона. Кроме того, она не была знакома с леди Миддлтон и посчитала неудобным останавливаться у нее первое время в Бартон-парке. Тем временем приближался долгожданный день отъезда из Норланда, и довольная миссис Дэшвуд уже не скрывала радости, предвкушая счастливые перемены в своей жизни. Впрочем, как и ее невестка, которая тоже с нетерпением ждала, когда же они все, наконец, уедут. С той только разницей, что она открыто не выражала своих чувств и лишь изредка совершенно безразличным голосом предлагала свекрови и золовкам

остаться. Все понимали, что в эти редкие мгновения ей движет не вежливость, а скорее привычка при встрече с родственниками перекинуться парой фраз. А поскольку других приятных тем для обсуждения у них не было, то дамы с удовольствием говорили о предстоящем переезде.

Пока Фанни замерла в ожидании, для Джона пробил час истины — он понял, что, наконец, выполнит обещание, данное умирающему отцу, и всю оставшуюся жизнь будет жить спокойно. Так как он не сделал этого, когда вступил в наследство, то предстоящее расставание могло стать прекрасным поводом исправить досадное недоразумение. Но Джон снова тянул время, и миссис Дэшвуд стала понимать по его постоянным намекам, что на большее рассчитывать не стоит, ибо он и так оказал им более чем достаточную помощь, почти полгода предоставляя стол и кров в Норланде. Пасынок, то и дело сокрушался, что жизнь дорожает с каждым днем, расходы по содержанию дома все время растут и что он, как человек, занимающий не последнее положение в свете, вынужден поддерживать свой имидж, что тоже стоит денег. Джон был так убедителен, что со стороны могло показаться, что он задавлен нуждой и вынужден считать каждый пенс.

День отъезда пришел также внезапно, как и приглашение из Девоншира. Не прошло и двух недель, как миссис Дэшвуд получила первое письмо от сэра Джона Миддлтона, как всё уже было готово к отъезду. Дом был убран, столовое серебро, скатерти и маленькое фортепиано Марианны доставлены, оставалось только прибыть самим хозяйкам.

Как это часто бывает перед отъездом, радостное ожидание сменилось у дам ностальгией и две из них самые чувствительные, мать семейства и Марианна, даже всплакнули на дорожку.

— Милый, мой милый Норланд! — шептала Марианна, гуляя в одиночестве у порога отчего дома в последний вечер перед отъездом. — Мы еще не уехали, а я уже скучаю по тебе! Есть ли еще такое место на земле, где я снова смогу почувствовать себя дома. Милый сердцу уголок, возможно, я последний раз вижу тебя в сумерках вечернего сада и больше никогда не переступлю твоего порога. Тенистые аллеи, завтра вы будете также встречать тихим шелестом первые звезды, но всё это будет уже без нас, и ни один лист не упадет с этих густых крон от того, что нас здесь больше нет. Мы больше никогда не увидим вас, но кто ещё кроме нас сможет восхититься вами!

Глава 3

Рано утром подали экипаж. Миссис Дешвуд с тремя дочерями, наспех простившись с Джоном и Фанни, отправились на Запад. Первую половину пути их одолевали тягостные чувства от этого поспешного и равнодушного прощанья, которое перечеркнуло последние десять лет их счастливой жизни, но чем ближе они подъезжали к Девонширу, тем легче становилось на душе. За окном кареты проносились сочные зеленые луга и перелески в легкой осенней дымке, а сам Бартон-Вэлли, как только они въехали туда, привел их в настоящий восторг. Первозданные густые леса и простор лугов, не знавших острой косы, сразу покорили впечатлительных леди. Проехав еще около мили, они, наконец, достигли собственного дома, который просто утопал в зелени. Высокая ограда была так плотно увита жимолостью и плющом, что они не сразу заметили среди бойкой листвы романтичную калитку, которая, казалось, сама приглашала усталых странниц войти.

Что касается самого дома, Бартон Коттеджа, то он был довольно маленький, но весьма уютный.

Это был, в общем-то, обычный летний дом со всеми недостатками временного жилья: старая черепичная крыша, ставни, непокрашенные в зеленый цвет, как это приличествует особняку, и густо увитые плющом стены. Маленький коридор вел прямо через дом в такой же маленький сад. Справа и слева от него располагались крошечные гостиные, не больше восьми шагов в длину и столько же в ширину, за ними ютились подсобки, кладовые и узенькие лестницы на чердак. В доме были еще четыре спальни, для каждой из хозяек, и еще две комнатки на чердаке. Коттедж не выглядел старым и запущенным, даже наоборот, он содержался достойно, но, по сравнению с Норландом, он был невероятно беден. На глаза у леди Дэшвуд навернулись слезы, но, увидев своих слуг, она быстро смахнула слезинки и решила, что будет выглядеть счастливой. Тем более, хорошая погода располагала к безмятежности и тихому счастью в гармонии с природой. Стоял ранний сентябрь, теплый и сухой, и солнечные лучи сквозь едва желтеющую листву освещали их новое пристанище, которое они выбрали себе сами.

Осмотревшись, миссис Дешвуд пришла к выводу, что всё не так уж и уныло. Во всяком случае,

место для строительства их коттеджа было выбрано идеально. Он находился в низине и был защищен от ветров высокими холмами, некоторые из них были распаханы, другие поросли высокой травой и лесом. Деревушка Бартон как раз находилась на одном из этих холмов и была видна из окон коттеджа, как на ладони. Чудесный вид на бескрайнюю долину, которая, казалось, начиналась прямо у порога их дома и заканчивалась где-то за горизонтом, завораживал романтично настроенных юных леди, а гряда холмов, тянущаяся по другую сторону от коттеджа, вселяла в них чувство защищенности. Наиболее высокие из них растворялись в голубой дали. Но это был уже не Бартон, а совсем незнакомая им местность.

Размером дома и его обстановкой миссис Дэшвуд, как не странно, осталась вполне довольна. Теперь интерьер Норланда, созданный ею, представлялся ей вычурным. Правда, и здесь она испытала непреодолимое желание добавить уюта, и даже пересчитала деньги, специально отложенные на всякие милые безделушки, но в последний момент решила обустроить дом по-новому.

— Что касается дома, то он находится в хо-

рошем состоянии, хотя и маловат для нашей семьи, — сказала она Элинор. Но сейчас осень, и уже поздно говорить о каком-то ремонте. Может быть, весной… Когда у меня будет достаточно денег, я, вероятно, кое-что здесь переделаю. Эти гостиные, обе, конечно, малы, для тех вечеров, которые я собираюсь давать для своих друзей. У меня есть мысль, одну гостиную разделить пополам, а затем соединить с коридором и второй гостиной. Тогда получится просторный зал, потом мы отдельно у входа пристроим еще одну художественную гостиную, и вместе со спальнями и комнатками под крышей — все это составит очень даже уютный коттедж. Еще мне бы хотелось, чтобы лестницы стали изящнее. Но не всё сразу. В общем-то, заменить лестницы будет несложно. Всё упирается в деньги. К весне будет видно.

Забавно было слышать всё это от женщины, которая рассчитывала жить всего на пятьсот фунтов в год и при всех своих прочих достоинствах не смогла сэкономить в жизни ни одного пенса. А поскольку до весны было еще далеко, новые хозяйки коттеджа решили создать уют исходя из своих нынешних финансовых возможностей: расставили книги на полках, распаковали ин-

струмент Марианны и водворили его на самое видное место, а в гостиной развесили рисунки Элинор. На следующее утро к ним заглянул владелец этого коттеджа — сэр Джон Миддлтон, подтянутый джентльмен лет сорока. Он поинтересовался, как дамы добрались, всего ли у них в достатке, и сообщил, что его дом и сад всегда к их услугам. Они виделись лишь однажды, много лет назад он приезжал к ним в Стэнхилл, но его кузина была еще так молода, чтобы почти не помнила этой встречи. Сэр Миддлтон держался непринужденно, но сразу стало понятно, что ему не безразлична судьба дальних родственниц. Он честно признался, что хотел бы поселить их у себя, но поскольку дамы сразу решили жить самостоятельно, то он пригласил всех ежедневно обедать у него, пока они не обживутся на новом месте. Так как его приглашение звучало искренне, они охотно приняли его. А всего через час после ухода сэра Джона, из Бартон-Парка в коттедж доставили огромную корзину, полную фруктов из его сада. Он также взялся доставлять все их письма, приходящие почтой, пообещал каждый раз пересылать им свои свежие газеты и на словах передал просьбу леди Миддлтон. Она хотела познакомиться с семейством Дэшвуд, как

только это будет удобно.

Разумеется, им не терпелось увидеть особу, от которой во многом зависело их благополучная жизнь в Бартоне, поэтому, ее милость они принимали у себя уже на следующий день. Леди Миддлтон было не более двадцати шести — двадцати семи лет. Высокая и статная, с правильными чертами лица, она была полна благородства и аристократизма. Ее манера держаться была безупречна, что не всегда можно было сказать о ее супруге. Но первое приятное впечатление о ней к концу их первой встречи рассеялось. Леди Миддлтон при всей светскости оказалась холодной и довольно равнодушной особой, с которой не о чем было поговорить.

Весь разговор свелся к обмену банальными любезностями и общением со старшим сыном леди, которого она предусмотрительно захватила с собой. Хорошенький мальчик лет шести стал одним единственным предметом внимания и обсуждения всех присутствующих дам.

— Как его зовут? И сколько ему лет? — Все восхищались его красотой и задавали ему бесконечные вопросы, на которые, конечно же, отвечала его мать. А он пока цеплялся за нее и стыдливо опускал голову, она с изумлением

спрашивала, чего же он стесняется в гостях, когда так шумно ведет себя дома. Затем еще десять минут ушли только на то, чтоб узнать, кого малыш любит больше: своего папу или маму. Или двоих сразу? И почему?

Вскоре Дэшвудам представилась возможность увидеть и остальных детей четы Миддлтон, так как сэр Джон не ушел до тех пор, пока не получил от них обещания отобедать вместе в Бартон-Парке уже на следующий день.

Усадьба Бартон-Парк находилась приблизительно в полумиле от коттеджа. Впервые барышни заметили ее во время прогулки. Скрытая высоким холмом, она была не видна из окон коттеджа. Но стоило обогнуть холм, и перед ними возвышался новый особняк, и сразу было видно, что его хозяева живут в роскоши. Миддлтоны были не только богаты, но и гостеприимны. Хозяин дома сэр Джон с юности любил шумные компании, со временем его образ жизни с удовольствием разделила супруга. Они скучали, если у них кто-нибудь не гостил. Поэтому они имели много друзей, гораздо больше чем кто-либо во всей округе. Разные по характеру и темпераменту, они прекрасно дополняли друг друга, при этом каждый не мешал развиваться прирожденным

талантам спутника жизни. Так, сэр Джон был спортсменом, леди Миддлтон — матерью. Он охотился и увлекался стрельбой, она воспитывала детей. Это были их главные увлечения в жизни. Правда, леди Миддлтон еще имела возможность портить воспитанием своего сына ежедневно и круглый год, в то время как сэр Джон ходил на охоту только в сезон. Но они оба, в любое время года и в любую погоду с удовольствием вместе бывали в гостях и принимали гостей у себя. Это заменяло им природу, образование и всегда поднимало настроение сэру Джону, и давало необходимую передышку леди Миддлтон.

Леди Миддлтон, по праву гордилась изысканностью своего стола и всего, что ее окружало, и это больше всего поднимало ей настроение во время домашних приемов. А вот сэр Джон просто получал удовольствие от общения. Он приглашал в гости столько молодых людей, сколько мог вместить его большой дом. И чем больше шума и суеты от них было, тем больше удовольствия он получал. Завсегдатай всех молодежных балов Девоншира, каждое лето он организовывал пикники на природе, чтобы отведать холодной ветчины и жареной дичи. А зимой он так часто устраивал балы у себя, что только неугомонные

пятнадцатилетние барышни могли мечтать, чтобы танцы проводили еще чаще.

Каждый приезд новой семьи для Миддлтонов становился настоящим событием, а тут еще нагрянули сразу три девицы, которые были весьма хороши собой и к тому же прекрасно воспитаны, чем сразу привлекли внимание сэра Джона.

Правда, старшая дочь миссис Дэшвуд Элинор сначала показалась ему простоватой и без претензий. И он решил, что этой непритязательной девушке ничего другого не остается, кроме как сосредоточить свое внимание на самой себе и она вряд ли примет участие в шумных вечерах. Впрочем, это наблюдение не изменило дружеского отношения сэра Джона к четырем одиноким леди. Заботясь о своей кузине и ее дочерях, он как человек порядочный и сострадательный испытывал радость. А поселив у себя под боком, в коттедже, сразу несколько женщин, он начал испытывать удовлетворение охотника, который уважал только себе подобных мужчин, но никогда бы не решился поселить их в своих владениях, что бы потом не пришлось делить с кем-то охотничьи трофеи.

Сэр Джон сам встретил своих гостей на пороге дома и сразу пригласил миссис Дэшвуд с доче-

рями в художественную гостиную. Показывая им эту светлую довольно просторную комнату с причудливым растительным орнаментом на тканевых обоях и цветистой мебелью, он несколько раз посетовал, что упустил одну важную деталь и не пригласил никого из его молодых приятелей, чтобы развлечь барышень.

— Правда, сегодня меня неожиданно навестил один молодой человек, — сказал с улыбкой гостеприимный хозяин, — это просто мой друг, который остановился в Бартоне. Если честно, он не так молод и горяч, но я надеюсь, что юные леди простят меня за такую скромную компанию и, со своей стороны, я обещаю, что такого никогда больше не повториться, — пообещал сэр Джон. Он рассказал девицам, что спохватился слишком поздно. Когда утром он отправился к соседям, чтобы собрать у себя достойное общество, то выяснилось, что все уже куда-то приглашены. Ведь нет ничего лучше, чем провести теплый лунный вечер в компании друзей. К счастью час назад в Бартон прибыла мать леди Миддлтон, женщина очень веселая и общительная, поэтому есть надежда, что девушки сегодня не будут скучать. Три мисс Дэшвуд, не избалованные вниманием и общением, были несказанно рады познакомиться

сразу с двумя новыми людьми.

Первой им была представлена миссис Дженнингс, мать леди Миддлтон. Женщина оказалась очень веселая и такая же грузная. Она была в годах, но довольна собой и говорила без умолку. За столом она успела рассказать несколько пикантных историй о мужьях и любовниках, вслух понадеялась, что ни одна из девушек не оставила своего сердечка в Сассексе, и с удовольствием отметила, что девушки всё-таки покраснели, хотели они того или нет. Смущенная Марианна отнесла это замечание на счет старшей сестры и внимательно посмотрела на Элинор, как та выносит все это. Взгляд сестры вогнал в краску Элинор еще больше, чем анекдоты веселой миссис Дженнингс.

Полковник Брэндон, который был представлен вторым как старый друг сэра Джона, похоже, часто бывал в этом доме и чувствовал себя также естественно, как леди Миддлтон в роли жены, а леди Дженнингс в роли тещи.

Он не проронил ни слова за столом, но его молчаливое присутствие никого не смущало, хотя его внешность была неприятна. По мнению двух сестер, он выглядел как типичный старый холостяк, ему было уже за тридцать пять, а его лицо

могло оттолкнуть даже последнюю старую деву в округе. Возможно, он был не глуп и благоразумен, но явно не заинтересовал барышень.

Увы, в этот вечер они не нашли никого, с кем в дальнейшем смогли бы сойтись ближе. Леди Миддлтон была скучна и холодна, полковник Брэндон — мрачен и не разговорчив, а миссис Дженнингс — невыносимо весела. Леди Миддлтон за весь вечер оживилась лишь раз, когда после обеда вошли четверо ее детей и стали требовать всеобщего внимания. Они теребили подол ее платья и совершенно не давали ей говорить ни на одну из тем, не касающуюся их.

Когда выяснилось, что Марианна прекрасно играет на фортепиано, хозяин тут же открыл инструмент и все собравшиеся затаили дыхание. Марианна, у которой к тому же был редкий голос, в этот вечер исполнила почти все романсы, которые леди Миддлтон после замужества привезла в Бартон-парк и ни разу и не открыла, так как своё бракосочетание она отпраздновала тем, что навсегда оставила музыку, хотя, по словам ее матери, блистательно играла, а по ее собственному мнению, просто любила музыку.

Марианну осыпали комплиментами. После каждой песни сэр Джон во весь голос выражал

свой восторг — так же громко, как рассказывал что-нибудь остальным гостям, пока она пела. Леди Миддлтон то и дело одергивала его, удивляясь, как можно так невнимательно слушать музыку и всё время просила Марианну обязательно спеть ее любимый романс — как раз тот, который Марианна только что исполнила. И только полковник Брэндон слушал ее молча, но так внимательно, что его молчание стало для нее самым лучшим комплиментом. В этот момент Марианна почувствовала к полковнику некоторое уважение, невольно выделив его среди прочих слушателей, которые были лишены даже зачатков хорошего вкуса и почему-то не стеснялись этого.

Музыка явно доставляла полковнику удовольствие, и хотя он не впадал в экстаз, как чувствительная девица за фортепиано, но его внимание было очевидным. Она впервые с жалостью подумала о нем, решив, что в тридцать пять лет чувства притупляются, и искусство уже не дарит такого наслаждения, как в молодости. Марианна мысленно простила своего верного слушателя, как того требует человеколюбие.

Глава 4

Миссис Дженнингс была веселой вдовой с широким кругом общения. Она удачно выдала замуж обеих своих дочерей и, видимо, решила, что теперь обязана сосватать всех холостяков в подлунном мире. Денно и нощно она была готова сводить одинокие сердца и некоторые девицы были даже благодарны миссис Дженнингс за то, что та подыскала им приличных и небедных женихов. Приехав в Бартон, она в первый же вечер нашла применение своим способностям. Бегло осмотрев гостей, пожилая дама сразу же сложила будущую идеальную семейную пару, по ее мнению. Она сразу почувствовала неподдельный интерес к Марианне молчаливого полковника Брэндона. Он не просто слушал пение миловидной девушки, он «любовался ею», отметила про себя энергичная вдова и решила, что они обязательно должны быть вместе. Ее интуитивная догадка подтвердилась через несколько дней, когда семейство Миддлтон и друг семейства полковник Брэндон нанесли ответный визит в летний домик. Он снова не сводил глаз с поющей

Марианны. «Это будет прекрасная пара, — подумала миссис Дженингс, — он так богат, а она так красива».

Невесту для полковника она подыскивала очень давно, с тех пор, как он впервые появился в доме ее зятя и вот, наконец, она нашла то, что так настойчиво искала.

Миссис Дженнингс решила действовать немедленно и в этом деликатном деле прибегла к своей обычной тактике: она начала без умолку шутить. В Бартон-Парке она подсмеивалась над полковником. В коттедже — над Марианной. Старый холостяк пропускал ее шутки мимо ушей, неопытная Марианна сначала не понимала в чем дело, а когда немного разобралась, то расстроилась, она никак не могла понять, почему все позволяют себе так открыто подшучивать над странностями закоренелого холостяка.

А миссис Дэшвуд никак не могла представить себе человека на пять лет ее моложе в роли своего зятя, и сразу постаралась объяснить миссис Дженнингс и самой Марианне, что против неравного брака.

— Но, по крайней мере, матушка, вы уж точно не скажете, что у него скверный характер, — вступилась за полковника Марианна. — Полковник

Брэндон, естественно, моложе миссис Дженнингс, но мне он годится в отцы. Если он не женился в молодости, то в его годы собираться под венец просто смешно! Он никогда не решится на брак хотя бы из-за своих преклонных лет и старческой немощи.

— «Старческой немощи», — переспросила Элинор, — ты считаешь полковника немощным? Я понимаю, что ты считаешь его ровесником нашей мамы, но не обманывай себя, по-моему, он в прекрасной форме.

— А ты слышала, как он вчера жаловался на ревматизм? — не унималась Марианна.

— Моя дорогая девочка, — сказала ее мать, смеясь, — А вот здесь тебе лучше прислушаться ко мне. Возможно, сейчас это кажется тебе чудом, но жизнь продолжается даже после сорока.

— Мама, я соглашусь с вами, что, возможно, после сорока жизнь только начинается и полковник, я думаю, проживет еще лет двадцать в добром здравии и окружении верных друзей, но жениться в тридцать пять лет уже поздно, — ответила Марианна.

— Наверное, ты права, — согласилась с ней Элинор, — между тридцатью пятью и семнадцатью такая пропасть, что вряд ли муж и жена будут

понимать друг друга. Я думаю, полковнику подошла бы женщина лет двадцати семи.

— Женщина двадцати семи, — усмехнулась Марианна, и немного подумав, добавила, — женщина двадцати семи лет никогда не сможет так чувствовать и любить, как юная девушка. Она скорее станет этому офицеру хорошей сиделкой, чем настоящей женой. Хотя такой брак уж точно никого бы не удивил. Но это была бы даже не женитьба по любви, а нечто другое. Какая-то коммерческая сделка что ли, в которой каждый пытается что-нибудь для себя приобрести за счет другого.

— С тобой бесполезно спорить, но и после двадцати женщина может по-настоящему полюбить мужчину в возрасте и даже выйти за него замуж по любви. И не стоит так уж строго судить полковника Брэндона и его будущую жену-«сиделку» за то, что вчера в сырой и холодный день, он обмолвился о легких ревматических болях в суставах.

— По-моему, он говорил только о своем фланелевом жилете. Просто, для меня фланелевые вещи всегда связаны с болями, болезнями и ревматизмом, подстерегающими людей в старости.

— Даже если бы его трясло в лихорадке, ты презирала бы его меньше, чем за вчерашнее

легкое недомогание. Сознайся, Марианна, нет ли чего-то более интересного для тебя в этих висящих щеках, маленьких глазках и легких позывах лихорадки? — съязвила Элионор и вышла из комнаты.

А Марианна, тут же забыв о полковнике, обеспокоено зашептала матери:

— Меня последние дни беспокоят тревожные предчувствия, наверное, Эдвард Феррарс заболел. Мы уже почти полмесяца здесь, а он еще ни разу не приезжал. Только что-то очень серьезное могло удержать его в Норланде. Что же там стряслось?

— А ты думаешь, он когда-нибудь собирался сюда приезжать? — вздохнула ее мать. — Думаю, что нет. Мне даже показалось, что он просто пообещал навестить нас из вежливости, когда я разговаривала с ним в Норланде. А что Элинор всё еще ждет его?

— Я стесняюсь спросить ее об этом, но думаю, что всё же она должна его ждать.

— Нет, милая, ты ошибаешься. На днях я обсуждала с ней покупку новой решетки для камина в гостевой спальне, и она сказала, что это не к спеху, так как никто в ближайшее время не собирается там останавливаться.

— Как странно все это. Что бы это все могло значить? Впрочем, у них всегда были странные отношения. Как сдержанно они прощались в Норланде! И как спокойно они общались накануне отъезда, в свой последний вечер! Эдвард простился с Элинор, как и со мной — просто по-дружески. В наше последнее утро я дважды выходила из комнаты под разными предлогами, чтобы дать им возможность побыть наедине. И что ты думаешь? Они выходили из комнаты за мной следом. А когда мы отъезжали Элинор даже не плакала. Она всё время скрывает свои истинные чувства. Ни грусти, ни тоски, ни единой слезинки.

Прошло совсем немного времени и Дэшвуды поняли, что никуда не уедут из этого милого Бартона. Их жизнь вошла в прежнее русло, и они с удовольствием вернулись к своим увлечениям, за которыми коротали былое время в Норланде. Сэра Джона Миддлтона, первые две недели приходившего к ним каждый день, каждый раз немало удивляло, что никто в летнем домике никогда не сидел, сложа руки, а напротив, все заняты делом.

Правда, гости заглядывали в этот скромный дом всё реже, исключение составляли только сэр Джон с супругой. Хозяйки коттеджа предпочи-

тали вести уединенный образ жизни: гостей не созывали, да и сами редко бывали у друзей. Сэр Джон настойчиво предлагал им свою карету, чтобы барышни могли чаще видеться с соседями, но миссис Дэшвуд так дорожила своей внутренней свободой, что каждый раз вежливо отказывалась и бывала только у тех соседей, которых можно было навестить пешком. Таких в округе было мало, и многие из них тоже были небогаты и не принимали гостей. Однажды в полутора милях от коттеджа у извилистой дороги в Алленхэмскую долину, которая, была продолжением Бартонской, во время одной из своих первых прогулок Элинор и Марианна увидели внушительного вида старинный особняк, он напомнил им покинутый Норланд. Барышням захотелось непременно побывать в нем. Но вскоре они узнали, что его хозяйка, слишком стара и слаба, чтобы выходить в свет или устраивать приемы у себя.

Таким образом, тихие прогулки стали для девиц Дэшвуд едва ли не единственным доступным развлечением, но зато доставляли им истинное удовольствие. Живописные вершины холмов, которые были видны чуть не из каждого окна коттеджа, гордо возвышались над темной распаханной долиной и манили их своей пер-

возданной чистотой, особенно в непогоду, когда барышням приходилось по целым дням не выходить из дома. Поэтому в одно хмурое осеннее утро, едва заметив на пасмурном небе солнечные лучи, Марианна и Маргарет, не усидели в четырех стенах и отправились покорять один из этих высоких холмов. Перед этим два дня шел проливной дождь, и миссис Дэшвуд и Элинор с недоверием отнеслись к этим робким просветам среди туч и остались дома, одна, как обычно, читала, другая делала наброски.

Тем временем Марианна и Маргарет быстро поднимались на один из этих нехоженых холмов, радуясь многообещающему юго-западному ветру, но вдруг остановились на вершине и несколько минут не могли проронить ни слова, потрясенные открывшимся видом. Утреннее солнце, казалось, вырастает из самой земли, как огромный холм, сотканный из огня и света, и медленно встает над долиной.

— Какая величественная картина, — наконец, произнесла Марианна. — Маргарет, давай побудем здесь еще, не зря же мы шли сюда почти два часа.

Маргарет охотно согласилась, и, звонко смеясь, они шли навстречу ветру еще минут двадцать,

но внезапно над ними сомкнулись тучи и струи косого осеннего дождя стали нещадно хлестать их по щекам. Захваченные врасплох, девушки решили бежать домой, так как больше укрыться от дождя было негде. Они повернули назад и подгоняемые порывами ветра пустились бегом вниз по крутому склону, который вел прямо к их калитке.

И они побежали. Марианна сначала опередила младшую сестру, но вдруг неожиданно споткнулась и упала, а Маргарет, не успела остановиться на спуске, чтобы помочь ей, и мигом оказалась у подножья холма.

Марианна попыталась подняться, но не смогла и в отчаянье сидела на мокрой земле. Младшая сестра была еще довольно далеко от нее, когда совсем рядом раздался лай охотничьих собак. Марианна обернулась. Джентльмен с ружьем и с двумя энергичными пойнтерами, сновавшими вокруг него, спешил ей на помощь. Она снова попыталась встать, но тут же вскрикнула от боли. Нога! Она подвернула ее при падении. Марианна не успела опомниться, как джентльмен быстро положил ружье на траву, подхватил ее на руки, и понес вниз к дому. Маргарет придерживала калитку, а охотник бережно пронес смущенную

девушку в дом и усадил ее на кресло в гостиной.

Элинор и ее мать, которые в этот момент были в гостиной, привстали от удивления и с интересом рассматривали спасителя Марианны. С такой драгоценной ношей на руках он сразу предстал перед ними в выгодном свете, а его извинение за неожиданное вторжение, приятный баритон и безупречные манеры сразу покорили дам. Впрочем, будь на его месте даже толстяк преклонных годов, он всё равно показался бы миссис Дешвуд прекрасным рыцарем, спасшим ее бедную девочку. Но спаситель оказался не только благороден, но и молод и хорош собой.

Счастливая мать бросилась благодарить его от всего сердца, предложила присесть, но джентльмен тактично отказался, сказав, что промок до нитки. А когда миссис Дэшвуд осведомилась, кому ее дочь обязана своим чудесным спасением, он ответил, что его имя Уиллингби и что его дом находится в Алленхэмэ, откуда завтра он пришлет дамам приглашение, если они не против, и быстро ушел, скрывшись под пеленой дождя.

Его природная мужская красота и благородство манер весь вечер стали предметом разговора в летнем домике. Смех, который вызывала его галантность у Марианны, означал, что джентль-

мен произвел на нее действительно сильное впечатление, хотя она почти не рассмотрела его лица. Впрочем, девица справедливо считала, что знает его уж точно дольше всех в этом доме и с удовольствием обсуждала его достоинства с остальными. Марианна почти не сомневалась, что сами небеса сегодня вмешались в ее судьбу и вместе с проливным дождем послали ей этого рокового мужчину ее мечты. Он был хорош собой, его имя показалось ей звучным, его особняк находился как раз в той деревушке, которая так нравилась ее сестрам, и, наконец, этот чудесный короткий жакет на нем. О да, ей всегда нравились мужчины в таких жакетах! С этого дня Марианна думала только о прекрасном охотнике и боль в ноге быстро прошла.

Как только распогодилось, заскучавший в осеннюю распутицу сэр Джон Миддлтон сразу пригласил Дэшвудов к себе и с интересом узнал из их уст о недавнем происшествии с Марианной.

— Уиллингби из Алленхэма! — вскричал сэр Джон, — Так он снова здесь? Отличная новость! Значит, я обязательно должен пригласить его на обед во вторник. Завтра же пошлю ему приглашение.

— Так вы знакомы? — спросила Миссис Дэ-

швуд.

— Знакомы? Конечно, знакомы! Он бывает здесь каждый год в сезон охоты.

— Скажите, а что он за человек? — осторожно поинтересовалась Марианна.

— Лучшего и не сыскать! Отличный стрелок и лучший наездник во всей Англии.

— И это все что вы можете сказать о нем? — воскликнула Марианна. — А как же его характер? Привычки, вкусы, интересы?

— Честно говоря, — смутился сэр Джон, — я не очень много знаю о нем, кроме того, что уже сказал. Он славный малый и имеет лучшую суку черного пойнтера, которую я когда-либо видел. Вы, наверное, тоже видели ее в тот день?

Этот вопрос поставил Марианну в тупик, она смутно помнила своего спасителя и совершенно не обратила внимания на его собак.

— И всё-таки кто он? — переспросила Элинор, — Откуда он приезжает? Где он останавливается в Алленхэме?

На эти вопросы Сэр Джон смог ответить более вразумительно, хотя, если бы юные леди спросили его о пойнтерах, то он рассказал им куда больше.

— У Уиллингби здесь нет своего дома. Он приез-

жает и останавливается у старой леди в усадьбе Алленхэм-Корт. Он приходится ей дальним родственником и наследником, — сказал сэр Джон и, немного помолчав, добавил, — он человек обеспеченный, это я могу вам сказать мисс Дэшвуд с полной уверенностью. У него большое именье около Соммерсетшира. Поэтому на вашем месте, мисс Элинор, я бы не запрещал сестре встречаться с ним, даже когда льет дождь и можно поскользнуться на холме. Такого стоит заарканить. Мисс Марианна, вы явно пользуетесь успехом в наших краях. Смотрите, чтобы полковник Брэндон вас не приревновал.

— Я не верю, — усмехнулась миссис Дэшвуд, — что мои дочери захотят связать мистера Уиллингби по рукам и ногам. Они не охотятся под дождем, поэтому даже очень богатые мужчины могут чувствовать себя с ними в безопасности. Приятно слышать, сэр Джон, что у вас такие приличные и благородные знакомые, — добавила она.

— Поверьте, лучше него не сыскать, — вот сейчас как раз припоминаю, как на прошлом рождественском балу он протанцевал с восьми часов вечера и до четырех утра без передышки.

— Ах, неужели? — воскликнула Марианна с горящими глазами, — И это было красиво по-на-

стоящему? Он танцует с душой?

— О да, а к восьми утра он уже опять был готов к скачкам по лугам.

— Именно так я себе и представляла настоящего джентльмена, — вздохнула Марианна. Чтобы он ни делал, он всегда должен быть в движении и без тени усталости на лице.

— О! Что я слышу! — крякнул сэр Джон, — Да, аркан здесь точно не понадобится, мисс Марианна. Вы поймаете его своей шляпкой, как бабочку. И даже не вспомните о бедном Брэндоне.

— Такое выражение, сэр Джон, — сказала Марианна немного кокетливо, — мне, честно говоря, не нравится. Может быть, вам это кажется остроумным, но, по-моему, «поймать своей шляпкой» или «заарканить» звучит простовато и не эстетично.

Сэр Джон не совсем понял, что она имела в виду, но рассмеялся от души.

— Как ни назови, но вы обязательно заарканите его, это точно! Это вопрос времени. Правда, не могу сказать на днях или чуть позже, — продолжал сэр Джон, смеясь. — Ах, бедный-бедный Брэндон! Он отлично подходит для вас и, самое главное, почти готов, чтобы вы накрыли его своей шляпкой, не смотря ни на какие новые настроения.

Глава 5

Прекрасный «герой Марианны», как успела окрестить Уиллингби тринадцатилетняя Маргарет, спозаранку явился в летний домик, чтобы узнать, как чувствует себя Марианна. Миссис Дэшвуд приняла его с распростертыми объятьями, особенно после того, что сообщил об Уиллингби сэр Джон. Всем своим видом она хотела показать молодому человеку, что в семье, с которой его свел случай, царит полная гармония и благовоспитанность. Красота дочерей миссис Дешвуд не нуждалась в ее комментариях и говорила сама за себя. К удовольствию всех дам их ранний гость не торопился уходить, он с интересом поддержал небольшой разговор в гостиной и исподволь внимательно рассмотрел сестер.

Мисс Элинор нежная, белокожая девушка была удивительно хорошо сложена, хотя немного полновата. Всем своим видом она выражала благородство и спокойствие. Марианна ничуть не уступала старшей сестре в красоте и даже превосходила ее. Бархатная смуглая кожа Марианны светилась изнутри, на щеках играл яркий

румянец, улыбка завораживала, а карие глаза так искрились, что невольно восхищали всех, кто решался в них заглянуть. Она была чуть выше и стройнее Элинор, рост придавал ей особую величавость и правы были те, кто, не задумываясь, называл Марианну «просто красавицей». Увидев Уиллингби, она в первый миг интуитивно отпрянула от него и даже подумала, что лучше сразу отказаться от него, чтобы потом не страдать. Но немного поговорив с ним, успокоилась, поверила в собственную неотразимость и нашла своего собеседника не только обаятельным, но и весьма образованным. А когда он рассказал ей, что увлечен музыкой и танцами, то Марианна больше не сводила с него своих восхищенных темных глаз. У них, оказывается, так много общего! И это неслучайно! Окрыленная, от музыки она перешла к литературе. Как ни странно, но ее любимых авторов он назвал самыми первыми. Ее радости не было предела. А какими глубокими и философскими показались ей рассуждения этого, в общем-то, молодого человека двадцати пяти лет от роду. Невероятно, но их вкусы совпадали: те же книги, те же излюбленные цитаты из них. Марианна уже не сомневалась, что сама судьба свела их на охоте. Они всё говорили и говорили,

а если вдруг между ними возникали какие-то разногласия, то длились они недолго: ее веские аргументы и сияющие глаза заставляли джентльмена сдаться без боя. Он полностью разделял ее эмоциональное отношение к жизни и юношеский энтузиазм. Утренний визит подходил к концу, но обоим казалось, что они знают друг друга давным-давно.

— Ну что, Марианна, — сказала Элинор, когда гость вышел за калитку, — для одного утра ты сделала очень много. Он не сводил с тебя глаз и говорил только с тобой. Ты уже изучила все его литературные пристрастия, знаешь, что он думает о поэзии Купера и Скотта, за что ценит Поупа и даже выяснила что, а может быть, кого, он считает красивым? Но как ты собираешься с ним общаться дальше? За одно утро вы исчерпали столько тем для беседы, что дальше вам и говорить-то не о чем. Очень забавно получается: в первый визит вы говорили о живописи, а во второй, наверное, обсудите предстоящую свадьбу. Не спеши, милая сестра. Не раскрывайся перед ним до конца, оставь несколько загадок на потом.

— Элинор! — рассердилась Марианна, — Что значит на потом? И что значит на сейчас? Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты

считаешь, что я была слишком естественна, слишком счастлива, слишком открыта! Да, возможно, при первом знакомстве так себя не ведут, и я преступила общепринятую манеру поведения! Да, я знаю, что была откровенна тогда, когда надо быть скрытной, уступчивой и уклончивой. Но я не могу слышать разговоров о погоде или о дорогах, я буду говорить то, что чувствую, и никто мне этого не запретит!

— Моя милая, — ласково сказала ее мать, — не обижайся на Элинор. Она заботится о тебе и хочет, как лучше. По правде, я сама рассердилась на нее за то, что она не проронила сегодня ни слова, оставив нас один на один с Уиллингби.

Впрочем, сам Уиллингби, похоже, не сильно расстроился, так и не услышав, что же думает о творчестве Купера и Скотта мисс Элинор. С этого памятного утра у него в летнем домике появился иной предмет обожания, и он каждый день приезжал к Марианне под благовидным предлогом узнать, как ее самочувствие. Однако его так сердечно привечали, что еще до полного выздоровления Марианны он перестал искать благовидные предлоги для своих ежедневных визитов и приезжал в летний домик как близкий друг семьи. А когда Марианне приходилось

оставаться дома, она уже не смотрела с тоской на далекие холмы, а ждала у окна Уиллингби. И он всегда был готов скрасить ее одиночество. Молодой человек обладал незаурядным умом, живым воображением, общался весело и непринужденно. Он словно был создан для того, чтобы завоевать сердце Марианны, так как был не только хорош собой, но и умен, что тешило самолюбие юной девушки. Она так быстро привязалась к нему, что уже не могла прожить без него ни дня. Они подолгу беседовали, читали вслух и пели дуэтом. Пел и играл он превосходно, а читал с тем чувством и выражением, каких, к сожалению, так не хватало Эдварду.

Миссис Дэшвуд восторгалась Уиллингби не меньше Марианны. Да и Элинор была о нем хорошего мнения, правда, она никак не могла привыкнуть к его откровенной манере общения, которая, впрочем, сближала их с Марианной. Чуть что, они во всеуслышание высказывали свои драгоценные мысли, чтобы привлечь к себе внимание и потешить самолюбие, и порой невольно обижали присутствующих дерзкими и несправедливыми замечаниями. Элинор не могла понять, как можно сбрасывать со счетов хороший тон, и считала, что Марианна и ее но-

вый друг ведут себя беспечно и недальновидно.

Но Марианна, наоборот, считала себя дальновидной и даже строила планы на будущее. Она вдруг поняла, что поторопилась, заявив, что в свои шестнадцать с половиной лет навеки отчаялась найти своего избранника. Уиллингби как раз воплощал все качества, которыми, по ее мнению, обязательно должен обладать настоящий джентльмен. К тому же всем своим видом он демонстрировал Марианне свои серьезные намеренья, в которых уже никто не сомневался, впрочем, как и в его бесконечных достоинствах. Не прошло и недели с момента их знакомства, а обнадеженная миссис Дэшвуд уже подумывала о предстоящей свадьбе, совершенно не претендуя на немалое состояние жениха, и втайне поздравляла, как у нее сразу появятся два таких завидных зятя, как Эдвард и Уиллингби.

Шуточки по поводу полковника Брэндона и Марианны, которые щедро отпускали его друзья, вдруг прекратились. Всеобщий интерес к этой паре иссяк, впрочем, как поговаривали некоторые, и пылкие чувства самого полковника. Трудно было сказать, любит он Марианну по-прежнему или уже нет. Элинор казалось, что именно сейчас полковник испытывает то, что ему так долго при-

писывали окружающие, но тщательно скрывает свои чувства. К великому сожалению миссис Дженнингс идеальная пара, созданная ее богатым воображением, распалась, и ей оставалось только шутить об изменчивости человеческих чувств. Элинор не понимала своеобразный юмор миссис Дженнингс и никак не могла понять, как можно сравнивать шансы на успех тридцатипятилетнего полковника и двадцатипятилетнего Уиллингби! Полковник был симпатичен Элинор, она привыкла к его суровой и несколько холодной манере держаться и считала Брэндона настоящим джентльменом. А когда при случае сэр Джон с сожалением заметил, что его приятель в последнее время загрустил, Элинор жалела покинутого полковника и искренне посочувствовала ему. Марианну всё время видели в обществе бойкого Уиллингби, и было заметно, как от этого страдает Брэндон.

— Брэндон как раз человек такого типа, — сказал как-то Уиллингби, гордясь своей новой сердечной победой, — о котором все говорят хорошо, но никто не сделает ему ничего хорошего, которого все рады видеть у себя, но постоянно забывают пригласить.

— Я думаю о нем то же самое, — усмехнулась

Марианна.

— Не смейтесь над ним, — сказала Элинор, — расстроившаяся помолвка — ваших рук дело. Его не зря очень уважают в Бартон-Парке.

— И это только благодаря вам, — усмехнулся Уиллингби, — Но и с кем он общается в Бартон-Парке? С леди Миддлтон и миссис Дженнингс? По-моему, это не делает ему чести, этим леди лишь бы поговорить и неважно с кем.

— Но тогда почему вы и Марианна с таким удовольствием бываете в гостях у леди Миддлтон и ее матери, если они так не разборчивы в отношениях? Если честь, которую они оказывают вам искренна, то ваша искренность могла бы быть и почестнее. Они не настолько двуличны. Как некоторые только что осудившие их.

— По-моему, защищая своего протеже, вы зашли слишком далеко?

— Мой протеже, как вы его только что назвали, очень разумный человек, а я уважаю умных людей. Не смотря на то, что ему уже под сорок… Он много повидал, служил за границей, начитан и умеет думать. Я всегда могу спросить его о чем угодно, и он обязательно исчерпывающе отвечает на любой вопрос. Я столько нового узнала благодаря ему.

— Это точно! — воскликнула Марианна запальчиво. — Он сообщил тебе с видом знатока, что в Западной Индии жарко, а москиты кусаются!

— Не сомневаюсь, что он так бы мне и ответил, если бы я об этом спросила, но я стараюсь не задавать глупых вопросов.

— О! — оживился Уиллингби. — Тогда, возможно, он сообщил вам, что в Индии кроме москитов, живут еще богатые набобы, их жены носят золотые покрывала, а передвигаются они непременно в золотых паланкинах.

— Это всё, что вы знаете об Индии? — ответила Элинор. — Полковник знает куда больше, наверное, поэтому вы недолюбливаете его?

— Я не говорю, что не люблю его, — продолжал Уиллингби. — Наоборот, я считаю его вполне приличным человеком. О таких людях все всегда говорят только хорошее и не замечают плохого, потому что у них больше денег, чем они могут потратить и слишком много свободного времени. Такие люди сами не знают, куда себя деть, в лучшем случае они развлекают себя два раза в год заказом нового костюма.

— Но которые им в итоге не идут, так как у них есть деньги, но нет вкуса, — вмешалась Марианна. — Брэндон скучен, сер и довольно мешковат

во всем.

— Марианна, ты слишком легко вешаешь ярлыки, едва взглянув на человека, — ответила Элинор. — Ты несправедлива к нему, я бы охарактеризовала его короче, но точнее. Он умен, воспитан, настоящий джентльмен. И еще мне кажется, что он умеет любить людей.

— Мисс Дэшвуд, — воскликнул Уиллингби, — Ваша последняя фраза — это явно выпад в мою сторону. Я никогда не буду уважать полковника Брэндона, как бы вы ни старались. И для этого у меня есть как минимум три причины. Во-первых, он накаркал дождь, когда я собирался на охоту и ждал отличного дня. Во-вторых, он сообщил, что я неправильно запряг лошадей в мою пролетку. И наконец, в третьих, он отказался покупать у меня мою чудесную гнедую кобылу. Но во всех остальных отношениях, если вам так нравится, я считаю его славным малым, но при этом не обязан обожать его.

Глава 6

Миссис Дэшвуд и ее дочери даже не могли себе представить, когда впервые приехали в Девоншир, что от их прежней провинциальной жизни теперь не останется и следа. Как только Марианна поправилась, в их скромный дом зачастили бесконечные визитеры, и сестры Дешвуд стали получать постоянные приглашения.

Как и обещал сэр Джон, начался сезон частных осенних балов в Бартон-Парке, а когда стихал дождь, вся компания отправлялась на пикники у воды. Мистер Уиллингби всегда был в числе приглашенных. Непринужденная обстановка, всегда царившая на этих светских вечеринках, позволяла общаться молодым людям без лишних формальностей и вести себя естественно. Поэтому Марианна, вопреки осторожным замечаниям сестры, не скрывала своих отношений с Уиллингби, который, не без удовольствия наблюдал, как юная леди всё больше привязывается к нему.

Что касается общественного мнения, то ни Марианна, ни Уиллингби не обращали на окружающих никакого внимания. Если Уиллингби

оказывался рядом, то Марианна не сводила с него влюбленных глаз, и чтобы он ни делал, она всё ему прощала. Если все проводили вечер за картами в Бартон-Парке, то он мог крепко держать ему за руку при всех. Если устраивали бал, то они почти всегда танцевали только вдвоем и даже в перерывах между танцами стояли вместе. Такая страсть напоказ, естественно, вызывала у всех улыбки и пересуды. Но влюбленные как будто не замечали этого. Миссис Дэшвуд тоже не одергивала дочь, окрыленная надеждами на скорую свадьбу, и полностью положилось на ее благоразумие. Это было счастливое время для Марианны. Ее сердце принадлежало Уиллингби. И прежние сожаления о Норланде постепенно растворились среди новых счастливых впечатлений.

Элинор, наоборот, порой грустила о Норланде, где осталось ее сердце. Счастье сестры не прибавляло ей радости, так как они всё реже общались между собой, а на новом месте Элинор так и не смогла найти себе хорошей подруги. Ни леди Миддлтон, ни миссис Дженнингс не подходили на эту роль. С ними ей не о чем было говорить. В первый момент миссис Дженнингс показалась Элинор женщиной общительной и остроумной, но вскоре она настолько утомила ее рассказами о своей

бурной молодости, что мисс Дэшвуд старалась лишний раз не попадаться ей на глаза. Каждый драматичный эпизод жизни миссис Дженингс, Элинор знала наизусть и совсем не потому, что выросла смышленой и наблюдательной, просто ей приходилось выслушивать его по три-четыре раза. Барышня теперь точно знала, чем болел, как лечился и от чего скончался мистер Дженингс, и легко могла процитировать его последние слова, сказанные им на смертном одре.

Леди Миддлтон была более приятным собеседником, чем ее мать, хотя бы потому, что соглашалась со всем молча. На этом ее приятности заканчивались. Да и кивала она не от проницательности и ума, а, скорее, от желания, чтобы ее не беспокоили по пустякам.

Удивительно, но со своим мужем и матерью она общалась также неохотно, как и с чужими людьми. А если теплые взаимоотношения отсутствовали между родственниками, что говорить о друзьях? Поэтому Элинор даже не пытался сойтись с неразговорчивой леди, которая в лучшем случае могла произнести за весь вечер одну фразу, да и то сказанную накануне. Казалось, что леди Миддлтон совершенно не менялась внутренне и ее душа напоминала редкое растение,

застывшее в переливах янтаря.

Она молча кивала, когда ее муж затевал очередной бал, молча наблюдала за соблюдением приличий на паркете и даже приводила на званые вечера своих старших детей. Но всем было ясно, что балы для леди интересны не более чем вышивание или прогулки по саду. Иногда она совсем не спускалась к гостям и отдыхала в своей комнате, впрочем, о ней во время бала обычно никто из гостей и не вспоминал, за исключением тех случаев, когда некому было усмирить ее маленьких шалопаев.

Полковник Бреэндон оказался единственным в новом окружении Элинор, кто мог стать ей искренним другом. О Уиллингби не приходилось говорить. Да они иногда перебрасывались парой фраз, когда Уиллингби на миг отвлекался от Марианны, которая полностью занимала ее мысли и дела. Полковник Брэндон, хотя и был также увлечен Марианной, но предпочитал не говорить о ней с ее сестрой, которая была так спокойна и рассудительна и совсем не похожа на порывистую Марианну.

Элинор стала еще больше уважать Брэндона, когда поняла, что ему знакомы муки неразделенной любви. Однажды во время бала в Бартон-парке

они присели рядом, чтобы отдохнуть после танца. Остальные гости снова кружились на паркете, и тут Элинор заметила, как влюбленный взгляд полковника остановился на танцующей Марианне. Помолчав, он сказал с легкой улыбкой:

— Ваша сестра, я понял, поглощена своим новым увлечением…

— Нет, — заметила Элинор, — просто ее натура уж очень романтична, и она отдается чувствам без остатка…

— Более того, я уверен, что она верит даже в такие чувства, которых и не было.

— Я тоже так думаю. Она так похожа на нашего отца. Теперь я ее понимаю. Он был дважды женат. Через несколько лет, я думаю, ее взгляды придут к общепринятым нормам поведения. Тогда ей легче будет все правильно оценивать и осмысливать, чем теперь.

— Возможно, так и будет, — вздохнул полковник. — Но всё-таки есть что-то обворожительное в пылкости и непостоянстве молодости! И это прекрасно. Лучше совершать ошибки в молодости и потом раскаяться в них, чем никогда не отступиться из-за благоразумия.

— Я полностью согласна с вами, — сказала Элинор, — Да, у молодости непостоянные чувства.

Как у Марианны. Энергия, бьющая через край и протест, не спорю, завораживают. Но у сестры есть другая черта, которая может привести ее к роковой ошибке, она придает значение тому, что неважно. Когда она узнает жизнь лучше, то научится отличать истинные отношения от иллюзии.

Полковник Брэндон замолчал, и через некоторое время переспросил, внимательно посмотрев в глаза Элинор:

— А ваша сестра, действительно, твердо верит, что полюбить в жизни можно только раз и навсегда? Вы тоже считаете, что человек, однажды переживший несчастную любовь, больше не испытывает этого чувства снова?

— Что касается меня, то мне трудно отвечать за свою сестру, я не знаю ее принципов настолько глубоко. Могу сказать только одно: она считает, что каждое новое чувство не допустимо, так как заканчивается изменой.

— Да, — сказал он, — но чтобы удержать возлюбленного около себя, со временем придется подстраиваться под него, да и сами чувства тоже изменяются с годами. Когда легковесные увлечения молодых усов исчезнут, как они смогут жить вместе и иметь общие увлечения? Это даже опас-

но, говорю по опыту. Я знал одну леди, которая по характеру и суждениям очень напоминала вашу сестру, и которая в итоге после череды печальным событий вынуждена была поступиться своими чувствами…

Брэндон вдруг осекся, решив, что сказал лишнее и в порыве необъяснимых чувств инстинктивно подался вперед. Их лица оказались настолько близко, что Брэндон коснулся щеки Элинор. Она сразу и не поняла, что произошло. Но ее губы не смогли избежать его поцелуя, похоже, и не желали избегать. Этот странный порыв, возможно, был навеян переживаниями его ушедшей любви. Элинор прервала эту короткую вспышку… Но Марианна успела заметить это мгновение и тут же с радостью подумала, что еще два любящих сердца нашли друг друга в Бартоне.

На следующее утро Марианна сообщила старшей сестре новость, которая настолько поразила Элинор, что она не знала радоваться ей или хвататься за голову. Она ожидала от Марианны чего угодно, но только не этого! С большим волнением Марианна рассказала, что Уиллингби хочет подарить ей лошадь. Он сам вырастил ее у себя в Соммерсетшире, и она идеально подойдет для наездницы. Не посоветовавшись с матерью, в

планы которой уж точно не входило заводить лошадь, Марианна приняла подарок и решила купить к ней сразу и вторую лошадь, и заодно нанять слугу, чтобы он ухаживал за обеими и сопровождал Марианну на прогулках. Позже она подумывала выстроить конюшню. На этой радостной ноте она замолчала и вопросительно посмотрела на сестру. Элинор, представив сколько всё это может стоить, потеряла дар речи.

— Представляешь, — продолжала Марианна, — он уже послал слугу в Соммерсетшир за моей лошадкой. И когда он появится с ней, мы будем скакать весь день. Ты тоже будешь на ней кататься, моя дорогая Элинор. Проносится галопом по все этим лугам!

Элинор попыталась возразить, но Марианна даже не хотела ее слушать.

— Но у нас нет денег, чтобы нанять еще одного слугу, — наконец, строго сказала Элинор. — Мама никогда не одобрит этого! Пойми, никогда. Да и для слуги незачем покупать лошадь — можно взять в аренду любую, какую захочешь, у сэра Джона в Бартон-Парке. К тому же там есть конюшня. С нас хватит уже и одного такого подарка. Да, и удобно ли принимать такой подарок, Марианна, от человека, которого мы все не так давно

знакомы, да ты его пока мало знаешь.

— Ты ошибаешься, Элинор, — сказала она загадочно, — когда считаешь, что я мало знаю Уиллингби. Да, действительно мы познакомились недавно. Но нет никого в этом мире, кого бы я знала также хорошо, кроме, конечно, тебя и мамы. Отношения нельзя измерить временем, они выше этого. Это — нечто неизмеримое. Для некоторых людей и семь лет мало, чтобы узнать друг друга. А другим хватает и семи дней. Я лучше приму лошадь в подарок от Уиллингби, чем от родного брата Джона, которого, как выяснилось, все мы так и не узнали до конца, хотя прожили вместе несколько лет, чего не скажешь о Уиллингби.

Элинор решила больше не касаться этой темы, спорить с Марианной было бесполезно, она всё делала по-своему. Но призыв Элинор к ее дочерним чувствам оказался не напрасен. Ей удалось уговорить Марианну, пока не сообщать эту радостную новость маме, чтобы не доставлять лишних волнений по поводу новых расходов, а сам подарок пока оставить у Уиллингби.

Марианна выполнила обещание, данное старшей сестре, и когда на следующий день Уиллингби приехал в коттедж, Элинор сама слышала,

как Марианна осторожно сказала, что пока не сможет принять от него дорогой для нее подарок. Уиллингби, как человек воспитанный не стал настаивать, но искренне сожалел, что Марианна отказалась от этого знака внимания:

— Но, мисс Марианна, — сказал он ей в полголоса, — знайте, лошадь все равно ваша. Можете вы ею пользоваться сейчас или нет! Я буду держать ее у себя до тех пор, пока вы не покинете Бартон. А когда вы переедете отсюда в другое именье, моя Мэб будет ждать вас.

Все это было сказано, конечно же, не только для Марианны, но и для мисс Элинор, у которой теперь не осталось сомнений в том, что отношения ее сестры и Уиллингби зашли уже достаточно далеко и влюбленные тайно помолвлены.

Младшая из сестер Маргарет тоже кое-что заметила, что еще раз подтвердило догадку Элинор. Накануне вечером у них был Уиллингби, и девочка увидела такое, что немедленно со слезами рассказала старшей сестре.

— Элинор, — заплакала она, — я должна рассказать тебе один секрет о Марианне. Я уверена, что она скоро выйдет замуж за Уиллингби.

— Ты твердишь об этом каждый день, с тех пор, как он переступил порог нашего дома, — ответи-

ла Элинор, — помнишь, через неделю после их знакомства ты сообщила, что наша Марианна уже носит его медальон у себя на шее. А это оказался портрет нашего прадедушки.

— Но, правда! Правда! Это совсем другая история, — рыдала Маргарет. — Теперь я точно уверена, что они скоро поженятся. Он взял ее локон себе.

— Ты уверена, Маргарет, может это локон его прадедушки?

— Нет, правда, Элинор! Это локон Марианны. Он отрезал его сам. Прошлым вечером. Когда ты и мама вышли после чая из комнаты, они начали о чем-то шептаться очень быстро. Похоже, он просил ее дать ему что-то. Она вдруг взяла ножницы и отрезала свой локон, который был у нее прямо сбоку. Он поцеловал его. Завернул в белую бумагу и положил бережно в свою записную книжку.

После таких подробностей у Элинор больше не осталось никаких сомнений. В наблюдательности и бесхитростности Маргарет она недавно убедилась сама, когда девочка по простоте душевной едва не выдала ее сердечную тайну. Однажды, когда миссис Дженнингс лукаво спросила ее в Бартон-Парке о том, есть ли молодой человек у Элинор. Маргарет ответила, что не может сказать

и, посмотрев на сестру, тотчас спросила: «Можно назвать его имя, Элинор?».

Раздался дружный смех, и Элинор, не подавая вида, тоже попыталась засмеяться, сквозь навернувшиеся на глаза слезы стыда. Она так боялась, что наивная Маргарет назовет Эдварда, который тут же заочно подвергнется пикантным шуточкам миссис Дженнингс.

Тем временем Марианна, стараясь исправить неловкую ситуацию и защитить Элинор, покраснела, рассердилась и строго-настрого запретила младшей сестре высказывать вслух свои глупые догадки.

— Какие же это догадки, — ответила девочка, глазом не моргнув, — ты же сама сказала мне об этом.

Общество замерло в ожидании, и Марианне надо было что-то сказать. Но миссис Дженнингс ловко перехватила инициативу, и пока старшие сестры не успели опомниться, снова дразнила Маргарет:

— Ой, ну, пожалуйста, мисс Маргарет, скажите же нам скорее, как его зовут?

— Но я, действительно, не могу сказать, госпожа. Хотя очень хорошо знаю, кто это!

— Ах, да. Конечно-конечно. Ну, раз не можешь…

Тогда… Тогда мы сейчас постараемся угадать, где он живет. Наверное, в Норланде? Это, наверное, ваш приходской священник?!

— Нет, не священник. Он не на службе.

— Маргарет, — мягко сказала Марианна, стараясь не подавать вида. — Ты сама знаешь, что все это твои выдумки и что нет такого человека.

— Ну, тогда он только что умер, потому что я знаю такого человека. И его имя начинается с Э. — выпалила Маргарет.

Элинор впервые была так благодарна леди Мидлтон за то, что та прервала разговор на самом интересном месте и глубокомысленно заметила, что за окном пошел сильный идет дождь. И сделала она это не для того, чтоб привлечь к себе внимание, а чтобы остудить пыл своего мужа и матери. Ее тут же поддержал Брэндон, который всегда тонко чувствовал настроение других, и тоже охотнее говорил о погоде, чем о любви, а Уиллингби вовремя открыл пианино и попросил Марианну сыграть что-нибудь. Таким образом, все отвлеклись от этой темы. Но только не Элинор, которая долго оставалась под впечатлением этого разговора.

В тот же вечер дружная компания решила на следующий день посмотреть замечательное

местечко в двенадцати милях от Бартона, принадлежавшее свояку полковника Брэндона. Тот не мог обойтись без совета человека, который долго пробыл за границей и знал толк в качестве почвы. По его словам, места там были замечательные. Поэтому сэр Джон, который вот уже десять лет дважды в год организовывал подобные поездки, тут же горячо поддержал эту идею.

Они выбрали скатерть пошире, так как на ней должно было располагаться главное развлечение пикника, запаслись холодными закусками и прохладительными напитками. Оставалось только нанять открытую коляску, чтобы свободно лицезреть окрестности. Правда, идея с открытой коляской, впрочем, как и сама поездка, у некоторых вызвала опасения, так как зарядили холодные осенние дожди, поэтому Элинор уговорила миссис Дэшвуд остаться в этот день дома, так как она где-то простудилась накануне.

Глава 7

Но поездка в Витвелл, что в двенадцати милях от Бартона, прошла не так плохо, как ожидала Элинор. Она приготовилась к бесконечному дождю, усталости и всевозможным неприятностям, которые могут возникнуть на размытой дороге в осеннюю распутицу. Но всё оказалось гораздо хуже, они вообще никуда не поехали.

Утро было многообещающим. В десять часов все собрались в Бартон-Парке, чтобы дружно позавтракать перед дорогой. День, вопреки вчерашним прогнозам, обещал быть солнечным. Дождь, который лил, не переставая, всю ночь, под утро прекратился. Подул ветер и сквозь облака стало проглядывать солнце. Вся компания еще сидела за столом, живо обсуждая предстоящую поездку, когда принесли почту. Слуга вручил конверт полковнику Брэндону. Он взял его, посмотрел на адрес, изменился в лице и немедленно вышел из комнаты.

— Что это с Брэндоном? — спросил сэр Джон.

Все молчали.

— Я надеюсь, что он не получил каких-то

печальных известий, — предположила леди Мидлтон, — должно быть, это просто что-то очень неожиданное, раз полковник так решительно встал из-за стола и вышел за дверь.

Через пять минут он вернулся.

— Надеюсь, нет плохих новостей? — с любопытством осведомилась миссис Дженнингс, как только он вошел.

— Абсолютно никаких, спасибо, сударыня.

— Это было письмо из Авиньона? Надеюсь, что вашей сестре не стало хуже?

— Нет, мадам. Его прислали из Лондона. Это чисто деловое письмо.

— Но как могла какая-то рука чиновника, если это, действительно, просто деловое письмо, оторвать вас от нашего общества? Довольно, полковник. Это не так. Ну, скажите же нам правду! — не унималась пожилая леди.

— Мама! Дорогая моя, — вмешалась леди Мидлтон, — возьмите свои слова обратно.

Но миссис Дженнингс уже было не остановить, она не обращала внимания на замечание своей дочери и продолжала бесцеремонно расспрашивать полковника.

— А может быть, там написано, что ваша кузина Фанни вышла замуж?

— Нет, совсем нет, — спокойно ответил полковник Брэндон.

— Тогда я знаю, от кого оно! — воскликнула миссис Дженнингс. — Надеюсь, что она чувствует себя хорошо?

— Кого вы имеете в виду, сударыня? — переспросил полковник.

— О! Вы хорошо знаете, кого я имею в виду! Не обращая внимания на последний выпад миссис Дженнингс, полковник Брэндон обернулся к леди Миддлтон и учтиво сказал:

— Прошу прощения, но это письмо заставляет меня изменить планы на сегодня. Мне необходимо срочно уехать в город.

— В город? — воскликнула леди Миддлтон, — Но что же можно делать в городе сейчас? В такое время года?

— Жаль, но я вынужден отказаться от этой поездки, — заметил он, — мне обязательно надо быть сегодня в Лондоне, поэтому я не смогу сопровождать вас в Витвелл.

Трудно представить, как эти слова подействовали на сидящих за столом!

— Но, может быть, вы хотя бы напишите записку экономке в Уитвелл, мистер Брэндон? — взмолилась Марианна, — и этого будет достаточно,

чтобы нас пропустили в именье?

Он покачал головой.

— Мы всё равно должны ехать, — сказал сэр Джон, — И мы не будем откладывать эту поездку, тем более всё готово, мы все настроились. Вы сможете отложить свой отъезд в столицу, хотя бы до завтра, мистер Брэндон?

— Боюсь, что мне больше нельзя терять ни дня.

— Но если бы вы сказали нам, какого рода это ваше дело, — заметила миссис Дженнингс, — мы, возможно, и посоветовали вам — отложить его или нет!

— Мистер Брэндон, задержитесь всего-то на шесть часов, сначала мы поедем все вместе Уитвелл, а когда вернемся, вы отправитесь в Лондон, — предложил Уиллингби.

— Извините меня, но я не могу себе позволить отложить ее даже на час, — холодно ответил Брэндон.

Элинор услышала, как в этот момент Уиллингби наклонился к Марианне и громко сказал:

— Есть некоторые люди, которые не могут спокойно смотреть, когда другие счастливы. Брэндон — один из них. А может быть, он боится простыть и придумал всю эту уловку специально, чтобы

избежать поездки. Я ставлю 50 гиней, что письмо написал он сам.

— Не сомневаюсь! — усмехнулась Марианна.

— Я понимаю, что у вас, видимо, нет никакой возможности отложить свой отъезд, Брэндон, — сказал сэр Джон. — Я знаю, что если вы что-то решили, то переубедить вас невозможно. Но все же я прошу вас еще раз подумать. Посмотрите, две миссис Кейри сегодня специально приехали из Ньютона, три миссис Дэшвуд пришли из коттеджа, а мистер Уиллингби поднялся даже на два часа раньше обычного! И все это ради того, чтоб посетить Уитвелл.

Полковник Брэндон еще раз извинился перед собравшимися и стал собираться в путь.

— Постойте, но когда вы сможете вернуться назад.

— Я надеюсь, что увижу вас в Бартоне снова, — добавила леди Миддлтон, — как только дела позволят вам покинуть Лондон. А мы пока отложим поездку в Уитвелл до вашего возвращения.

— Вы очень любезны, — ответил полковник. — Но пока абсолютно неясно, когда я смогу вернуться назад и не могу что-то обещать.

— О, вы просто обязаны приехать назад! Возвращайтесь поскорее! — воскликнул сэр Джон, — Ес-

ли вы не вернетесь до конца недели, я сам поеду за вами в Лондон!

— Да, да! Вы правы, сэр Джон, — обрадовалась миссис Дженнингс, — А там заодно и узнаете, что это за дела были у полковника.

— Я не люблю копаться в чужих делах. Но думаю, что это такое известие, которого стыдятся.

Доложили, что подали лошадь полковника Брэндона.

— Вы же не собираетесь ехать верхом до самого Лондона. Не так ли? — спросил сэр Джон.

— Нет, только до Хонитона. Там я пересяду на почтовых лошадей.

— Раз вам так надо ехать, что ж, удачной дороги, но лучше бы вы передумали.

— Я заверяю вас, что всё это теперь не в моей власти! Ещё раз прошу всех извинить меня! — сказал Брэндон и начал прощаться со всей компанией.

— Мисс Дэшвуд, — обратился он к Элинор, — есть надежда увидеть вас и ваших сестер в Лондоне этой зимой?

— Боюсь, что нет, — ответила Элинор.

— Тогда, я хочу пожелать вам, чтоб все было хорошо и простится надолго! — сказал он Элинор и лишь молча поклонился Марианне.

— Послушайте, полковник. Но прежде чем Вы нас так надолго покинете, — не унималась миссис Дженнингс, — ну, пожалуйста, хоть намекните мне, почему вы уезжаете?

Он пожелал ей всего хорошего и вышел из комнаты в сопровождении сэра Джона.

Как только лакей прикрыл дверь за полковником, чувства, больше не сдерживаемые вежливостью, хлынули наружу. Все снова и снова повторяли, как им досадно, что поездка не сложилась.

— Могу предположить, что это за неотложные дела! — сказала миссис Дженнингс.

— Правда, можете, сударыня? — удивились почти все.

— Конечно. Это насчет мисс Уильямс, — я уверена.

— А кто такая эта мисс? — спросила Марианна.

— Что? Вы не знаете мисс Уильямс? Я была уверена, что вы уже слышали о ней раньше. Это родственница полковника, моя дорогая, и очень близкая. Мы не будем уточнять, до какой степени близкая, чтобы не смущать молодых леди, — и немного понизив голос, она сказала Элинор, — Это — его настоящая родная дочь!

— Правда?!

— Да-да, и она очень на него похожа. Я смею сказать, что полковник живет только ради нее!

В этот момент сэр Джон вернулся в комнату и предложил придумать новое развлечение, раз уж все сегодня здесь собрались. Но его гости всё еще продолжали сожалеть о Уитвелле, и тогда, раз все уже настроились на поездку, то решили сегодня просто покататься. Были поданы экипажи, в первый со счастливым видом забрался Уиллингби, подал руку Марианне. И они понеслись, не дожидаясь остальных. Он гнал коней через парк так быстро, что скоро влюбленные скрылись из виду. И никто ничего не слышал о них до обеда, пока они не вернулись самыми последними. Оба были очень возбуждены ездой и довольны. Своё отсутствие они объяснили тем, что поехали в объезд по узкой дороге, в то время как все остальные отправились напрямую через холмы.

Вечером решили устроить танцы. К обеду подтянулись еще несколько представителей семейства Кейри. За столом собрались человек двадцать, на которых гостеприимный сэр Джон глядел с большим удовлетворением. Уиллингби занял своё место между двумя старшими сестрами Дэшвуд, справа от Элинор села миссис Дженнингс. Не успели все рассесться, как она

наклонилась к Марианне и Уиллингби и сказала довольно громко:

— А я знаю, не смотря на все ваши уловки, где вы были сегодня утром!

Марианна, покраснела и заметила очень застенчиво: — Где же?

— Разве вы не знаете, — не растерялся Уиллингби, — конечно, в моей парной двуколке.

— Да, да, конечно, Мистер Бесстыдство, я это очень хорошо знаю! Но также смогла разузнать, где вы были еще. Я думаю, что вам понравился Ваш дом, Марианна? Он очень большой. Правда? Надеюсь, что когда я приеду вас там навестить, то вы к этому времени купите новую мебель? Он давно нуждается в хозяйке, насколько я могу судить, ведь я сама жила там еще лет шесть назад. Марианна быстро вышла из комнаты, сгорая от стыда. Уиллингби — за ней. Миссис Дженнингс расхохоталась от всего сердца. Тут Элинор узнала, что любопытная миссис Дженнингс только что расспросила их говорливого конюха. От него она и узнала, что влюбленные ездили в Алленхэм, бродили по парку и довольно много времени провели в доме.

Элинор с трудом могла в это поверить! Неужели Уиллингби решил познакомить Марианну с

миссис Смит, и она так запросто отправилась в гости к даме, которой не была представлена.

Как только пара возвратилась, старшая сестра начала расспрашивать младшую и с удивлением узнала, что все, о чем рассказала миссис Дженнингс, оказалось правдой. Марианна не скрывала своей досады.

— А почему ты считаешь, Элинор, что нам, вообще, не следовало ехать туда? Или мне уже нельзя и дом посмотреть? Может быть, ты просто завидуешь мне, потому что сама бы на это никогда не решилась?

— Да, Марианна. Я бы никогда не поехала туда, как минимум по двум причинам. Во-первых, это неприлично осматривать дом, переходящий по наследству, пока его хозяйка еще в добром здравии. Во-вторых, я бы не поехала туда, пока у меня не появился бы второй попутчик, кроме мистера Уиллингби.

— Мистер Уиллингби, между прочим, — единственная персона, которая имеет право показывать мне этот дом! А так как мы ехали в открытом экипаже, то в нем не было места ни для кого другого. Я еще не имела такого приятного утра в своей жизни!

— Я боюсь, — заметила Элинор, — что при-

ятность занятия не всегда соответствует его праведности!

— Элинор! Поверь, ничто не может доказать правоту моих слов, как то, что с моей стороны ничего неправедного не было! И быть не могло. Ведь когда совершаешь неблаговидный поступок, потом не находишь себе места.

— Но, дорогая Марианна, как ты только что заметила сама, ты уже сомневаешься в своем поведении.

— Если колкие намеки миссис Дженнингс — главные доказательства моего неправильного поведения, то тогда это клеймо на всю жизнь, — усмехнулась Марианна. Это не те советы, к которым стоит прислушиваться. Я знаю, что была благоразумна, когда ступала по земле, принадлежащей миссис Смит и осматривала ее дом. Когда-нибудь все это будет принадлежать мистеру Уиллингби и … — она не договорила.

— Даже если всё это когда-нибудь будет твоим, то тебе не придется краснеть за то, что сегодня произошло, Марианна.

При этих словах Марианна залилась краской, а через несколько мгновений, собравшись с духом, сама начала разговор, оборвавшийся на полуслове.

— Возможно, Элинор, я была не права, поехав в Алленхэм. Но мистер Уиллингби очень хотел показать мне это место и этот очаровательный дом. Знаешь, там есть одна замечательная маленькая комнатка наверху, как раз для нас, которую современная мебель сделает очень уютной. Это угловая комната с окнами на две стороны. Из одного окна открывается живописный вид на луг за домом и перелесок, с другой — на храм и деревеньку вдали, а за ними — холмы, холмы, которые мы так полюбили. Я думаю, что мы для начала обставим эту комнату. Всего пара сотен фунтов, как сказал Уиллингби, и это будет самое уютное гнездышко во всей Англии.

Если бы в этот увлекательный разговор не вмешались, то Элинор смогла б услышать, столько еще замечательных комнат есть в этом старом доме и сколько надо заплатить за их обстановку.

Глава 8

Внезапный отъезд полковника Брэндона из Бартон-Парка и его упрямое нежелание объяснить причину лишили покоя миссис Дженнингс. Она уже три дня сгорала от любопытства и строила всевозможные беспочвенные предположения. Наконец, она пришла к выводу, что случилось что-то страшное, а именно страшно важное и страшно печальное. Но всё же, несмотря на весь «ужас» произошедшего, она по-прежнему считала, что Брэндон не должен был отменять прогулку с друзьями.

— Произошло настолько что-то ужасное, что об этом ему даже говорить было страшно, — рассуждала она. — Я сразу поняла этого по его лицу. Бедный человек! Я боюсь, что он стал жертвой обстоятельств… Имение Делафорд никогда не давало дохода более двух тысяч фунтов в год. А его брат — некудышный хозяин. Я думаю, что это он разорился и попросил у полковника денег. А что еще может быть ужаснее? Хотя… Возможно, это касается мисс Уильямс… Кстати, вы заметили, как он сразу сосредоточился, когда я о ней вспом-

нила? Может быть, она заболела в Лондоне? Ой, она такая слабенькая и болезненная. Предлагаю любое пари, что дело касается именно мисс Уильямс. Как я сразу не догадалась! Вряд ли из-за каких-то там делишек Брэндон так поспешно отправился в Лондон. Да и с делами у него всегда всё в порядке, так как он очень благоразумный человек и именье у него в идеальном состоянии… Я вся в нетерпении. Что же там произошло? А может быть, всё-таки не дочери, а его сестре стало хуже в Авиньоне, и она послала за ним. Он так спешил, как можно торопиться только к любимому человеку… Ой, ну, как бы там ни было, я желаю ему поскорее выбраться из этих неприятностей, а вместо всяких там дел желаю ему найти хорошую жену.

Элинор, которая теперь была неравнодушна к судьбе полковника, тоже беспокоилась о нем, но не высказывала своих предположений вслух, как это делала миссис Дженнингс. Она не считала, что в Лондоне случилось нечто трагическое, но ей тоже было интересно узнать, что же произошло? В то время как вся компания строила догадки о причине срочного отъезда Брэндона, ее сестра и Уиллингби хранили гробовое молчание и даже не отпускали в адрес полковника своих язви-

тельных шуточек, это настораживало Элинор, поскольку эта тема должна была их интересовать. Молчание с их стороны продолжалось день ото дня и это еще больше удивляло ее.

Беспокоила ее и отсрочка их свадьбы. Элинор понимала, что причина кроется, видимо, в финансовых затруднениях Уиллингби, которого сложно было назвать богатым джентльменом. Его поместье, по расчетам сэра Джона, приносило в год фунтов семьсот — восемьсот, но жил он явно не по средствам, и часто жаловался на безденежье. Элинор казалось странным, что Марианна и Уиллингби до сих пор держат свою помолвку в тайне, при этом, не скрывая от окружающих свои близкие отношения. А была ли тайная помолвка? Может быть, ничего и не было. Это вопрос настолько волновал Элинор, что она решилась открыто поговорить с младшей сестрой.

Казалось, что лучшего и желать было нельзя, Уиллингби был сама любезность с миссис Дэшвуд и обеими сестрами Марианны, а саму Марианну окружал такой нежностью, на какую только способно влюбленное сердце. Их скромный коттедж стал для него вторым домом, и он бывал у них намного дольше, чем у себя в Алленхэме. И если их всех не приглашали в Бартон-парк, то с утра

пораньше он уже был у них и оставался до самого вечера. Весь день он проводил с Марианной, а его любимый пойнтер лежал у ее ног. Но о женитьбе пока не было и речи.

Спустя неделю после отъезда полковника, когда Уиллингби снова засиделся у них допоздна, миссис Дэшвуд, невольно считая его членом своей семьи, упомянула о своем желании весной немного перестроить коттедж. Уиллингби был решительно против.

— Что! — воскликнул он. — Перестраивать этот дорогой мне коттедж. Нет! На это я никогда не соглашусь! Ни камня не дам ни прибавить ни убавить к стенам этого благословенного дома, которому отныне принадлежат мои чувства.

— Не стоит так волноваться, — сказала Элинор, — до перестройки дома дело не дойдет, так как у нашей матушки нет на это средств.

— Я так сердечно этому рад! — обрадовался он. — Оставайтесь всегда так же бедны, если это позволяет вам оставаться счастливыми людьми!

— Спасибо, Уиллингби, — ответила с улыбкой мать семейства. Можете не сомневаться, ради комфорта я не принесу в жертву сентиментальные чувства близких мне людей, к которым я отношу и вас. Что же касается денег? Весной я

получу свои выплаты, но уж лучше приберегу их на потом, чем расстрою вас. Неужели Вам, на самом деле, так нравится этот дом, что вы не находите в нем никаких изъянов?

— Да, очень, — сказал он. — Для меня он само совершенство! Более того, я считаю только этот тип дома достойным местом для простого человеческого счастья. Если бы вы знали, как я счастлив в нем! Хочу сказать, что даже свой дом я хочу перестроить в коттедж!

— С такими же грязными узкими лестницами и кухней, которая дымит? — заметила Элинор.

— Да, — воскликнул он таким же невозмутимым тоном, — он будет точной копией этого, со всеми его удобствами и недочетами! Снова и снова я повторяю, что нигде я не был так счастлив, как под крышей этого дома!

— Я льщу сама себе, — заметила Элинор, — что нигде даже в лучших домах и комнатах, вы не встретите большего к себе расположения, чем здесь!

— Разумеется, что в жизни могут быть разные обстоятельства, — сказал Уиллингби, — Но это не значит, что они смогут изменить мое доброе отношение к этому месту и всем, кто здесь живет.

Миссис Дэшвуд посмотрела с удовольствием

на Марианну. Ее прекрасные глаза были устремлены на Уиллингби и откровенно говорили, как хорошо она его понимает.

— Знаете, когда я жил один, как затворник, в Алленхэме, — продолжал Уиллингби, — я так страстно желал, чтобы хоть одна живая душа поселилась поблизости, в этом коттедже. Каждое утро я проходил мимо него и ждал. Как я был счастлив, когда узнал от миссис Смит, что этот милый коттедж в Бартон-Парке снова ожил! Но это ничто, по сравнению с тем чувством счастья, которое я ощутил здесь! Разве это не так, Марианна? — сказал он с любовью в голосе и выразительно посмотрел на девушку, а затем продолжил уже обычным тоном. — Я прошу вас, миссис Дэшвуд, не переделывайте этот милый дом, чтобы он не утратил свою неповторимую атмосферу… Не приносите ее в жертву ради простых удобств… А эта милая гостиная, в которой мы познакомились и провели столько счастливых часов? Если вы уберете эту стену, она превратится в коридор, по которому все будут проходить мимо и даже не вспомнят о том, что здесь было.

Миссис Дэшвуд еще раз заверила гостя, что пока оставит в этом доме всё, как есть.

— Вы так добры ко мне, миссис Дэшвуд! — ска-

зал он искренне и тепло. — Вы подарили мне надежду. Если вы выполните еще одну мою небольшую просьбу, то я буду на небесах от счастья. Обещайте же мне, что не только ваш дом, но и вы, и ваша семья останутся без изменений! И чтобы ни случилось с нами завтра, вы всегда будете ко мне так добры, как сейчас.

Такое обещание тут же было ему дано, и Уиллингби весь остаток вечера выглядел, как и обещал, счастливым и умиротворенным.

— Надеюсь, завтра мы увидим вас за обедом? — спросила миссис Дэшвуд, когда он уезжал от них, — Я не приглашаю вас с утра, так как мы должны быть в Бартон-Парке и нанести визит леди Миддлтон.

Он пообещал быть у них в четыре.

На следующий день миссис Дэшвуд отправилась к леди Миддлтон только с двумя своими девочками. Марианна нашла какой-то неубедительный предлог, чтобы остаться дома. Ее мать не настаивала, так как догадалась, что Марианна хочет поговорить с Уиллингби тет-а-тет, в том, что он опять приедет к ним с утра пораньше, мисс Дэшвуд не сомневалась. Когда они возвращались домой, ее догадка подтвердилась. Издалека они заметили около коттеджа парную двуколку Уил-

лингби, и слугу, который ожидал у калитки.

Но то, что произойдет в ее доме через несколько минут, миссис Дэшвуд не могла себе и представить. Когда они вошли, из гостиной выбежала заплаканная Марианна, прижимая платочек к глазам и не замечая их, бросилась вверх по лестнице. Они вошли в гостиную, где у камина увидели Уиллингби, который сидел к ним спиной и молча смотрел на огонь. Гость обернулся и по выражению его лица все поняли, кто является причиной горьких слез Марианны.

— Что с ней, Уиллингби? Она заболела? Ей плохо? — воскликнула миссис Дэшвуд.

— Я надеюсь, что нет, — ответил Уиллингби, стараясь быть вежливым с натянутой белозубой улыбкой, которую он не преминул продемонстрировать и тут же добавил, — Похоже, это мне надо быть больным, потому что я страдаю от разочарования!

— Разочарования?

— Да, потому что я не имею возможности больше встречаться с Марианной. Сегодня утром у меня был разговор с миссис Смит. Она наглядно объяснила мне, кто хозяин в этой жизни. Увы, бедные родственники вынуждены подчиняться богатым, поэтому я не могу ослушаться миссис

Смит и по ее срочному поручению уезжаю в Лондон. Я уже простился с ней и Алленхэмом и теперь вот, полный противоречивых чувств, приехал к вам… попрощаться.

— В Лондон?… И вы собираетесь уезжать уже завтра утром?

— Нет, я еду прямо сейчас.

— Но, это так некстати. Но миссис Смит вам действительно неловко отказать. Но надеюсь, что ее дела не разлучат вас с нами надолго? — учтиво поинтересовалась миссис Дэшвуд.

При этих словах Уиллингби залился краской.

— Вы очень добры! Но я даже не знаю, когда я смогу вернуться в Девоншир. Мой следующий визит к миссис Смит будет в лучшем случае через год.

— Но разве миссис Смит — ваш единственный друг? И разве Алленхэм — единственный дом, где вам рады? Постыдитесь, Уиллингби. Неужели вы не можете принять наше приглашение?

Он покраснел еще больше и, потупив взгляд, прошептал:

— Как вы добры, сударыня.

Потрясенная миссис Дэшвуд посмотрела на Элинор с изумлением. Старшая дочь выглядела растерянной. Они обе молчали некоторое время,

не зная, что сказать. Уиллингби тоже не проронил ни слова. Наконец, миссис Дэшвуд, собравшись с духом, заговорила первой:

— Я могу только прибавить к сказанному, мой дорогой Уиллингби, что вы всегда желанны в Бартон-Коттедже! Это я говорю не для того, чтоб вы остались здесь прямо сейчас и этим рассердили миссис Смит. Только вы сами знаете, чем может вам грозить ее гнев! Поэтому мы сейчас не обсуждаем, когда вы приедете к нам. Решение за вами.

— Мое обещание сейчас, — пробормотал Уиллингби застенчиво, — касаются такой темы, что я, право, не могу даже надеяться, что когда-нибудь…

Он осекся на полуслове. У миссис Дэшвуд перехватило дыхание, и она не могла говорить. Возникла нелепая пауза, которую нарушил Уиллингби, с глупой улыбкой на лице он протараторил:

— Я думаю, что мы всё сказали друг другу и нет смысла продолжать этот разговор. Я не могу больше мучить себя, находясь в обществе друзей, которых далее не смогу посещать…

Он быстро обвел всех взглядом и выбежал из гостиной. Они видели в окно, как он прыгнул в свой экипаж, и через насколько минут скрылся

из виду.

Миссис Дэшвуд была так обескуражена, что не находила слов и ходила из угла в угол в своей крохотной бедной гостиной. Эти инстинктивные метания, должно быть, помогали развеять ей тревогу, вызванную неожиданным отъездом так и несостоявшегося зятя.

Элинор тоже была в потрясении, но в отличие от своей матери, она не металась по дому, а переживала все чувства глубоко в душе. Их последний разговор врезался ей в память странными подробностями: Уиллингби был не похож сам на себя, нервничал, краснел, натянуто шутил, отверг приглашение ее матери поселиться у них и, наконец, просто сбежал, не попрощавшись. Еще вчера он восторгался их коттеджем и вел себя, как настоящий влюбленный, а сегодня… О ужас! Элинор впервые допустила невероятную мысль, что у Уиллингби никогда не было серьезных намерений в отношении Марианны. Сначала она предположила, что между влюбленными произошла бурная ссора, но истерика Марианны свидетельствовала о другом — между ними произошел разрыв.

Что послужило причиной их расставания было неясно, но горе ее сестры казалось безгранич-

ным. Элинор сочувствовала ей всем сердцем, но Марианна не искала в ее сочувствии облегчения своим страданиям, а наоборот, горько несла свой крест. Через полчаса в гостиную вернулась мать. Несмотря на то, что ее глаза были красными и припухшими от слез, она старалась вести себя, как ни в чем не бывало.

— Наш дорогой Уиллингби, теперь, наверное, всего в нескольких милях от Бартона, Элинор, — сказала она, сев за шитье, — но с каким тяжелым сердцем он поехал!

— Все это очень странно, мама! Так поспешно уехать! Какое-то невероятное стечение обстоятельств. Еще прошлым вечером мы были все так счастливы, но какие-то десять минут полностью перевернули все! Самое ужасное из всего, что только можно нам пожелать! Да и говорил он и вел себя не так как всегда. Ты сама это видела, мама. Что всё это может значить? Может они поссорились? Что еще могло его заставить отказаться от твоего приглашения?

— Нет, он не отказался. Он хотел, но не смог его принять, Элинор. Сначала мне всё это тоже показалось очень странным, как тебе, но потом я всё обдумала и во всем разобралась.

— Правда?

— Да, мне теперь всё абсолютно ясно. Впрочем, тебя, Элинор, которая сомневается везде, где только может, моя версия, видимо, не убедит. Но думаю, что дело обстоит именно так. Миссис Смит стали известны его отношения с Марианной. Не одобряя его выбор (возможно, у нее были другие виды на него!), она решила немедленно удалить его отсюда. А все эти дела, которые она ему поручила, не что иное, как просто уловка, чтоб отправить подальше. Кроме того, он сам подозревает, что старая леди не одобряет его связь, поэтому он сейчас не объявил о своей помолвке с Марианной. Вся эта ситуация ставит его в неловкое положение, он страдает от своей зависимости от богатой тети, но вынужден согласиться и уехать по первому ее требованию из Девоншира. Только не говори мне сразу: «Может быть, так, а может, и нет». Я не желаю выслушивать каких либо придирок к моим доводам, пока ты не найдешь другое объяснение всему этому! А теперь, Элинор, что ты на это скажешь?

— Ничего, мама. Ты уже сама заранее озвучила мой ответ.

— Но тогда скажи хотя бы своё обычное: «Может быть, так, а может, и нет». Я всегда не могу понять, что ты чувствуешь на самом деле! Ты во

всем видишь только плохое, а не хорошее, ты сейчас, наверное, думаешь о том, что Уиллингби виноват перед Марианной и не пытаешься понять истинные причины его поведения. Да, я вижу, ты осуждаешь его за то, что он так поступил с нами. Но кто сказал, что даже порядочный мужчина не может оступиться? Возможно, у него были мотивы, которые вообще необъяснимы, и он пока вынужден сохранять их в тайне?

— Мне трудно поставить себя на место Уиллингби. Но искренне хочется верить, что такая резкая перемена в его поведении всё-таки имела веские основания, а не была беспочвенной. Я думаю, мама, ты недалека от истины в своих суждениях. Но если у него и были какие-то тайные мотивы, то почему бы ему не сказать о них прямо? Ведь это так ему свойственно, всё говорить в глаза. А тут вдруг такая скрытность?

— Я так и думала. Ты осуждаешь его. Пойми, он жертва обстоятельств, которые оказались сильнее его. Он уехал против своей воли. По необходимости. Но, если ты, действительно, согласна с моей версией, то я счастлива, да и он оправдан!

— Не совсем. Возможно, миссис Смит, на самом деле, против этой помолвки, если это помолвка, но почему бы Уиллингби не рассказать нам всё

как есть, ведь мы же не чужие ему люди? Зачем скрывать помолвку от нас?

— Скрывать это от нас? Моя дорогая девочка, ты что, обвиняешь Уиллингби и Марианну в скрытности? Это странно слышать, тем более, что ты сама каждый день призывала Марианну не выставлять свои чувства напоказ?

— У меня нет доказательств каких-либо их отношений, — сказала Элинор, — но весть об их помолвке…

— Я достаточно довольна и первым, и вторым известием!

— Но ведь ни он, ни она и слова об этом пока не сказали!

— А я и не хочу никаких слов, поступки говорят сами за себя. Да разве его поведение и отношение к нам последние две недели, не лучшее доказательство того, что он любит ее и рассматривает как свою будущую жену? И что?! Он вел себя как наш близкий родственник! Или, может быть, я чего-то не понимаю? Моя милая Элинор, разве можно было после всего этого, сомневаться в их помолвке? Как такая мысль пришла тебе в голову? Как можно было подумать, что Уиллингби, после доказательств нам своих чувства к Марианне, сможет покинуть ее на долгие месяцы? Не

предложив руку и сердце?

— Я принимаю все оправдания, — сказала Элинор, — в пользу помолвки, кроме одного. И это одно перевешивает все другие — их обоюдное молчание при расставании.

— Как странно все это! Ты, конечно, можешь плохо подумать о нем. Но что касается их взаимных чувств, то это их глубоко личное. Или ты думаешь, он действительно, не имел серьезных намерений или разочаровался в Марианне?

— Нет, сейчас я так не думаю. Он должен любить ее, и я уверена, всё еще любит ее.

— Но что же это за любовь, если он покидает ее с такой легкостью, без всяких обязательств, как ты сама только что сказала?

— Ты должна помнить, моя дорогая мама, что я никогда не была уверена до конца, что они помолвлены. У меня всегда были сомнения на этот счет. Но они всегда были такими смутными, и, возможно, исчезли бы совсем, если бы я нашла какое-то подтверждение этой тайной помолвки.

— Хорошенькое дело! Наверное, ты поверишь в их помолвку только тогда, когда ты увидишь их перед алтарем. Мне больше не надо никаких доказательств, но почему ты не доверяешь им? Конечно, сомневаться в своей сестре ты

не можешь, но за что ты так недолюбливаешь Уиллингби? Он — благороднейший человек с чувствительной душой, как ты можешь видеть в нем коварного обманщика?

— Нет! Я надеюсь, что нет, что он неспособен на обман. Я люблю Уиллингби, искренне люблю, и подозрения в его адрес меня ранят также больно, как и тебя. Ни в коем случае я не считаю его двуличным. Меня просто насторожило его поведение, я никогда не видела его таким, как сегодня. Надеюсь, что виной всему сложная ситуация, в которой он оказался. Но почему бы ему не рассказать обо всем открыто нам, своим друзьям. Тем более, что это в его характере — всегда говорить в лицо другим, то, что он думает, даже если это ранит окружающих. Но, к сожалению, трудно предсказать, как поведет себя человек в той или иной ситуации.

— Очень мило! Вот видишь, у нас нет оснований не доверять Уиллингби. Пусть мы знаем его недавно, но всем остальным он очень хорошо знаком в Девоншире и никто ни разу не сказал о нем ничего дурного. Ах, если бы он не был связан финансовыми трудностями и мог сам назначить дату своей женитьбы, то, несомненно, поступил бы иначе. Он просто вынужден был уехать не

простившись и не поставив нас в известность… Только уж очень как-то все сразу… Но это не важно! Может быть, пока и в правду не стоит трезвонить направо и налево о помолвке.

В этот момент в комнату вошла Маргарет, и дамы умолкли в ее присутствии, а у Элинор появилась возможность обдумать в тишине разумные доводы матери. Как бы она хотела, чтобы все они оказались верными.

Марианна спустилась из своей комнаты только к обеду и заняла своё место за столом, не проронив ни слова. Ее глаза были красными и припухшими от слез, казалось еще мгновение и слезинки снова покатятся по щекам. Она боялась встретиться взглядами с матерью и сестрами и не притронулась к еде. Растроганная мать с нежным сочувствием погладила ее по руке и Марианна больше не смогла сдерживать переполнявших ее чувств — она разрыдалась и выбежала из комнаты.

Она проплакала наверху до самого вечера и была так измотана, что на нее больно было смотреть. Малейшее напоминание о Уиллингби переполняло ее душу и из блестящих глаз снова и снова срывались слезинки. В доме теперь старались и не вспоминать о Уиллингби, но это мало

помогало Марианне, куда бы она ни бросила взгляд, всё в этом маленьком летнем коттедже напоминало ей о нем.

Глава 9

Первая ночь после разрыва с Уиллингби была ужасной. Марианна так и не сомкнула глаз до рассвета, укоряя себя за доверчивость и легкомыслие. Утром ей было стыдно смотреть в глаза матери и сестрам, она тихо встала с постели, спустилась в гостиную, и, собравшись с силами, пообещала себе не разрыдаться при первых же словах утешения от них. Но тут же нарушила данное себе обещание: чувства взяли верх и слезы тихо покатились по щекам. Она вся сжималась от нестерпимой боли при малейшей попытке миссис Дэшвуд и Элинор, хоть как-то утешить ее и всем своим видом отталкивала их сострадание, чем еще больше расстраивала мать и сестру. Когда сели завтракать, Марианна снова не притронулась к еде и, медленно поднявшись из-за стола, вышла в сад, в надежде, что на свежем воздухе сильная головная боль после бессонной ночи пройдет, и она сможет отвлечься от грустных мыслей.

Но, сама того не замечая, она отправилась в окрестности деревушки Алленхэм и отрешенно

бродила по знакомым тропинкам, вспоминая о своем недавнем безмятежном счастье.

К вечеру ее душевная тоска только усилилась. Марианна села за фортепиано и раз за разом проигрывала одни и те же любимые мотивы, которые она напевала вместе с Уиллингби, и каждый звук наполнял ее сердце воспоминаниями. Наконец, они переполнили ее настолько, что уже никакая новая душевная рана не причиняла ей боль. Она часами сидела за инструментом, пела и плакала. Ее прекрасное пение то и дело обрывалось и через секунду из гостиной доносились громкие рыдания. Любимые книги тоже оказались плохими врачевателями, поэтому она изредка перелистывала лишь пару томов, которые особенно нравились Уиллингби.

Но такое бурное испепеляющее чувство не могло сжигать ее изнутри вечно. Через несколько дней отчаяние перешло в тихую меланхолию, она по-прежнему еще плакала и предпочитала совершать прогулки в одиночестве, откуда неизменно возвращалась вся в слезах, но внутренне Марианна стала немного сильнее.

От Уиллингби не было ни одного письма, и, похоже, Марианна их не ждала. Элинор снова забеспокоилась по этому поводу, но мать, счита-

ла, что всё идет своим чередом и снова находила разумные объяснения всему, чему хотела.

— Это даже хорошо, что он не пишет, Элинор, — сказала как-то она, — ведь все письма нам привозит сэр Джон, поэтому нам вряд ли бы удалось сохранить нашу тайну.

Элинор согласилась с матерью, что так действительно проще сохранить тайну их помолвки, но, вдруг предложила отбросить все романтические объяснения и прямо спросить Марианну, помолвлена ли она с Уиллингби.

— Мама, может быть, ты спросишь Марианну, — сказала она, — связана она обязательством о помолвке с Уиллингби или нет? От тебя, своей матери, такой доброй и такой всепрощающей, этот вопрос будет более уместен, чем от меня. Она обязательно скажет тебе правду.

— Ни за что на свете я не задам такой вопрос Марианне! Возможно, что он не обещал ей ничего. Тогда представь, как ей станет больно? К тому же, это так навязчиво! Я никогда не заставлю ее рассказать правду, после того, как мы добивались признания о том, что произошло и по какой причине. Я знаю Марианну, и знаю, что она действительно меня любит… И я буду не последней, кому она расскажет об своих отношениях. Я не

хочу выпытывать признания у своего ребенка, потому что мой долг поддерживать ее в любой ситуации.

Элинор намекнула матери, что ненавязчивость иногда может привезти к трагедии, принимая во внимание юный возраст ее сестры и важность всей этой истории для ее дальнейшей жизни. Но материнская тревога и здравый смысл, свойственные взрослой женщине, без следа растворились в романтический деликатности миссис Дэшвуд.

Прошло всего несколько дней и имя мистера Уиллингби вновь прозвучало в присутствии Марианны. Сэр Джон и миссис Дженнингс, естественно, не были столь учтивы, и их любопытные расспросы только подливали масло в огонь. В один из вечеров миссис Дженнингс, случайно взяв томик Шекспира, воскликнула:

— О, вы не окончили читать «Гамлета», Марианна! Остановились на самом интересном месте, вижу осталось совсем немного. Давайте, отложим эту книжицу до возвращения нашего дорого Уиллингби, а то он вернется, а мы уже без него перевернули последнюю страницу. Хотя… А вдруг он приедет только через несколько месяцев.

— Месяцев? — воскликнула Марианна в сильном удивлении. — Нет, всего несколько недель!

Миссис Дженнингс замолчала, пожалев, что вспомнила о нем так некстати. Зато Элинор вздохнула с облегчением, теперь она не сомневалась, что Уиллингби что-то пообещал Марианне и даже, возможно, назвал дату своего возвращения.

Прошла неделя с тех пор, как он покинул Девоншир. Это было первое утро после его внезапного отъезда, когда Марианна решила пройтись не одна, а с сестрами. Однако на прогулке она всё равно старалась держаться особняком. Если ее сестры хотели пройтись по холмам, она мгновенно сворачивала на узкие боковые дорожки. Если они намеривались спуститься в долину, она тут же взбиралась на холмы и исчезала там, пока они не догоняли ее. Однако Элинор не обращала внимания на капризы сестры и покорно следовала за ней, боясь оставить ее одну в таком состоянии. Наконец, барышни утомились и Элинор предложила отдохнуть на краю живописной долины, которая была все еще зеленой, и где начиналась извилистая дорога, которая когда-то привела их в Бартон. Сестры остановились, огляделись по сторонам и вдруг вдалеке увидели свой коттедж, с этой новой точки они никогда раньше не рассматривали его. Позади на холме они вдруг заметили движущийся силуэт — это был всадник,

который направлялся прямо к ним. Как только всадник приблизился, Марианна восторженно закричала:

— Это он! Конечно это он, я знала это! — и бросилась ему на встречу. Элинор только успела крикнуть ей в след:

— Постой, Марианна! Ты ошибаешься. Это не Уиллингби. Этот человек ниже ростом и у него не та осанка.

— Та! Та! — воскликнула Марианна, — Конечно его! Его внешность, его одежда, его лошадь. Я всегда знала, что он скоро вернется!

И она, не останавливаясь, быстро пошла навстречу незнакомцу. Элинор, которая точно знала, что это не Уиллингби, чтобы защитить сестру от недоразумения, поспешила за ней. Когда до всадника оставалось ярдов тридцать, Марианна присмотрелась к нему и остановилась. Вдруг она резко повернулась и побежала назад, как вдруг услышала голоса своих сестер и третий такой же знакомый мужской голос. Когда она снова остановилась, то с удивлением узнала всадника, это был Эдвард Феррарс.

И это сейчас был единственный человек в мире, который мог быть прощен за то, что не был Уиллингби, единственный, кто мог получить от

нее улыбку. И она, сдерживая свои слезы, ответила на его приветствия и к радости ее сестер на некоторое время забыла о своих несчастьях.

Эдвард спешился и пошел рядом с ними в Бартон, куда, как выяснилось, он и направлялся.

Все три сестры ему несказанно обрадовались, особенно Марианна, что удивило Элинор. Для Марианны — это была встреча ее сестры со своим героем, счастливое продолжение их холодного романа в Норланде. Для Эдварда — не больше, чем встреча с любимой женщиной. Похоже, он был в замешательстве от этой неожиданной встречи по дороге в Бартон и невпопад отвечал на вопросы Элинор. Марианна сразу обратила на это внимание и снова начинала недолюбливать Эдварда за его неуклюжесть, невольно сравнивая его с Уиллингби, чьи манеры были безупречны.

— Вы к нам, наверное, прямо из Лондона? — спросила она с надеждой, наивно полагая, что все, кто бывает в Лондоне, наверняка знакомы с Уиллингби.

— Нет, я уже недели две, как приехал в Девоншир, — ответил Эдвард.

— Две недели? — переспросила Марианна, удивляясь, что он так долго здесь и до сих пор не встретился с Элинор. Она еще больше разочаро-

валась, когда узнала, что Эдвард остановился не у них, а у каких-то друзей недалеко от Плимута.

— А Вы давно уехали из Сассекса? — спросила Элинор.

— Уже почти месяц, как я уехал из Норланда.

— И как там дорогой наш Норланд поживает? — воскликнула Марианна.

— «Дорогой, дорогой Норланд», — передразнила ее Элинор, — всё как всегда, — усеян опавшей листвой. Ах! — вздохнула Марианна. — Я помню эту завораживающую пору, прозрачный сад… Как мне нравилось бродить по дорожкам Норланда, когда ветер кружит опавшую листву. Это незабываемо! Жаль, что от того безмятежного времени не осталось и следа. Здесь всегда тщательно подметают опавшую листву, складывают в кучи и вывозят с глаз долой.

— Здесь нет никого, — сказала Элинор, — кто испытывал бы такие же чувства к опавшим листьям, как ты.

— Да, меня многие никогда не понимали… — произнесла она в глубокой задумчивости… И вновь оживилась:

— Вот, пожалуйста, посмотрите, Эдвард, это долина Бартон. Однажды увидев, вы не сможете забыть ее никогда. Взгляните на эти живопис-

ные холмы! Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Вон там — Бартон-Парк, видите эти деревья? А за ними уже виднеется уголок нашего дома, а вот у холма и наш коттедж во всей красе.

— Здесь, действительно, очень красиво, — заметил он, — а как там у подножья холма? Нет слякоти зимой?

— Как можно думать о грязи при виде такой красоты?! — удивилась Марианна.

— Увы, — заметил он с улыбкой, — к этим живописным холмам мы идем по достаточно грязной дороге.

— Вы удивляете меня, — сказала Марианна вслух, скорее, сама себе, чем собеседнику. Эдвард как будто не услышал этих слов и продолжал:

— У вас хорошие соседи здесь? А Миддлтоны — приятные люди?

— Нет, с ними нам не повезло! — не задумываясь, ответила Марианна.

— Марианна, — не выдержала Элинор, — как ты можешь такое говорить?! Как ты можешь быть, так несправедлива? Они очень уважаемая семья, мистер Феррарс, и относятся к нам с дружеским расположением. Разве ты забыла, Марианна, сколько приятных дней мы провели вместе с ними?

— Всё равно «нет», — сказала Марианна тихим голосом, — а также столько болезненных минут!

Теперь Элинор пропустила мимо замечания сестры и постаралась занять гостя рассказом об их новом доме, бытовыми условиями, предстоящим ремонтом и прочими житейскими вопросами, которые иногда так удачно отвлекают собеседника от личных проблем. Но Эдвард говорил неохотно, и его холодность и сдержанность сильно обижали ее. Элинор была вне себя от досады, но решила не выдавать себя ради прежних встреч, и продолжала беседовать с ним так, как беседуют близкие друг другу люди.

Миссис Дэшвуд, похоже, и не удивилась, увидев на пороге летнего коттеджа мистера Эдварда, его приезд в Бартон, казался, ей вполне естественным.

Она была искренне рада и не сводила с нового гостя своих счастливых глаз. Нахлынувшие воспоминания пробудили в ней лучшие чувства к Эдварду, и она приняла его со всем своим радушием. Естественно, что мужчина, влюбленный в ее дочь, с долей симпатии относился и к ней самой, и миссис Дэшвуд ответила ему тем же. Через несколько минут от его застенчивости и холодности не осталось и следа, и Элинор была

рада увидеть его прежним. Его влюбленность вновь пробудилась, интерес к их благополучию стал неподдельным. Но сам мистер Феррарс был похоже чем-то обеспокоен. Он похвалил их новый дом, восхитился красотой окрестностей, был вежлив и учтив, но всё же казался встревоженным. Это заметили все, а миссис Дэшвуд решила, что причина всему многочисленные поручения его матери, которые непосильным грузом легли на плечи Эдварда. Поэтому, при первой же возможности она не преминула высказаться об эгоизме некоторых родителей:

— А чем занята сейчас уважаемая миссис Феррарс, Эдвард? — спросила она, когда обед был окончен, и все расселись у камина в гостиной. — Всё еще мечтает увидеть вас великим оратором?

— Нет, я надеюсь, что моя мать теперь убедилась, что таланта к политике у меня нет.

— Но, как вы планируете сделать карьеру, не вкладывая средств, не заводя связи, не получив профессии? Это ведь практически невозможно.

— А я и не пытаюсь сделать карьеру. Моё единственное желание, чтобы как раз этого и не произошло. И у меня нет ни малейшего желания прославиться. Слава Богу, я не наделен гениальностью или красноречием!

— У вас совершенно нет амбиций. Я знаю. Ваши желания более разумны.

— Также разумны, как и у большинства живущих в этом мире. Я надеюсь только, что буду счастлив, но, как каждый из нас, обязан идти к счастью только своим путем. Знаменитость помешала бы моему простому человеческому счастью.

— Удивительно было бы, если б помогла, — сказала Марианна, — Как могут богатство или величие сделать нас счастливыми?

— Величие в некоторых случаях может способствовать счастью, — сказала Элинор, — А сбережения уж точно никому еще не помешали.

— Элинор. Ради приличия, не говори так, — сказала Марианна. — Деньги могут обеспечить счастье только там, где нет любви и быть не может.

— Возможно, — сказала Элинор, улыбаясь, — что мы к этому еще вернемся. Давай сравним, что каждая из нас понимает под словом «деньги» и «сбережения». Что ты понимаешь под словами «хорошие деньги»?

— Около 18 или 20 сотен фунтов в год, не более этого!

Элинор засмеялась:

— Две тысячи в год?! Ого! Для меня и одна тысяча это уже целое состояние, хорошие «сбережения». Могу представить, чем это все закончится!

— Но две тысячи в год — это просто разумная сумма, на меньший доход нормальная жизнь семьи просто невозможна. Когда я говорю «жизнь», то имею в виду достаточное количество прислуги, экипаж, или два, и свои охотничьи собаки… Меньше, пожалуй, невозможно.

Элинор улыбнулась снова, когда услышала, как ее сестра описывает свои будущие расходы в имении Комб-Магна.

— Охотничьи собаки? — переспросил Эдвард, — Но зачем вам охотничьи собаки? Не все же обязательно охотятся?!

Марианна в ответ только покраснела:

— Многие охотятся…

— А я мечтаю, — вмешалась в разговор старших Маргарет, — чтобы кто-нибудь подарил каждой из нас по кусочку от огромного богатства!

— Ах! Золотые слова! — воскликнула Марианна. Ее глаза радостно заблестели, а ее щеки заалели в предвкушении такого воображаемого счастья.

— Мы все не отказались бы от такого подарка судьбы, — сказала Элинор, — Хотя все же богат-

ство налагает определенную ответственность.

— О, дорогая! — вскричала Маргарет, — Как счастлива я была бы и что только не сделала с ним!!!

Марианна посмотрела на нее с пониманием.

— А мне бы было трудно самой потратить все деньги, наверное, я отдала бы их дочерям, — сказала миссис Дэшвуд.

— Ты можешь начать тратить свои сбережения прямо вот с этого дома, и проблема, куда вложить несметные сокровища, исчезнет сама собой.

— Представляю, сколько замечательных заказов посыпалось бы от вашей семьи в Лондон, — сказал Эдвард, — если бы вы разбогатели. Скольких продавцов книг, нот и печатников вы бы осчастливили. Вы, мисс Элинор, выписывали бы по почте всё новые и новые гравюры, что же касается Марианны, то в Лондоне не останется ни одного нотного магазина, который бы не присылал ей новые музыкальные произведения! А книги: Томсон, Купер, Скотт! Она будет покупать их, покупать снова и снова, весь тираж, чтоб они не попали в плохие руки. И у нее обязательно будут книги, в которых авторы восторгаются грустными ветвями облетевших деревьев. Разве не так, Марианна? Простите меня, если я очень

дерзок, но я не забыл наш прошлый спор и хотел вам напомнить о нём!

— Мне было приятно вспомнить о прошлом, Эдвард. Не важно, была ли тогда меланхолия или тихая радость, но я люблю воспоминания. И вы никогда не обидите меня, напоминая о прошедших временах. Вы почти правы, предполагая как мои неожиданные доходы должны быть израсходованы. И конечно некоторые из них, особенно наличные, должны быть истрачены на коллекцию нот и книг.

— А большая часть ваших средств уйдет на ежегодные выплаты авторам или их наследникам.

— Нет, Эдвард, я должна кое-что сделать еще…

— Возможно, вы учредите премию тому, кто написал книгу о полном оправдании вашей любимой манеры поведения. «Наша встреча случилась однажды…». Вы, по-прежнему считаете, что в жизни можно полюбить лишь раз?

— Несомненно. Я еще очень молода, чтобы думать иначе. Думаю, вряд ли мне доведется убедиться в обратном.

— Марианна, как всегда последовательна. Вы видите, — сказала Элинор, — она не изменяет себе.

— Но, только немного стала серьезней, чем

была, — заметил Эдвард.

— Нет, Эдвард, — сказала Марианна, — Не вам меня упрекать. Вы сами-то не очень веселы!

— Почему вы так подумали? — ответил он, посмотрев на нее, — Я ведь никогда и не был весельчаком.

— Так же, как и наша Марианна, — сказала Элинор, — Я вряд ли смогу назвать ее «живчиком», хотя она очень горяча, очень запальчива во всем, чтобы не делала. Но она вовсе не хохотушка.

— Думаю, что вы правы, — ответил он, — но я всегда ее считал веселой.

— Я тоже часто ошибалась, истолковывая ту или иную черту характера, — продолжала Элинор. — Со стороны люди с живым воображением всегда кажутся нам более грустными или веселыми, гениальными или бездарными, чем они оказываются на самом деле. И мне трудно объяснить, почему это так. Беда в том, что часто человек ведет себя так, как о нем судят, и очень редко, по своей истинной сути.

— Да, это так, Элинор, — сказала Марианна, — Я думаю, что всеми нами, в конечном счете, правит чужое мнение и что наша способность давать оценку другим была милостиво дана свыше только с одной целью — умело управлять соседями.

Ты сама только что об этом сказала!

— Нет, Марианна, никогда! Я никогда не хотела подчинить себе других. Единственное, что я всегда пыталась навязать людям, так это нравственные ценности. И ты не переубедишь меня в обратном. Я признаю, что виновата перед тобой. Я пыталась повлиять на тебя. Но разве я когда-то заставляла тебя действовать в угоду чужому мнению?

— Вам никогда не удастся включить вашу сестру в глобальный план улучшения общей цивилизованности, — сказал Эдвард, — Получилось ли у вас что-нибудь хоть раз?

— Эффект был прямо противоположным, — ответила Элинор, глядя на Марианну.

— Теоретически, — продолжал он, — я полностью на вашей стороне. Но практически, я, несомненно, ближе к вашей сестрице. Я не люблю защищать себя. Но я от рождения застенчив, и поэтому часто выгляжу стесненным, хотя не испытываю при этом никакого смущения, а просто нахожусь в состоянии своей естественной неуклюжести. Я часто думаю, что по своей природе я должен ограничиться только близким кругом знакомых друзей, так как ничтожно себя чувствую в кругу незнакомых или известных людей.

— У Марианны нет такого алиби невежливости, как у вас, застенчивость ей не знакома.

— Она слишком хороша собой, чтобы быть застенчивой, — заметил Эдвард, — Робость — идет от нашего несовершенства. Если бы я был уверен в том, что мои манеры превосходны, я бы не был так застенчив!

— Но вы, стали бы неискренним, скрытным человеком, — заметила Марианна.

Эдвард внимательно посмотрел на нее:

— Скрытным? Разве я скрытен, Марианна?

— Да, и очень.

— Я вас не понимаю, — вдруг воскликнул он, покраснев, — Скрытен, но как, и в чем? В том, что я вам рассказал? Почему вы так предположили?

Элинор с удивлением смотрела на его неожиданную бурную реакцию и постаралась всё перевести в шутку:

— Разве вы недостаточно знаете мою сестру, чтоб понять, что она имеет в виду? Разве вы не знаете, что она каждого обвиняет в скрытности, если он только не говорит также много, как она?

Эдвард ничего не ответил. Но серьезность и задумчивость снова вернулись к нему, и некоторое время он сидел у камина молча.

Глава 10

Элинор с большой тревогой наблюдала за подавленным состоянием своего гостя. Радость от его приезда для нее омрачилась тем, что сам он, казалось, не испытывал от этого почти никакой радости. Было ясно, что он несчастен. Элинор объясняла его депрессию прежним чувством, которое, без сомнений, она когда-то разбудила в нем, хотя почему он не спешил с признанием, было ей непонятно. Она стала волноваться, а любит ли он ее по-прежнему? Уверенность таяла с каждым часом. Былая нежность в его взоре появлялась лишь на миг, и снова уступала место холодности.

На следующее утро он спустился к завтраку раньше, чем миссис Дэшвуд и Маргарет. Элинор уже была в столовой, а Марианна, всегда готовая содействовать их счастью, насколько это было в ее силах, поспешила под каким-то предлогом оставить их наедине. Но не успела она подняться и на несколько ступенек, как хлопнула дверь и, оглянувшись, к своему удивлению, увидела, что Эдвард вышел в коридор следом за ней.

— Пойду, проведаю своих лошадей в деревне, — сказал он, — так как вы еще не готовы к завтраку, я скоро вернусь.

Эдвард вернулся в прекрасном расположении духа. По пути он не мог отвести взгляд от уютных уголков Бартона, которые чередовались один за другим, а из деревеньки на холме открывался такой потрясающий вид, что он долго обменивался впечатлениями с Марианной, которая, наконец-то нашла с ним общую тему для разговора. Найдя благодарного слушателя, она начала подробно описывать свое собственное отношение к окружающему миру и подробно расспрашивать о том, что его поразило в окрестностях Бартона, но Эдвард прервал ее:

— Давайте не будем заходить так далеко, дорогая Марианна. Вы же помните, что я ничего не смыслю в пейзажах, и совершенно не чувствую живописи. Склоны холмов я называю «крутыми», хотя для вас они — «смелые», их растительность мне кажется колючей и неказистой, а для вас она — «необычная и бурная», а отдаленные объекты я вообще не вижу, хотя они для особо одаренных — «тающие вдали». Поэтому давайте остановимся на том, что я вам уже рассказал, этого вполне достаточно. Итак, эту местность я считаю

прекрасной, холмы крутыми, леса густыми, долины уютными, луга богатыми, стойла для волов многочисленными. Это описание полностью совпадает с моими представлениями о том, какой должна быть долина, не только прекрасной, но и плодородной. Я осмелюсь назвать ее и живописной тоже, потому что она вам нравится. Я также охотно верю, что она полна скал и выступов, серых болот и зарослей. Но это все укрылось от меня. Я не разбираюсь в живописи.

— Вы, действительно, в ней не разбираетесь, но зачем же этим бравировать?

— Могу предположить, — сказала Элинор, — что здесь Эдвард из одной крайности бросается в другую, так как считает, что многие люди чересчур восхищаются прекрасным, больше, чем чувствуют на самом деле. И так как ему противны такие претензии, то он представляется более безразличным к красивым видам, чем это есть на самом деле. Он просто привередливый и притворный.

— Да, это абсолютная правда, — сказала Марианна, — восхищение природой в обществе превратилось в банальность. Каждый претендует на чувственность и старается описать увиденное с подчеркнутым вкусом и изяществом. Ненавижу

банальность во всех её проявлениях. И никогда не поддерживаю такие беседы, потому что не нахожу слов, чтобы объяснить им, что значит «избитый» или «банальный».

— Вы меня убедили, — сказал Эдвард, — что действительно чувствуете всю красоту пейзажа, в чем только что откровенно признались. Но, в ответ, ваша сестра должна разрешить мне чувствовать так, как я только что признался. Я любуюсь природой. Но не с точки зрения художника. Мне не нравятся скрюченные, изогнутые и больные деревья, мне больше по душе прямые и цветущие. Мне не нравятся разрушенные и заброшенные коттеджи. Мне не нравятся крапива, чертополох или цветущий вереск. Большее удовольствие мне доставляют тучные воловьи стада, а не сторожевые башни, а отряды счастливых жителей богатых деревень мне приятней, чем самые благородные разбойники в мире.

Марианна посмотрела с интересом на Эдварда и с сочувствием на сестру. Элинор только засмеялась.

Тема была исчерпана, и Марианна молчала до тех пор, пока не обратила внимание на перстень гостя. Она сидела рядом с Эдвардом, и когда миссис Дэшвуд передавала ему чай, он протянул руку

прямо перед ней, и Марианна заметила на ней перстень с тонкой прядью волос в оправе.

— Я раньше не замечала, чтобы вы носили такое кольцо, — воскликнула она, — Это волосы Фанни? Я помню ее обещание дать вам локон. Но мне помниться, что ее локоны были темнее.

Марианна сказала это безо всякого намека. Но Эдвард мгновенно покраснел. Бросив минутный взгляд на Элинор, он покраснел еще больше и сказал:

— Да. Это волосы моей сестры. В кольце они всегда смотрятся с другим оттенком, вы же знаете.

Элинор поймала его взгляд, и постаралась ничем не выдать своих чувств. То, что это ее собственный локон, она чувствовала и не сомневалась, что Марианна сразу узнала в оправе светлую прядь своей сестры. Разница состояла в том, что Марианна считала, что это добровольный подарок Элинор, а сама Элинор — что этот локон был как-то украден или тайно взят. Но вот когда? Она не могла припомнить. Получив такую новую задачу, она постаралась не придавать всему этому значения, продолжала говорить о другом и решила обязательно посмотреть при первой же возможности этот волос, заранее решив, что это точно ее цвет волос.

Замешательство Эдварда продолжалось недолго, но закончилось длительной задумчивостью. Марианна сожалела о вырвавшемся у нее не совсем уместном вопросе, ответ на который ей казался очевидным. Чего нельзя было сказать об Элинор.

Днем в летний домик пожаловала чета Миддлтон с тещей, которые благодаря ее общительности одними из первых прослышали о приезде джентльмена в коттедж, и зашли проведать гостя. Сэр Джон, собравшись с мыслями, определил, что фамилия Феррарс начинается с буквы «ЭФ», что уже давало повод для добродушных насмешек над Элинор. И только краткость их знакомства удержала сэра Джона от его пикантных шуточек. Посмотрев на Маргарет, она попыталась понять, что от нее уже успели выведать об Эдварде незваные гости. Сэр Джон часто приходил в гости без приглашения, но сам никогда не уходил пока не приглашал девиц Дэшвуд пообедать вместе на следующий день или попить чай сегодня же вечером.

Но, в связи с сегодняшними событиями, для большего развлечения их гостя сэр Джон пригласил всех и на то, и на другое.

— Вы обязаны выпить с нами чаю сегодня же

вечером, — сказал он, — так как мы сегодня совершенно одни. А завтра, обязаны, пообедать с нами, так как завтра у нас будет шумная компания!

Миссис Дженнингс решила добавить несколько слов от себя к этому приглашению:

— Эдвард, а вы любите танцевать? Завтра будут танцы, и, я думаю, Марианна составит вам компанию?

— Танцевать? Как?! — воскликнула Марианна, — Этого не может быть! Кто, кто будет танцевать?

— Как кто? Вы сами, все Кэрри и Вайтэкеры. Можете быть уверены. Или вы думаете, что никто не будет танцевать, потому что персона, которую не будем называть, уехала?

— Я бы желал от всей души, — сказал сэр Джон, — чтоб Уиллингби завтра был среди нас.

Эти слова и пунцовый румянец Марианны заинтересовали Эдварда:

— А кто, этот Уиллингби? — спрос он тихо у миссис Дэшвуд, рядом с которой сидел.

Она только вздохнула в ответ. Поведение Марианны говорило больше. Эдвард понял достаточно не только по намекам других, но и по выражению лица Марианны, которое он уже видел раньше. Когда гости удалились, он сразу же подошел к

Марианне и спросил ее:

— У меня появилось подозрение. Могу я рассказать о нем?

— Что вы имеете в виду?

— Должен ли я рассказать вам, что именно?

— Естественно.

— Тогда я, кажется, знаю, что мистер Уиллингби меткий стрелок….

Марианна была настолько удивлена и смущена, что заулыбалась в ответ:

— Да, как вы можете говорить такое? Время придет… я надеюсь… и вы его полюбите.

— Я не сомневаюсь, — заметил он, удивившись странной связи между Марианной и неким Уиллингби, и не стал больше касаться этой темы.

Эдвард гостил у Дэшвудов неделю. Миссис Дэшвуд уговаривала его задержаться еще, но он был так занят своими делами, что не мог оставаться дольше. Он собрался в дорогу как раз тогда, когда его друзья успели к нему привязаться, да и сам он не хотел уезжать. Он мрачнел при одной мысли об отъезде, говорил, что в Норланде он страдает от безделья, а в Лондоне у него нет друзей. Но выбрать одно из двух зол: Норланд или Лондон он был всё-таки обязан, хотя его истинное счастье — быть с ними… Эдвард благодарил их за

гостеприимство и доброту, но, несмотря на все просьбы, и его собственные желания, собирался в дорогу.

Элинор объясняла эту двойственность поведения трудным характером его матери, о котором она знала не понаслышке. Тем не менее, этот скверный нрав миссис Феррарс был главной удачей Элинор, так как на нее можно было списать все, чтобы обелить ее сына и с удовлетворением объясняла всем его разочаровывающее общее состояние души рабским повиновением своей родительнице. Хотя, все это было очень больно, но Элинор не нужно было выдумывать всевозможных оправданий Эдварду, какие ее мать всё время искала для Уиллингби. Его жажда душевности, открытости, и последовательности — была самой большой противоположностью его независимости в противовес мнения и решений миссис Феррарс. Он не торопился под крыло своей матери. Элинор представила себе, как она, должно быть, будет рада, когда все эти проблемы исчезнут, миссис Феррарс будет отстранена от власти, и ее сын будет свободен по пути к своему счастью. От этих желаний она перешла к размышлениям о поведении Эдварда и о том, как каждый его взгляд или жест доказывали его расположение к

ней… Да, и этот, явный знак любви, который он носит вокруг своего пальца…

— Я думаю, Эдвард, — сказала миссис Дэшвуд, когда они завтракали в день отъезда, — вы были бы счастливым человеком, если бы освоили какую-нибудь профессию или нашли себе дело по душе. Конечно, это может не понравиться вашим друзьям. Так как у вас будет меньше времени для них, но зато у вас была бы одна хорошая черта — вы точно знали, куда ехать, покидая друзей.

— Поверьте, я и сам уже давненько задумываюсь об этом. Я очень страдаю от того, что не нашел в жизни дела, которое бы поглотило меня целиком. Я устал от своей свободы и от бездеятельности.

Но, к несчастью, моя беда и беда моих друзей в том, что мы — пустые, бесполезные существа. Мы никогда не могли сами выбрать себе профессию. Я всегда предпочитал и предпочту церковь. Хотя моя семья категорически против. Они видят меня в армии. Но это совершенно не моё! Джентльменам приличествует заниматься законодательством, и многие молодые люди, которые имеют места в Парламенте, в этом весьма преуспели и разъезжают по городу на хорошо известных экипажах. Но у меня не было ни спо-

собностей, ни желания заниматься законами. И я не мог переступить через себя даже ради своей семьи.

Что же касается военно-морского флота, то в нем есть своя привлекательность… Но я уже стар для того, чтобы начать службу во флоте. В связи с тем, что у меня нет необходимости приобретать какую-либо профессию вообще, то я могу позволить себе быть богатым и франтоватым без красного мундира в своем прошлом, как некоторые. Если Праздность провозглашается самым лучшим достижением и наделяется почетом, то молодой человек восемнадцати лет не так уж искренне желает чего-то еще, как соответствовать мнению своих друзей, что лучше ничего не делать. А я все же поступил в Оксфорд, но праздно не занят ни чем до сих пор!

— Из всего этого я могу сделать только один вывод, — сказала миссис Дэшвуд, — раз вы не нашли счастья в безделье, что ваши дети будут более удачливы и найдут дело по душе в предпринимательстве и торговле, как Колумелла.

— Дети? Они обязательно будут, — он сказал, вполне серьезно. — И пусть будут совсем не похожи на меня — в чувствах, делах, образе жизни — во всем.

— Полноте, полноте. Это всего лишь минутный порыв, Эдвард! Вам просто не хочется уезжать. Такому воображению, как у вас, может позавидовать любой. Но помните, что боль разлуки с друзьями чувствует любой человек, не зависимо от того, учится он или уже занят государственными делами. Знайте же, что ваше личное счастье сейчас ни в чем другом, кроме как в Терпении или, точнее сказать, в Надежде. Ваша мать со временем обеспечит вам ту независимость, которая вам предназначена по праву. Это ее святая обязанность, и это непременно произойдет! Хотя можно ждать и долго, пока она не поймет, что ее счастье в защите ваше юности от прозябания в неудобстве. Несколько месяцев могут перевернуть всю жизнь!

— Я готов ждать долгие месяцы, лишь бы получить, наконец, самостоятельность.

Эта тоска, хотя и не передалась миссис Дэшвуд, сделала их прощание еще печальнее. На Элинор расставание произвело такое тягостное впечатление, что ей не без труда удалось совладать со своими чувствами. Но она твердо решила не подавать виду и уже тем более не уподобляться своей сестре, которая еще больше растравляла свою печаль, и старалась не проводить свободное

время в молчании, одиночестве и безделье.

Едва за Эдвардом захлопнулась дверь, как Элинор села за рисовальный столик и весь день находила для себя какие-то дела, не упоминала о нем, но и не вздрагивала, когда его имя произносили в ее присутствии, стараясь вести себя с домашними, как обычно, чтобы не доставлять беспокойства матери и Марианне.

Такой самоконтроль Элинор, заставил Марианну по-новому посмотреть на свои чувства, и их показной драматизм постепенно сошел на нет.

Без всякого отчуждения от своей семьи, прогулок в одиночестве подальше от дома и бессонных ночей, Элинор тем не менее постоянно думала об Эдварде. Перспектива их отношений была туманна и она старалась не строить иллюзий, но и терзать свою душу понапрасну, вспоминая о нем то с нежностью, то с жалостью, то с недоверием, то с рассудительностью. Если она и оставалась в одиночестве, то это происходило случайно, находясь вместе в гостиной мать и дочери часто молчали, занятые своими делами. В эти минуты Элинор с особенным удовольствием предавалась своим мыслям о возлюбленном, которые переносили ее то в прошлое, то в будущее, в которое ей так хотелось заглянуть.

Однажды утром, занятая своими мыслями об Эдварде, она увлеченно делала наброски за своим рисовальным столиком, как вдруг ее внимание привлек звук закрывающейся входной калитки. Элинор повернулась к окну и увидела большую компанию, подходившую к дому. Среди них были Сэр Джон, Леди Миддлтон и миссис Дженнингс, а также джентльмен и леди, которые не были ей знакомы. Сэр Джон сразу заметил ее у окна, покинул компанию, и знаком попросил ее распахнуть окно, чтобы поговорить с ним один на один. Гости остановились от сэра Джона всего-то в двух шагах и прекрасно могли слышать их разговор, не обращая на них внимания сосед торжественно произнес:

— Смотрите, мы привели с собой новых гостей. Как они вам?

— Тише, они могут услышать!

— Не важно, если они и услышат. Это всего лишь Палмерсы. Шарлота очень симпатичная, я могу вам сказать. Вам как раз отсюда должны быть хорошо видны все ее достоинства.

Так как Элинор могла увидеть ее через несколько минут в своей гостиной, не высовываясь бесцеремонно в окно, то она всего лишь вежливо промолчала на предложение сэра Джона.

— А где же наша Марианна? Неужели она сбежала прочь, увидев нас? Я вижу, что ее инструмент открыт.

— Она, наверное, гуляет, — ответила Элинор.

Поддержать разговор у распахнутого окна решила и общительная миссис Дженнингс, которой не хватало терпения дождаться, пока откроется дверь. В несколько стремительных прыжков она оказалась у подоконника и сразу засыпала Элинор вопросами, на которые и не собиралась услышать ответ:

— Как вы поживаете моя дорогая? Как чувствует себя миссис Дэшвуд? А где же ваши сестры? Что? Вы совсем одна? Тогда вы будете рады небольшой компании, присоединившейся к нам. Я привела с собой еще одну дочь с мужем. Повидать вас. Подумать только, как быстро они приехали! Вчера вечером за чаем я вдруг услышала, что к дому подъехал экипаж. Но я представить себе не могла, что это они, решила, что это полковник Брэндон вернулся. Я так и сказала сэру Джону: «Кажется, к нам пожаловал полковник Брэндон».

На этом самом интересном месте Элинор вынуждена была встать и отойти от окна, чтобы, наконец, пустить всю компанию в дом. Леди Миддлтон как раз представляла ей своих род-

ственников, когда по лестнице вниз спустились миссис Дэшвуд и Маргарет. Все расселились в гостиной, разглядывая друг друга, а миссис Дженнингс как только вошла в коридор под руку с сэром Джона продолжила свой рассказ о несостоявшейся встрече с полковником Брэндоном.

Миссис Палмер была на несколько лет моложе Леди Миддлтон и совершенно не похожа на нее. Она была симпатичная маленькая толстушка-хохотушка. Ей недоставало элегантности старшей сестры, но в общении она была куда более приятной. Она вошла с искренней улыбкой, улыбалась во время всего разговора, за исключением тех моментов, когда заразительно смеялась, и откланялась тоже с улыбкой. Ее мужем был суровый молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести, по его молчаливому виду окружающие должны были догадаться, что он на редкость умен и изыскан, он не стремится понравиться своим новым знакомым, да и они, похоже, также безразличны ему. Он вошел в комнату с сосредоточенным выражением лица, слегка поклонился всем леди и без слов, обведя их всех быстрым взглядом, поднял газету со столика и уткнулся в нее, просидев так до самого ухода.

Миссис Палмер, в противоположность супругу,

была сама общительность, она говорила без умолку и восхищалась всем, что замечал ее быстрый взгляд в этой гостиной.

— Ну, что за восхитительная комната стала, просто прелесть, сударыня! У вас такой тонкий вкус, миссис Дэшвуд! Я была здесь в свой прошлый приезд, но теперь этот дом просто не узнать. Я всегда считала, что это миленькое местечко, но вы сделали его еще милее! Только посмотри, сестрица, как уютно все здесь! Я бы сама не отказалась от такого славного домика. Разве не так, мистер Палмер?

Мистер Палмер не удостоил ее ответом, и даже не оторвал глаз от газеты.

— Мистер Палмер не слышит меня, — сказала она, смеясь, — Не подумайте, что он глухой. Он не слышит меня временами. Ха-ха-ха!

Для миссис Дэшвуд это было нечто новое в отношениях мужа и жены, она никогда раньше не предполагала, что к невниманию супруга можно относиться с иронией, и посмотрела на эту пару с явным удивлением.

Миссис Дженнингс этого как будто не заметила, так как сама говорила так громко, как только могла, чтобы привлечь всеобщее внимание к своему еще не оконченному рассказу о том, как она

перепутала экипаж зятя и полковника Брэндона. Миссис Палмер рассмеялась от души, вспомнив, как мать удивилась, увидев в гостиной именно их и все признались, что это был действительно отличный сюрприз.

— Поверьте, мы все так обрадовались, когда увидели друг друга! — добавила миссис Дженнингс, наклоняясь в сторону Элинор и говоря тихим голосом, как будто никто другой этого не слышал, хотя все они сидели рядом в маленькой гостиной. — Но вместе с тем, я не могла поверить, что они так быстро примчались. Ведь они были в Лондоне по делам и, как вы знаете, — она кивнула в сторону своей дочери, — это так опасно в ее положении, но она так захотела присоединиться к нам, так хотела увидеть всех вас!

Миссис Палмер засмеялась и сказала, что это ей повредит.

— Она собирается рожать в феврале, — продолжала миссис Дженнингс.

Леди Миддлтон решив, что ее мать и так рассказала знакомым слишком много, вдруг громко спросила мистера Палмера, есть ли какие-нибудь новости в газетах.

— Нет, ни одной вообще, — ответил он.

— А вот и Марианна, — воскликнул сэр Джон, —

И сейчас, Палмеры, вы увидите ужасно красивую девушку.

Он немедленно вышел в прихожую, открыл входную дверь и провел ее внутрь. А миссис Дженнингс спросила ее с порога, не приходилось ли ей бывать в Алленхэме. Миссис Палмер засмеялась так откровенно, что все поняли, она в курсе последних событий, а мистер Палмер оторвался от газеты, внимательно посмотрел на Марианну, как только она вошла в комнату, оценивая несколько минут, и затем, вздохнув, опять вернулся к чтению. Миссис Палмер заметив это, вдруг вспомнила о рисунках, которые были развешаны по стенам, и даже привстала, чтобы лучше их рассмотреть.

— О! Дорогая Элинор, как они красивы! Да, как восхитительны! Правда, сударыня, посмотрите, как милы! Я могу заявить, что они вполне обворожительны! Я могла бы смотреть на них, и смотреть все время! — сказала она и снова села на стул, мгновенно забыв о том, что висит на стенах в комнате.

Когда леди Миддлтон поднялась, чтобы уходить, мистер Палмер поднялся тоже, положил газету, выпрямился и осмотрелся вокруг.

— Мой дорогой, ты что, заснул? — спросила его

жена, смеясь.

Он не ответил ей, а только обвел глазами снова всех вокруг и комнату. «Какая же она низкая и потолок треснул!» — подумал он, поклонился и исчез с остальными.

Сэр Джон как обычно настойчиво приглашал всех на обед в Бартон-Парк. Миссис Дэшвуд, отказывалась, так как считала, что неприлично обедать там чаще, чем все обедали у нее, но своим дочерям она предоставила решить этот вопрос самим. Барышни тоже не горели желанием обедать в компании оригинальной четы Палмер и отказались, сославшись на непогоду. Но сэр Джон не унимался и обещал прислать за ними экипаж, чтобы погода не помешала им собраться за одним столом. Неожиданно для всех, к уговорам присоединилась и равнодушная ко всему леди Миддлтон, а следом за ней и миссис Дженнингс, и миссис Палмер. Похоже, они были готовы пойти на всё, чтобы избежать обеда в дружном семейном кругу. И молодые леди вынуждены были согласиться.

— Почему же они так настойчиво приглашают нас? — спросила Марианна, как только гости уехали, — Мы теперь всегда обязаны обедать в их компании, и не можем отказать, потому что они

сдают нам коттедж за смешные деньги, хотя для нас и это немаленькая сумма.

— Их приглашение всего лишь означает, что они по-прежнему к нам хорошо относятся и хотят с нами общаться, — сказала Элинор, — ведь мы не были у них уже несколько недель. А если теперь нам по каким-то причинам не хочется бывать в Бартоне, то дело не в наших друзьях, а в нас самих.

Глава 11

Как только на следующий день сестры вошли в художественную гостиную Бартон-Парка, к ним тут же через другую дверь выбежала миссис Палмер, такая же добродушная и веселая, как вчера. Она поздоровалась с ними, дружески взяв за руки, и предложила присесть.

— Я так рада, что Вы здесь, — сказал она, садясь между Элинор и сестрой, — потому что сегодня такая ненастная погода, и я боялась, что вы не приедете. Это было бы просто ужасно больше не повидать вас, потому что мы уже завтра уезжаем. Мы едем обратно из-за Вестонов, которые будут у нас в гостях на следующей неделе. Как хорошо, что мы смогли вырваться сюда, хоть на несколько дней. Я до последнего момента не знала об этой поездке, пока нам не подали экипаж до Бартона. Мой супруг такой забавный, всё держит от меня в тайне до последнего! Вот и сейчас мы неожиданно уезжаем. Мне очень жаль, что не можем остаться дольше, но вместе с тем, я надеюсь, что мы встретимся в Лондоне совсем скоро.

Сестрам пришлось сознаться, что они вряд ли

поедут в столицу в ближайшее время.

— Отказываться от поездки в Лондон! — воскликнула миссис Палмер, смеясь, — Даже и не думайте об этом. Я сниму для вас лучший дом в Англии рядом с нами, на Гоновер-Сквер. Вы должны приехать, обязательно! Я буду просто счастлива сопровождать вас везде, если миссис Дэшвуд не пожелает появляться на публике.

Они поблагодарили ее и обреченно терпели ее бурный темперамент дальше.

«О, моя любовь! — воскликнула миссис Палмер, когда ее муж вошел в комнату, — ты должен помочь мне уговорить их приехать в город зимой!

Ее любовь не удостоил ее ответом, и после легкого поклона в сторону леди, начал жаловаться на погоду.

«Отвратительно, — сказал он, посмотрев в окно. — Такая погода всех и вся делает просто невыносимыми. И находиться в четырех стенах еще хуже, чем мокнуть под дождем. И какого черта, Сэр Джон решил, что в доме не должна быть бильярдная. Как только некоторые люди могут знать, что такое комфорт?! Сэр Джон также невыносим, как и эта погода!

Вскоре в гостиной собралась вся компания.

— Ах, Марианна, — сказал Сэр Джон, — кажется,

сегодня вам не суждено совершить вашу обычную прогулку в Алленхэм.

Марианна посмотрела очень сердито и ничего не сказала.

— Не скрывайте от нас то, что всем уже давно известно, — мягко сказала миссис Палмер. Я полностью одобряю ваш выбор, так как тоже нахожу его весьма привлекательным. Мы живем недалеко от него летом. Совсем рядом, не больше десяти миль.

— Почти тридцать, — уточнил ее муж.

— Да какая разница, я всё равно ни разу не была в его доме, хотя некоторые говорят, что это очень миленькое и приятное местечко!

— Более гнусного места в своей жизни не встречал! — сказал мистер Палмер.

Марианна старалась не вмешиваться в разговор, хотя этот вопрос ее очень интересовал.

— Что, действительно такое скверное место? — спросила миссис Палмер, — Тогда, возможно, речь шла о другом доме, который был назван прелестным?

Когда всех пригласили к столу и гости заняли свои места, сэр Джон глазами пересчитал всех и убедился, что гостей всего восемь.

— Моя дорогая, — обратился он к своей жене, —

это очень досадно, что нас так мало. Почему ты не пригласила Джильбертов приехать к нам?

— А разве, я вам не говорила до этого, сэр Джон, — что этого нельзя делать? Они обедали у нас прошлый раз.

— Вы, сэр Джон, и я, — вмешалась миссис Дженнингс, — не стали бы думать о таких пустяках.

— Тогда с вами будет очень тяжело общаться, — воскликнул мистер Палмер.

— Любовь моя, вы опять настраиваете всех против себя, — сказала его жена с обычным для нее смешком, — разве вы не замечаете, что это так грубо?

— Я не думаю, что только один за этим столом, считаю вашу мать плохо воспитанной.

— Похоже, вы злоупотребляете моим терпением, — сказала хорошо воспитанная старая леди, — Вы забрали мою милую Шарлоту из моих материнских рук, и никогда не отдадите обратно. Поэтому теперь я уже никому не нужна?

Шарлота засмеялась искренне над тем, что ее муж уже никак не сможет от нее избавиться, и пошутила по поводу того, что теперь бесполезно сердиться друг на друга, так как жить всем всё равно вместе. Она была очень благоразумна и сдержанна и даже полное безразличие со сто-

роны мужа не делали ее несчастной, и когда он задевал или оскорблял ее, она этого как будто не замечала.

— Мистер Палмер такой шутник, — сказала она шепотом Элинор, — Он всегда полон сарказма!

Элинор, внимательно посмотрев на мистера Палмера, решила, что он не так груб и колюч, каким хочет казаться. Может быть, это следствие его разочарованности в жене, как раз тот случай, когда милашка оказалась глупышкой? А она знала, что именно этот недостаток часто является тем, что привлекает в ней умных мужчин. Это было, скорее, ее желание, чтоб всем объяснять манеру его поведения, шокирующую окружающих. Это была попытка изменить мнение других людей о нем. Но мотив такого желания и методы, которыми он добился успеха, были слишком ясны для всех, чтоб его считали оригинальным. А то, что он был плохо воспитан, никого не интересовало, кроме его собственной жены.

— О! Дорогая мисс Дэшвуд, — вдруг сказала миссис Палмер за столом. — Я прошу разрешения кое о чем просить вас и вашу сестру. Можете ли вы приехать и провести некоторое время в Кливленде на Рождество? Думаю, что Вестингтоны все еще будут у нас. Вы не представляете, как счаст-

лива я буду! Это будет просто восхитительно! Мой дорогой, — затем обратилась она к своему мужу, — Разве, ты не хотел бы пригласить мисс Дэшвуд к нам в Кливленд?

— Естественно, — ответил он с усмешкой, — Я приехал в Девоншир только ради этого.

— Ну, вот, теперь вы видите, — сказала миссис Палмер, — что мистер Палмер ждет вас, и вы не сможете отказаться!

Сестры обе в один голос снова отказались от приглашения.

— Но, правда, вы должны обязательно приехать. Я уверена, что вам там все понравится. Вестингтоны будут с нами, и все будет превосходно. Вы и представить себе не можете, какое прелестное местечко Кливленд! Мы сейчас так веселы там, потому что мистер Палмер часто ездит по этой части страны, выступая против выборов, и много людей приходит пообедать с нами. Даже больше, чем я когда-либо раньше видела, и это просто восхитительно! Но, бедный мой! Как же это все его утомляет, так как он желает каждого сделать таким же, как он сам.

Элинор еле выдерживала ее разговоры, так как едва могла противостоять напору такого приглашения.

— Как прелестно, — сказала Шарлота, — если он будет в Парламенте. А разве нет? Как же я буду смеяться! Будет забавно видеть адресованные ему письма с пометкой «ЧП», то есть «члену парламента». Но вы знаете, он сознался, что никогда не будет рассказывать мне, о чем в них написано. Он так и заявил. Разве не так, мистер Палмер?

Мистер Палмер даже не обратил на нее внимание.

— Смешно! Он не выносит писанины! Вы знаете, — она продолжала, — он сказал, что это просто жуть.

— Жуть? — переспросил мистер Палмер. — Нет, я никогда не говорил ничего подобного, нерационального. Не надо вкладывать в мои уста ваши словечки.

— Ну, теперь вы видите, какой он шутник. Это он всегда так. Иногда даже не разговаривает со мной по полдня, сидит рядом и молчит, а потом вдруг как скажет что-нибудь в таком роде, очень смешное.

Когда все встали из-за стола и вернулись в художественную гостиную, миссис Палмер вдруг спросила Элинор, не считает ли она ее супруга замкнутым? Этот вопрос удивил Элинор, но она ответила, не стушевавшись:

— Вовсе нет, — сказала Элинор, — он выглядит очень общительным.

— Да, я так рада, что вы смогли разглядеть это. Я так и думала, что вы поймете, что он очень приятный. А мистеру Палмеру, думаю, понравились и вы, и ваша сестра. И вы не можете представить себе, как он будет разочарован, если вы не приедете в Кливленд. Я не понимаю, почему же вы отказываетесь?

Элинор пришлось еще раз тактично отказаться от ее приглашения и, чтобы сменить тему, решила расспросить Шарлотту о Уиллингби, ведь они когда-то были соседями. Мистер Палмер, возможно, мог внести некоторые добавления к его портрету Эдварда, кроме того, Элинор была рада использовать любую возможность, включая и различные знакомства Миддлтонов, чтобы помочь Марианне. Она начала с того, что поинтересовалась, как давно они знают ли они мистера Уиллингби?

— Конечно, я знаю его очень хорошо, — сказала миссис Палмер, — хотя ни разу с ним не говорила. Я, правда, встречала его только в Лондоне. Так уж получилось, что мне не приходилось бывать в Бартоне, когда он гостил по соседству в Алленхэме. Мама как-то видела его до этого раз, но я в

это время была с моим дядей в Веймуте. Вместе с тем могу сказать, что мы много слышали о нем в Соммерсетшире, хотя ни разу не встретились там, к сожалению. Он мало бывает в своем имении Комб-Магна, я думаю, но даже, если б он и бывал там часто, не думаю, что мистер Палмер навестил бы его, так как они находятся в политической оппозиции. А вы же знаете, что это неприлично? Я понимаю, почему вы интересуетесь им, ваша сестра собирается за него замуж. Я ужасно рада этому, так как она будет моей соседкой.

— По-моему, миссис Палмер, вы осведомлены даже больше, чем я.

— Не скрывайте, об этом говорят все. И могу вас заверить, что слышала об этом еще до отъезда из Лондона.

— Но миссис Палмер, с чего вы взяли?

— Честное слово! Я встретила полковника Брэндона в понедельник утром на Бондон-Стрит перед нашим отъездом. И он мне все рассказал, как есть.

— Вы меня удивляете. Полковник Брэндон рассказал вам об этом? Вы, должно быть, ошибаетесь, придав такую заинтересованность лицу, которое вряд ли это интересует. Поэтому я не верю, что полковник Брэндона говорил о таких вещах.

— Но могу вас заверить, что это именно он. И могу рассказать, как это было. Когда мы его встретили, он пошел пройтись с нами, мы начали говорить о моей сестре, о зяте, о том, о сем… И я сказала ему, что новая семья приехала в Бартон-Коттедж, мама написала мне об этом несколько слов, что три сестры очень миленькие, и что одна из них собирается выйти замуж за мистера Уиллингби из Комб-Магна. Спросила его, что он знает об этом, ведь он только что из Девоншира?

— А, что сказал полковник?

— О, он сказал не так много, но с видом очень осведомленного человека. И я решила, что всё это правда, тем более так замечательно, когда кто-то выходит замуж. Так, когда же свадьба?

— Мистер Брэндон, надеюсь, был здоров и в здравом уме?

— Да. Он был в прекрасной форме. Всё время вспоминал ваши фразы и много хорошего говорил о вас. Только хорошее!

— Приятно слышать. Мне он тоже показался крайне приятным джентльменом.

— Ой, он так приятен! Но только очень печален и серьезен. Мама сказала, что полковник Брэндон тоже был влюблен в вас. Могу сказать, что это большой вам комплимент, так как он редко

влюбляется, если вообще способен влюбляться в кого-нибудь.

— А что, мистер Уиллингби хорошо известен в вашей части Соммерсетширра? — спросила Элинор, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло.

— О! Очень хорошо. Правда, не думаю, что многие были ему представлены, потому что Комб-Магна находится в глуши, но все считают его чрезвычайно покладистым, я уверена. Он всегда приходится ко двору, этот мистер Уиллингби, впрочем, как и ваша сестра. Она ужасно удачливая девушка, раз получила такого жениха. А он, он тоже удачлив, сосватав такую милую и душевную девушку. Так, что они — прекрасная пара. Но вместе с тем, я не думаю, что она более красива, чем вы. Я считаю вас обеих очень хорошенькими, и мистер Палмер тоже, хотя прошлым вечером мы не смогли его на этом поймать.

Увы, но миссис Палмер не сказала о Уиллингби ничего нового, он казался ей «ужасно приятным», как и все остальные.

— Я так рада, что мы все познакомились, наконец, — продолжала Шарлота, — и теперь, надеюсь, мы станем подругами. Вы не можете представить себе, как я хотела вас видеть. Это просто замечательно, что вы живете в коттедже.

Ничего лучше этого не может быть! Я так рада, что ваша сестра выходит замуж! Думаю, что это будет большим событием для Комб-Магна. Это приятное место во всех отношениях.

— А, вы, давно знаете полковника Брэндона?

— Да, достаточно. С тех пор, как вышла замуж моя сестра. Он был старым другом Сэра Джона, и, я так думаю, — она добавила тихим голосом, — мог стать моим мужем. Сэр Джон и леди Миддлтон очень этого хотели. Но мама не считала его хорошей партией для меня, но сэр Джон все же поговорил с полковником и мы могли бы пожениться.

— А полковник Брэндон знал о разговоре сэра Джона и вашей матери?

— О! Нет, но если бы мама не противилась этому, я думаю, он был бы рад взять меня в жены. Он видел меня всего раза два, и то, до того, как я окончила школу. Но теперь уже все равно, я более чем счастлива в браке, а мистер Палмер — как раз тот человек, который стал для меня идеальным мужем!

Палмеры вернулись в Кливленд на следующий день. И две семьи в Бартоне снова были вынуждены наслаждаться общением друг с другом. Странные взаимоотношения молодых супругов

из Лондона не выходили у Элинор из головы. Она никак не могла понять, почему Шарлота была так весела без причины, а мистер Палмер вел себя так простолюдин, хотя был истинным джентльменом и о странном несовпадении, которое часто бывает между мужем и женой. Другая необычная пара, сэр Джон и миссис Дженнингс, зять и теща, которых связали не только родственные узы, но и страсть к общению, тем временем завели новые знакомства, и Элинор получила новую пищу для размышлений.

Во время утренней экскурсии в Экзетер они встретили двух молодых леди, которые оказались дальними родственницами миссис Дженнингс. Этого было достаточно для сэра Джона, чтобы сразу пригласить их в Бартон-Парк. Тут же выяснилось, что дальних родственниц в Экзетере ничего не держит и они готовы немедленно отправиться в Бартон. В связи с этим леди Миддлтон почувствовала некоторое беспокойство, так как ей предстояло принимать у себя двух барышень, которых она ни разу не видела в своей жизни. Их визитной карточкой могла стать светскость, или в крайнем случае, близкое родство, но, на деле всё оказалось куда прозаичнее. Ни то, ни другое для ее мужа и матери не играло никакой роли. Мис-

сис Дженингс только посоветовала девушкам не обращать внимания на их старомодные платья, поскольку они все двоюродные родственники и должны понимать и поддерживать друг друга.

Так как теперь невозможно было уклониться от визита двоюродных родственников, леди Миддлтон постаралась посмотреть на ситуацию философски и ограничилась мелкой местью сэру Джону, припоминая ему эту выходку пять-шесть раз на дню.

И вот молодые леди прибыли. В них не было ни породы, ни моды. Их платья были ярковаты, а манеры простоваты. Но они обе так восторгались домом и мебелью, а их радость общения с отпрысками сэра Джона была такой искренней, что от заочного недовольства леди Миддлтон через час не осталось и следа. Хозяйка дома была очарована их обаянием. Она сочла их «самыми приятными девушками на свете», что для ее милости означало безоговорочное признание. Сэр Джон, окрыленный своей проницательностью и умением разбираться в людях, тотчас отправился в коттедж, сказать миссис Дэшвуд о приезде двух мисс Стилс, самых приятных девушек на свете. Для Элинор эти слова не значили ровным счетом ничего, так как, если верить сэру Джону,

самые приятные девушки на свете встречаются в каждом уголке старой доброй Англии, и все так не похожи между собой. Однако сэр Джон настаивал, чтобы все родственники сразу же собрались все вместе у него. Милый филантроп! Он не мог в одиночестве общаться с двоюродными кузинами и хотел поделиться этой радостью со всем миром!

— Умоляю, приезжайте, — сказал он, — прошу вас! Нет, вы просто обязаны приехать! Я требую, чтобы вы приехали! Вы даже не можете себе представить, какие это чудесные барышни, они вам сразу понравятся! Люси чудовищно хороша! И так общительна и контактна! Дети так и повисли на ней, как будто знают ее сто лет. И они обе желали бы видеть вас! Приезжайте, ради всего святого! Они слышали еще в Экзетере, что вы самые прекрасные создания в мире. Я подтвердил эти слова, и даже более того! Вы будете очарованы ими, я уверен. Они привезли целую почтовую карету, полную всяких интересных вещей для детей. Ну? Как вы можете быть такими суровыми и не приехать! Почему? Они же ваши тоже дальние родственницы. Вы мои дальние родственники, а они по линии жены, так что вам надо обязательно познакомиться.

Да, от сэра Джона нелегко было отделаться. Он взял с Дэшвудов слово, что в ближайшие день или два они зайдут в Бартон-Парк. И затем отправился домой весь в сомнениях, не понимая, почему барышни не спешат завести себе новых подруг, и тщательно подбирая нужные слова, чтобы получше представить им мисс Дэшвуд, как только что во всей крае он представил их мисс Стилс.

Наконец, их обещанный визит в Бартон-Парк и знакомство с двумя молодыми леди состоялись. Дэшвуды не нашли во внешности старшей из сестер, блеклой особы лет под тридцать, ничего особенного, кроме чересчур простого незапоминающегося лица. Младшая мисс Стилс, наоборот, поразила их своей красотой. Она была значительно моложе сестры, на вид ей было не более двадцати двух — двадцати трех лет, у нее был живой острый взгляд и редкое природное очарование, которое хоть и не заменяло образования и хороших манер, но всегда привлекало окружающих. Обе мисс Стилс общались открыто и радушно. И Элинор не отказала им и в уме, заметив, как часто и к месту они соглашаются с хозяйкой дома — леди Миддлтон. С ее детьми они быстро нашли общий язык и так привязались к малышам, что играли с ними все дни напро-

лет, всё время одобряя их мелкие шалости, чем заслужили благосклонность матери. Хвалебные отзывы о детях — самый короткий путь к материнскому сердцу, поэтому неудивительно, что леди Миддлтон сдалась без боя. С материнской гордостью она наблюдала за всеми шутками и уловками своих мальчиков, которые ежеминутно испытывали терпение ее дальних родственниц. Она видела, что их сумочки открытыми, а локоны растрепаны и закручены вокруг ушей, их корзинки для шитья перерытыми, все ножи и ножницы украдены и спрятаны, словом, всё это выглядело очень мило. Правда, леди была удивлена сдержанным поведение сестер Дэшвуд, которые не приняли участие в этой веселой возне.

— Джон сегодня в таком прекрасном настроении! — сказала леди Миддлтон, глядя, как он вытащил у одной из мисс Стилс карманный платок и выбросил его из окна, — Он полон обезьяньих проделок!

После проделки второго малыша, опять проколовшего тот же палец мисс Стилс, заметила:

— Как Виллиам всегда сам хорошо играет!

— А вот и моя конфетка — Анна-Мария, — сказала она, нежно беря маленькую девочку лет трех, которая тихо сидела последние две минуты, — И

она всегда так нежна и тиха — никогда еще не была такой тихоней!!!

Но, к сожалению, в этот момент булавка из платья ее милости случайно царапнула ребенка по щеке. И ее хваленая тихоня разразилась таким пронзительным ревом, какой себе даже трудно представить! Леди остолбенела, но сестры Стилс не растерялись и принялись дружно утешать малышку. Три женщины так быстро успокоили кроху, что через минуту она уже молча сидела на коленях матери, кокетливо отворачивалась от ее поцелуев, в то время как одна из мисс Стилс ловко промывала ранку лавандовой водой, стоя перед ней на коленях, а другая запихивала в раскрытый от крика рот кусочек сливового сахара. Плач тут же прекратился, но напоследок трехлетняя рева как следует пихнула ногой брата, который попытался ущипнуть ее исподтишка. Тут леди Миддлтон вспомнила, что лучшего обезболивающего, чем персиковый мармелад, на свете нет, он прекрасно помог им на прошлой неделе. Поэтому она взяла хныкающую девочку на руки и понесла в другую комнату, а двое мальчиков последовали за ними, чтобы тоже немного подлечиться. Таким образом, все четыре гостьи оставались один на один в гостиной, где впервые за несколько часов

наступила тишина.

— Бедняжка, — вздохнула мисс Стилс, как только леди с детьми вышла в другую комнату, — наверное, ей было очень больно.

— По-моему, ничего страшного, — воскликнула Марианна, — мне кажется, что мы зря суетились из-за такого пустяка.

— И всё-таки… Какая же удивительная женщина, эта леди Миддлтон!» — сказала Люси Стилс.

Марианна промолчала. Ей было трудно произнести то, что она в действительности не чувствовала. Элинор тоже промолчала, так как считала, что любые разговоры о чувствах, когда их нет, напрасны. Она делала все, что могла, говоря с самой большой теплотой о леди Миддлтон. Но она уступала в этом старшей из сестер Стилс — мисс Люси:

— И сэр Джон тоже под стать ей, какой восхитительный человек!!!

В этом случае оценки Элинор не отмалчивалась, а просто заметила, что он удивительно добродушен и дружелюбен.

— Ах, какая они восхитительная семья! Я никогда не видела таких хороших детей в своей жизни! Я заявляю, что я покорена ими и что я действительно очень люблю детей!!!

— Здесь я могу с вами поспорить, — сказала Элинор с улыбкой, — судя по тому, что вытворяли сегодня утром эти хорошие дети.

— У меня сложилось впечатление, — сказала Люси, — что маленького Миддлтона чересчур балуют. Но это так естественно для добродушной леди Миддлтон, впрочем, как и для меня. Я не выношу тихих и послушных детей, пусть лучше хулиганят и резвятся, на это всегда приятно посмотреть.

— Могу сказать лишь одно, — ответила Элинор, — за все время моего пребывания в Бартон-Парке я ни разу не встретила ни одного тихони.

Мисс Стилс промолчала в ответ, а потом вдруг неожиданно спросила:

— Ну, и как вы находите Девоншир, мисс Дэшвуд? Я думаю, что вы жалеете, что покинули Сассекс.

В некотором удивлении от фамильярности такого вопроса и от тона, каким он был задан, Элинор утвердительно кивнула.

— Норланд — удивительно красивое место. Не так ли? — добавила младшая мисс Стилс.

— Мы слышали, что сэру Джону там очень нравится, — уточнила Люси, которая почувствовала удивление Элинор.

— Я думаю, что Норланд полюбит каждый, кто хоть раз там побывал, — ответила Элинор, — хотя возможно, его своеобразная красота на всех производит разное впечатление.

— А много ли у вас там приятных ухажеров? Я думаю, что не очень много в той части страны. Что же касается нашей части, то их всегда предостаточно.

— Но почему ты думаешь, — спросила Люси, посмотрев с упреком на сестру, — что в Сассексе красавчиков меньше, чем в Девоншире?

— Что ты! Моя дорогая, я не говорила, что их там меньше, чем здесь. Точно могу сказать, что, например, в Экзетере предостаточно красивых молодых людей. Но этого я не могу сказать о Норланде, так как там никогда не была. Я только беспокоюсь, что мисс Дэшвуд трудно будет найти достойную партию в Бартоне, так как здесь выбирать-то не из кого, не то, что в Норланде. Но, возможно, вы, молодые леди, и не мечтаете о кавалерах, ведь прекрасно можно обойтись и без них. Что же касается меня? Я не притязательна, мне достаточно, чтобы джентльмен был прилично одет и хорошо воспитан. Но неряшливости и грубости я не прощаю. Вот, например, мистер Розе в Экзетере. Вполне приличный молодой

человек, ухажер тоже ничего, это клерк миссис Симпсон, ну вы, наверно, о ней слышали. Но если бы вы повстречали его с утра пораньше, то не захотели бы встречаться дальше. Я думаю, что ваш братец был тот еще волокита, пока не женился. Он, правда, очень богат?

— Хотя я не настолько осведомлена о его личной жизни до свадьбы, — ответила Элинор, — но, по-моему, он был тот еще волокита до женитьбы, да он и остался таким, потому, что ничего другого ему не осталось.

— О Боже! Разве можно говорить о женатом человеке, как о потенциальном женихе? Они уже совсем другое дело…

— Господи! Анна! — воскликнула ее сестра. — Ты ни о чем не можешь другом говорить, кроме как о мужчинах. Теперь мисс Дэшвуд решит, что ты и не думаешь ни о чем другом! Вон, лучше посмотри, какой дивный гарнитур красного дерева стоит в этой гостиной.

Этого короткого разговора было вполне достаточно, чтоб понять обеих мисс Стилс, и Элинор больше не стремилась узнать их глубже и уже тем более думать или говорить о них.

Но мисс Анна и Люси были настроены иначе. Они привезли с собой из Экзетера такой запас

комплиментов на все случаи жизни, что их хватило не только на долю сэра Джона Мидлтона, его супругу, детей и всех его домочадцев, но и для его прекрасных родственниц. По их словам, сестры Дэшвуд были так хороши собой, изящны, образованны и обворожительны, что сестры Стилс мечтали только об одном — стать их лучшими подругами. Увы, сопротивляться дружескому напору было бесполезно, так как неутомимый сэр Джон сразу принял сторону мисс Стилс, поэтому Элинор и Марианне оставалось только молча прибывать в их обществе по несколько часов день. Большего сэру Джону добиться не удалось. Однако сам он свято верил, что проводить время вместе и быть друзьями — это одно и то же, таким образом, собирая четырех барышень под своим кровом, он ничуть не сомневался, что их связала искренняя дружба. Лорд делал всё возможное, чтобы девицы лучше узнали друг друга, поэтому сообщал обеим сторонам самые сокровенные подробности всего того, что знал о родственницах. Благодаря его стараниям, мисс Стилс буквально на второй день знакомства поздравила Элинор с тем, что мисс Марианна так быстро нашла себе в Бартоне завидного жениха.

— Надо же, отхватил себе такую молодень-

кую, — вздохнула она, — говорят, что он тот еще волокита! И так хорош собой! Я надеюсь, что вы тоже долго не засидитесь и скоро найдете кавалера, а, может быть, у вас уже есть кто-то на примете…

Элинор уже и надеялась, что сэр Джон, сдавший с поличным Марианну, будет так любезен, что сохранит в тайне имя ее избранника. Вряд ли, судя по тому, что он постоянно подшучивал на этот счет и при случае поднимал бокал за здоровье молодых. Буква «ЭФ» не сходила с его уст и была признана Элинор, самой невыносимой буквой алфавита.

Две мисс Стил, что и следовало полагать, озадаченные этими шуточками, теперь сосредоточились на том, чтобы выяснить имя этого джентльмена, который скрывался под этой буквой и которого знала вся семья, кроме них. Но Сэр Джон долго не мучил их и с большим удовольствием назвал его. Они были счастливы.

«Его имя Феррарс, — сказал он очень громким шепотом, — но умоляю, не говорите ей об этом!»

— Феррарс? — переспросила младшая мисс Стил, — мистер Феррарс очень счастливый человек, не так ли? Это брат вашей невестки, мисс Дэшвуд, и он очень добропорядочный молодой

человек, можете мне поверить. Я знаю его очень хорошо.

— Как ты можешь такое говорить, Анна, — воскликнула Люси, которая, изо всех сил старалась заставить сестру промолчать. — Ты видела его всего-то раза два у моего дяди, это не значит, что ты теперь знаешь его хорошо.

Элинор наблюдала за ними с удивлением и вниманием. А что это за дядя и где он живет? Как они познакомились? Она очень хотела бы получить ответы на эти вопросы и продолжить тему, хотя не могла спрашивать сама. Но ничего более интересного не было сказано, и первый раз в жизни она пожалела, что миссис Дженнингс не проявила своей любознательности, а ограничилась парой фраз. Манера, с которой мисс Стил говорила об Эдварде, разбудила в ней такое любопытство, которое едва не свело ее с ума. Но страстное желание узнать как можно больше или хотя бы что-нибудь о его жизни, не оправдалась, так как ни мисс Стил, ни сэр Джон больше не касались этой темы.

Глава 12

Марианна, которая терпеть не могла черствости, пошлости и глупости и не признавала никаких принципов, кроме собственных, сразу после знакомства с сестрицами Стилс погрузилась в тоску. Как только они пытались поближе сойтись с ней, она обдавала их таким леденящим холодом, что сестры вскоре совсем оставили ее в покое и полностью сосредоточили своё внимание на Элинор. Дружбы в первую очередь с ней искала Люси, которая не упускала ни одной возможности вмешаться в разговор и вызвать Элинор на откровенность.

Люси от природы была умна. Ее замечания часто были точны и удачны. Поэтому Элинор считала ее неплохой собеседницей на полчаса. Но, увы, задатки ума не были отшлифованы образованием. Она была невежественна и безграмотна, а ограниченность мышления и недостаток информации о самых общих вещах нельзя было скрыть, не смотря на постоянную попытку мисс Стил представить себя в выгодном свете. Элинор видела ничтожность ее возможностей

при достаточно больших претензиях и также отметила, без всякого предвзятого мнения по отношению к себе, что ее собственные качества: прилежание, честность, прямота ума, усердие и ее комплименты не оценены в Бартон-Парке. И она всё больше тяготилась общением с Люси, которая зарекомендовала себя как двуличная особа, постоянно восторгавшаяся обитателями Бартон-парка, не знающая правил приличия и, о, ужас, беспечно перескакивавшая во время беседы с темы на тему…

— Могу ли я задать вам один неожиданный вопрос? — спросила Люси, когда они однажды вместе шли из Бартон-Парка в коттедж, — Скажите честно, вы уже лично были представлены матери вашей свояченицы, миссис Феррарс?

Элинор подумала, что этот вопрос, как раз, очень неожиданный, и она не скрывала своего удивления бестактностью Люси, когда честно ответила, что пока не имела такой чести.

— Естественно, — ответила Люси, — я сомневалась, что вы представлены друг другу, но подумала, может быть, вы встречались в Норланде? Тогда, может, вы расскажите мне то, что знаете о ней? Какая она?

— Нет, не просите, — сказала Элинор, отказы-

ваясь давать оценку матери Эдварда, к тому же, не совсем понимая цель таких расспросов, — Нет, я о ней ничего не знаю.

— Вас настораживает, что я с таким интересом расспрашиваю о ней? — спросила Люси. — Но, поверьте, у меня есть на это причина, и я могу вам ее назвать, если вы пообещаете, что не рассердитесь на меня?

Элинор вежливо согласилась, и они еще некоторое время шли молча, пока Люси, снова не вернулась к этому вопросу с некоторым сомнением.

— Я не могу смириться с мыслью, что вы считаете меня неприлично любопытной. Но я думаю, что могу доверять вам. Более того, мне был бы важен ваш совет, как поступить в такой неудобной ситуации, в которой я оказалась. Но все же, наверное, нет никакой необходимости волновать вас. Мне очень жаль, что вы не знакомы с миссис Феррарс.

— Я тоже очень жалею, что нет, — ответила Элинор с большим удивлением, — и не могу помочь вам своим знакомством с ней. Но право, я никак не пойму, что у вас общего с этой семьей, и даже удивлена, почему вы так пристрастно расспрашиваете о ее характере.

— Да, должно быть. И я могу вам сказать, что я тоже не очень интересуюсь. Но, если бы я рассказала вам все, то вы бы тоже очень удивились. Миссис Феррарс действительно ничего не значит для меня сейчас, но такое время может настать. Как быстро оно наступит и когда мы, возможно, станем более близкими, зависит только от нее…

При этих словах она опустила глаза, только один раз бросив на Элинор быстрый взгляд, чтобы удостовериться в ошеломляющем эффекте своих слов.

— Боже мой! — воскликнула Элинор, — что вы такое имеете в виду? Вы что, знакомы с мистером Робертом Феррарсом? Как это возможно? — выпалила она, с ужасом представив, что скоро она будет иметь такую родственницу со стороны мужа.

— Нет, — возразила Люси, — не с мистером Робертом Феррарсом. Я никогда его не видела. Но, — пристально посмотрев на Элинор, — с его старшим братом.

Что почувствовала Элинор в этот момент? Удивление!!! Оно было настолько же больно, насколько неверие в притязание, его вызвавшее. Молча повернувшись к Люси и пытаясь понять причину или объект такого заявления, она взяла

себя в руки, чтобы не допустить истерики или обморока.

— Вы, можете быть, удивлены, — продолжала Люси, — уверена, что вы не имели ни малейшего понятия до сегодняшнего дня. Он никогда не обмолвился ни словечком об этом в вашей семье, потому что это большой секрет! Могу добавить, который также тщательно хранился и мной до этого часа. Никто из моих родственников тоже ничего не знает, кроме Анны. И я никогда не сказала бы вам об этом, если б не почувствовала себя втянутой и в ваши секреты. Я подумала, что мои вопросы о миссис Феррарс покажутся вам очень странными, что нужны объяснения. Не думаю, что мистер Феррарс был бы против. Я доверяю вам, как самой себе, потому что знаю, как высоко он ценит вашу семью и рассматривает вас и ваших сестер, как настоящих своих родных.

Она замолчала.

Элинор некоторое время не могла произнести ни слова. Ее потрясение от того, что она услышала, было слишком велико, чтобы найти слова. Но затянувшаяся пауза становилась неприличной, и она заговорила, с осторожностью и мягкостью, присущими заботливой слушательнице:

— Могу ли я спросить вас, как давно вы помолв-

лены? — спросила Элинор.

— Мы помолвлены уже четыре года, — ответила Люси.

— Четыре года?!

— Да.

Элинор почувствовала, как земля ускользает у нее из-под ног, она отказывалась верить тому, что только что услышала:

— Я даже не знала до сегодняшнего дня, что вы знакомы.

— Наше знакомство длится уже много лет, так как он был под присмотром моего дяди.

— Вашего дяди?

— Да, мистера Пратта. Разве он никогда не упоминал имени мистера Пратта?

— Ах, да. Я кажется, припоминаю, — ответила Элинор, едва контролируя себя.

— Он был четыре года с моим дядей, который живет в Лонгстепле, около Плимута. Там мы познакомились. Моя сестра и я часто останавливались у дяди. Там же наша помолвка и состоялась. Почти год после этого он вел себя как школьник, но всегда был при нас. Я была очень против… этого. Вы должны меня понять — без знакомства и знания его матери. Но я была так молода и слишком его любила, чтобы быть такой

же рассудительной, какой я стала сейчас. Хотя вы не знаете Эдварда так, как я, но могли часто его видеть и прекрасно понимаете, что он способен по-настоящему увлечь женщину.

— Конечно, — ответила Элинор, не совсем понимая, что она имела в виду. Но тут же пояснила свои слова, стараясь не задеть честь и любовь Эдварда и ее компаньонки:

— Помолвлена с мистером Эдвардом Феррарсом! Этого не может быть. Я, действительно, не могу в это поверить. Простите, но здесь точно произошла какая-то ошибка. Видимо, речь идет о разных людях!

— Увы, речь идет об одном и том же человеке, — воскликнула Люси, улыбаясь. — Мистер Эдвард Феррарс — старший сын мистера Феррарса с Парк-Стрит, брат вышей свояченицы миссис Дэшвуд. Вот тот человек, которого я имею в виду. И вы должны допустить, что я не ошибаюсь в имени и личности человека, от которого зависит все мое счастье!

— Все это очень странно, — растеряно произнесла Элинор, стараясь совладать со своим срывающимся голосом, — но я никогда даже не слышала, чтобы он хотя бы назвал ваше имя!

— Нет, зная нашу ситуацию, это вполне есте-

ственно. Мы дали друг другу слово хранить нашу тайну до конца. Поэтому вы ничего не знали ни обо мне, ни о моей семье, поэтому-то и не было никакой возможности услышать мое имя. Да к тому же, он всегда опасался способности его сестер до всего допытываться, поэтому и хранил молчание.

Она замолчала. Последний огонек сомнений Элинор потух, но ее самообладание не исчезло вместе с ними.

— Четыре года вы были помолвлены? — переспросила она мягким голосом.

— Да, небесам только известно, как долго нам еще ждать! Бедный Эдвард! Это разбивает его сердце! — вздохнула Люси и, достав маленькую миниатюру с его портретом из кармана, она добавила. — А теперь, чтобы устранить последние сомнения, посмотрите на это лицо. Узнаете? Оно, конечно, не отражает силы его характера, но все равно, вы не сможете его спутать ни с кем! Я ношу его уже три года.

Она протянула и положила на руку Элинор медальон. Та взглянула на портрет, и все ее последние надежды на ошибку, ее искреннее желание быть введенной в заблуждение и все другие надежды, которые только могли прийти

ей в голову, рухнули разом, когда она увидела лицо Эдварда. Возвратив медальон почти машинально, она кивком подтвердила сходство.

— У меня никогда не было возможности, — сказал Люси, — подарить ему свой портрет в ответ, который я так бы хотела, что он имел и всегда носил с собой. Но я обязательно сделаю это при первой же возможности!

— Да, это необходимо, — ответила Элинор спокойно. Затем они снова умолкли. Через несколько шагов Люси заговорила первой:

— Я уверена, — сказала она, — что вы обязательно сохраните в секрете наш разговор! Потому что вы конечно знаете, как важно для нас, чтоб это не дошло до его матери, так как она никогда не разрешит это. Я могу сказать, что у меня тогда вообще не будет будущего! Я только могу себе представить, насколько она действительно своенравная женщина!

— Честно говоря, я не искала вашего расположения, — сказала Элинор, — Но вы ничего другого мне не оставили, кроме справедливости, предположив, что это также важно и для меня. Ваш секрет останется между нами. И простите меня, если я была удивлена сначала. Вы можете быть уверены, что ваша откровенность со мной

будет только во благо для него!

Когда она это сказала, то внимательно посмотрела на Люси, надеясь, что часть ее признаний была надуманна и это будет сразу заметно по глазам, но Люси не лгала:

— Я боялась, — продолжала она, — что вы не поймете меня правильно, ведь я рассказала вам слишком деликатные вещи. Мы не были лично знакомы долго, но я знала о вас и вашей семье. Как только я увидела вас, то поняла, что это как старое знакомство. Этому я стала вас расспрашивать о матери Эдварда, для меня это очень важно. Я так несчастна, что не могу ни у кого узнать о ней. Мне может помочь только Анна, она одна знает о помолвке, но осуждает меня. Я постоянно боюсь, что она меня выдаст! Она не умеет держать свой язык за зубами, как вы успели заметить. Сегодня я испытала такой ужас, когда сэр Джон назвал имя Эдварда. Вы и представить себе не можете, как все это пронеслось у меня в голове! Я только удивляюсь, как я смогла вынести такие мучения ради Эдварда все эти четыре года! Все идет так трудно — мы можем видеться только раза два в году! И я почти уверена, что мое сердце действительно разбито!

Люси тяжело вздохнула, достала свой платок и

приложила его к глазам, но Элинор не очень-то ей посочувствовала.

— Иногда я думаю, — продолжала Люси, вытирая слезы, — что, может, было бы лучше для нас двоих разорвать эту помолвку? — Сказав это, она проницательно поглядела на Элинор и продолжала. — Но, с другой стороны, у меня нет решимости на это. Я не могу его сделать несчастным, так как знаю, что он этого не переживет! И со мной произойдет тоже самое — так много мы значим друг для друга! Может, я не достойна такого чувства? Что бы вы посоветовали мне в таком положении, мисс Дэшвуд? Что бы вы сделали сами?

— Извините меня, — сказала Элинор. — но, я не могу дать вам совет в такой ситуации. Вы должны сами принять решение.

— Если честно, — ответила Люси, — то его мать временами начинает ставить ему условия, но бедный Эдвард не обращает на них внимание. Вы что, нашли его подавленным, когда он был у вас в Бартоне? Он был так расстроен, когда оставил нас в Лонгстепле и уехал к вам, что мы боялись, вы сочтете его больным.

— Он что же, приехал от вашего дяди, прямо к нам? В Бартон-коттедж?

— Да. Он провел две недели с нами. А вы дума-

ли, что он приехал прямо из Лондона?

— Нет, — сказала Элинор, раздумывая над новыми откровениями Люси, — Он рассказывал нам, что провел две недели с друзьями около Плимута. Она, правда, вспомнила, как удивилась тогда тому, что он никогда раньше не упоминал о каких-либо друзьях или их именах.

— Он был подавленным и в ужасном настроении? — спросила Люси.

— Да, пожалуй, но когда он только приехал.

— Я умоляла его сдерживать свой страх перед тем, что вы смогли заподозрить причину всего этого. Но это только придало ему меланхолии. И он не смог находиться без нас не более двух недель! Как он меня встретил, бедный юноша! Я боюсь, что он опять в таком же состоянии, когда написал мне. Я получила от него письмо, как раз, когда уезжала из Экзетера. И она достала письмо из кармана.

— Вы знаете его руку, надеюсь, очень хорошо. Очаровательный почерк, но оно не написано, как обычно. Он старался, я могу сказать, наполнить этот листок чувствами ко мне, как только возможно.

Элинор узнала его почерк и больше уже не сомневалась. Картину, которая приоткрылась пе-

ред ней, она поняла сразу. И это не был «сюрприз» со стороны Эдварда, их отношения были прочными и давними. Она не могла более сдерживаться и видела, как от слез расплывается всё вокруг и медленно тонет в пучине ее счастье.

— Переписка, — сказала Люси, убирая письмо в карман, — это единственное, что только мы нас связывает. У меня еще есть его портрет, но у бедного Эдварда такого нет. Если бы он его имел, ему было б легче! Я дала ему свой локон, и он носит его в кольце. Но Эдвард сказал, что это не то же самое, что портрет! Возможно, вы заметили у него на пальце кольцо?

— Да, я видела, — сказала Элинор, безразличным голосом, в котором угадывалось отсутствие всего того, что наполняло ее раньше. Она была раздавлена, шокирована и смущена. К счастью для нее, они уже подошли к коттеджу, и разговор сам по себе прервался. После небольшого визита, мисс Стилс вернулась в Бартон-Парк, а Элинор осталась одна раздумывать над всем этим.

Последние сомнения Элинор рассеялись — Эдвард, действительно, был помолвлен с другой. Если сначала она утешала себя тем, что мисс Люси выдает желаемое за действительное, то вскоре поняла — ошибки быть не могло! Они без

сомнения могли познакомиться в доме мистера Пратта и то, что Эдвард сначала заехал в Плимут к Люси, а не к ним в Бартон, говорило о многом. Теперь ей стала ясна причина его меланхолии, неудовлетворенности собой и непонятное поведение по отношению к ней самой. Но до глубины души ее поразило даже не это, а осведомленность мисс Стилс о самых сокровенных подробностях жизни их семьи в Норланде, и неопровержимые вещественные доказательства его тайной любви — портрет, письмо и кольцо! Все это полностью исключало ошибку и подводило черту под ее неоконченным романом. Увы, теперь уже ничего нельзя было вернуть назад, и предательство Эдварда было непростительным. Разочарование и негодование захлестнули Элинор, и она мучила себя всё новыми и новыми вопросами, которые раньше ей даже не могли прийти на ум. Неужели Эдвард умышленно ее обманывал? Может быть, он замышлял что-то такое, чего она пока не знает? А может, его помолвка с Люси действительно состоялась по большой любви? Нет, если это действительно так, то она отказывалась в это верить! Это невозможно! Она не могла ошибиться, Эдвард, на самом деле, любил только ее одну! Нет! Ее не мог он так жестоко обмануть! Да еще

на глазах у стольких свидетелей. Ее мать, сестры, Фанни — все в Норфолке видели искренность его отношений к ней… Нет, это не ее иллюзии! Он, действительно, любил ее, и был в высшей степени виноват перед ней, когда появился в Норланде и когда почувствовал, что она к нему неравнодушна! И только за это его невозможно простить! Но, если он так ранил ее, как же он тогда ранил себя?! Если ее участь достойна жалости, то его — безнадежна! Элинор в какой-то момент даже пожалела Эдварда, но эта была минутная слабость с ее стороны. Он наказал себя сам и сам лишил себя будущего. Она, возможно, со временем и перемениться, но он! Что принесет ему брак с Люси? Может ли он действительно быть счастлив с Люси Стилс? Сможет ли он, такой деликатный и образованный, жить с безграмотной, неискренней и эгоистичной женщиной?!

В девятнадцать лет любовь слепа. И вполне естественно, что ослепленный первой любовью видит только достоинства своей избранницы. Но четыре года спустя, целых четыре года, заставляют взглянуть на предмет своей любви другими глазами. Боже мой, недостатки Люси настолько очевидны, что их просто невозможно не заметить! А если учесть, что все эти годы Эд-

вард периодически проводил время рядом с ней в обществе ей же подобных, то ее милая простота в общении, которая могла привлечь его в начале их отношений, спустя четыре года неизбежно превратилась бы в невыносимую глупость.

Эдвард и сам, как сейчас казалось Элинор, был недалек. Он видит главную проблему в своей матери и боится вызвать ее гнев. Но опасаться стоит не матери, а будущей жены. Главные трудности начнутся после свадьбы, когда он почувствует, что собственные страсти обрекли его жить намного ниже своих и, возможно, ниже ее возможностей! Эти трудности, конечно, вряд ли приведут их брак к разрыву, принимая во внимание мягкий характер Люси, но их обоих ждет такая невыносимая тоска, по сравнению с которой материнский гнев покажется ничтожным.

И чем яснее Элинор представляла себе будущее Эдварда, тем беспощаднее на ее глазах наворачивались слезы. Нет, она плакала не о себе, она все больше и больше жалела его, своего единственного и такого беспомощного. Он мог позаботиться не только о себе, но и защитить ее от этого унижения. Но он не сделал ровным счетом ничего. Элинор оставалось только одно — скрыть правду от своих сестер и матери. И всего через два ча-

са после получения ошеломляющего известия она, как ни в чем не бывало, сидела с ними за обеденным столом, и никому даже в голову не пришло, как горько скорбит она о потерянном любимом. В то время как Марианна, страдала напоказ. Услышав топот коней и грохот проезжающего экипажа, она тут же бросалась к окну, чтобы первой встретить дорого Уиллингби, и через минуту со скорбным лицом возвращалась на место. Элинор скрывала свои переживания не только для того, чтобы защитить себя, нет, она думала в первую очередь о матери и Марианне, для которых это известие могло стать еще одним страшным ударом. Она боялась стать в глазах семьи такой же брошенной, как Марианна, и не хотела выслушивать поток обвинений в адрес Эдварда, которые неизбежно прозвучат и еще больше усугубят ее душевное смятение.

Элинор знала, что их советы ей не помогут, а сочувствие лишь подточит ее самообладание. Ей легче было переживать своё горе в одиночестве, а собственный здравый смысл служил такой хорошей поддержкой, что мисс Дэшвуд выглядела настолько бодрой и веселой, насколько это было возможно в ее состоянии.

Как только ее сердечная рана после разговора с

Люси немного затянулась, Элинор начала искать новой встречи с соперницей. Ей хотелось узнать всё об их помолвке, попытаться понять, есть ли хоть капля любви в их взаимоотношениях и самое главное, Элинор намеревалась продемонстрировать Люси, что не претендует на ее жениха, поскольку испытывает к нему исключительно дружеские чувства, чтобы у нее не осталось никаких сомнений на этот счет. Но всё же Люси рано или поздно начнет ревновать его к ней, а он… Нет, не Люси, а именно он с дружеской теплотой отзовется об Элинор, как об очень надежном человеке, хотя и мало знакомом. И даже шутки Сэра Джона над ним станут лишним подтверждением их дружбы.

Но какая же причина, могла заставить Люси рассказать ей обо всем и таким образом убедить Элинор не встречаться с Эдвардом? Было совсем не трудно понять, что вести себя так, как она ведет, советовали ей Честь и Достоинство. Поэтому Элионор решила быть выше своей любви, хотя не сомневалась, что Эдвард любит именно ее и доказать той же Люси, что ее сердце свободно. Но пока новой такой возможности не представилось. Люси в последние дни не стремилась тесно общаться с сестрами Дэшвуд, да и погода не

располагала к пешим прогулкам. Хотя они почти каждый вечер и встречались или в Бартон-Парке, или в коттедже, радостно приветствуя друг друга, но им не удавалось поговорить наедине. Разговорчики тет-а-тет не приветствовались ни сэром Джоном, ни Леди Миддлтон, поскольку они собирали гостей, чтобы доставить удовольствие, прежде всего, себе, а не самим гостям. Поэтому шумная компания в Бартон-Парке дружно ела, пила, смеялась и играла в карты, но только не расползалась по углам для задушевных бесед.

Элинор уже дважды встречала Люси в Бартон-парке, но ей так и не удалось пообщаться с ней наедине. Но как-то утром сэр Джон заглянул в летний домик и слезно просил девиц Дэшвуд пообедать сегодня с леди Миддлтон, так как он вынужден уехать в клуб в Экзетер, а она остается совсем одна, не считая, матери и двух мисс Стилс. Элинор, которая почувствовала, что сегодня она, наконец, сможет обо всем расспросить Люси за столом, была готова отправиться в гости сразу. Любопытную Маргарет миссис Дэшвуд как раз оставила дома, а Марианну, наоборот, долго уговаривала поехать, чтобы развеять сердечную тоску.

Когда две молодые леди вошли в гостиную,

неразговорчивая леди Миддлтон, которая, как выяснилось, не выносит одиночества, была им очень рада, что несколько удивило сестер. А дальше, всё пошло так, как они предполагали. Ничего более унылого и неинтересного быть не могло, кроме обычных обсуждений в гостиной или в столовой. Но появление детей, которые сразу же стали центром внимания и приковали к себе восхищенные взгляды, как минимум четырех из пяти присутствующих леди. А когда в комнату внесли карточный стол, Элинор подумала, что сегодня поговорить уже получится. Обе девушки поднялись со стульев, чтобы подготовить место для игры.

— Я так рада, — сказала Леди Миддлтон, — что сегодня вы уже не успеете сплести обещанную корзиночку для Анны-Марии. Вам надо отдохнуть. Ведь работа при свечах портит зрение, а завтра мы что-нибудь придумаем вместе, чтобы утешить малышку. Я думаю, она не сильно расстроится.

Этого намека было достаточно, чтобы Люси немедленно взялась за работу:

— Сударыня, вы ошибаетесь, я только и жду вашего разрешения, чтобы поскорее взяться за работу. Что вы, как я могу огорчить этого ма-

ленького ангелочка! Но если посчитаете, что за карточным столом без меня сегодня вечером не обойтись, то я без сомнения останусь в гостиной и закончу плетение завтра утром.

— Замечательно! Только берегите свои глаза! Может позвонить, чтоб принесли еще несколько рабочих свечей? Моя маленькая девочка! Как я не хочу, чтоб она была разочарована, если корзинка не будет закончена до завтра!

Люси мгновенно придвинула свой рабочий столик поближе и занялась корзиночкой. Хотя вышивка и плетение, похоже, ее в этот вечер мало интересовали, мисс Стилс показывала всем, что мастерить подарок для маленькой избалованной девочки — ее единственное истинное желание.

Леди Миддлтон предложила сыграть в казино всем остальным. Никто не возразил, кроме Марианны, которая со свойственной ей вежливостью воскликнула:

— Ваша милость, простите великодушно, но я, как вы знаете, не играю в карты. Лучше я что-нибудь сыграю на фортепиано. Я не прикасалась к нему с того момента, как его настроили. — И не дожидаясь ответа хозяйки дома, Марианна встала и направилась к инструменту.

Леди Миддлтон мысленно возблагодарила

небеса за то, что она сама ни разу в жизни никому так грубо не отвечала…

— Марианна не может устоять перед инструментом, если он настроен, вы знаете мадам, — сказала Элинор, стараясь сгладить ситуацию, — так как это лучший инструмент, который я когда-либо слышала! И я, к сожалению, тоже не очень хорошо играю в карты.

Оставшиеся пять дам сдали карты.

— Позвольте мне, — продолжала Элинор, — не мешать вам, я лучше помогу чем-то мисс Стил: сверну полоски бумаги или еще какие-то необходимые детали для корзинки. Я думаю, Люси надо помочь, чтобы закончить сегодня вечером работу.

— Конечно-конечно! Я была бы очень вам признательна за такую помощь, — воскликнула Люси, — так как там еще много работы, и мне бы не хотелось разочаровать бедную Анну-Марию!

— О да! Это было бы ужасно, — сказала Леди Миддлтон, повернувшись к Элинор, — но если вы так увлечены работой, то все же не будете ли вы так любезны, выйти из игры, пока не началась другая партия, или вы не воспользуетесь вашим шансом сейчас?

Элинор предпочла с радостью первый вариант,

и сделала приятное Леди Миддлтон. Люси пододвинула ей стул, и две желающие поговорить друг с другом молодые женщины, наконец, нашли идеальное место. Инструмент, за которым сидела Марианна заглушал их голоса, и Люси была рада поговорить с Элинор так, чтоб никто за карточным столом или кто-либо другой поблизости не мог услышать их беседу.

Глава 13

Голосом, полным теплоты и внимания, Элинор обратилась к Люси.

— Я покорена вашей откровенностью и прошу простить меня за настойчивость, но я бы хотела еще раз вернуться к нашему прошлому разговору. И я думаю, что не стоит мне извиняться за то, что начала этот разговор сама.

— Спасибо вам, — сказала Люси, тихонько всхлипывая, что сломали лед. Вы просто сняли камень с моего сердца, так как я боялась, что обидела вас своей откровенностью в понедельник.

— Обидеть меня! Как вы такое могли подумать? Верьте мне, — сказала Элинор очень искренне, — Ваше предположение как никогда далеко от истины. Вы не доверяете мне?

— Да, немного, — ответила Люси, многозначительно подняв на Элинор свои маленькие юркие глазки, — потому что в прошлый раз мне почудилась какая-то холодность и неприязнь в вашем отношении ко мне. Я чувствовала, что вы сердитесь на меня, и корила себя за то, что позволила себе такую вольность и потревожила

вас своими проблемами. Но я очень рада обнаружить, что это были только мои собственные заблуждения, и что вы в действительности не обвиняете меня. Если б вы только знали, с каким облегчением вздохнула после нашего разговора и ваших дружеских слов. Ваша доброта да поможет вам в жизни, я надеюсь!

— Разумеется, что когда поговоришь по душам, сразу становится легче. Вы никогда не пожалеете, что рассказали мне обо всем, можете быть уверены. Вы, действительно, оказались в непростой ситуации, и вашу любовь ждут серьезные испытания. Прежде всего, вам необходимо добиться благословения на брак от вашей будущей свекрови — миссис Феррарс, которая имеет огромное влияние на сына.

— Да, у него своих только две тысячи фунтов! И было бы безумием жениться при таких доходах. Что же касается меня, то я готова отвергнуть любое другое предложение руки и сердца даже от более состоятельного жениха. Я привыкла жить экономно и могла бы стойко преодолевать бедность ради него. Но я очень люблю Эдварда и не могу лишить его средств к существованию, которые обязательно даст ему мать, если одобрит выбор невесты. Наверное, ему придется ждать

много лет. Любого другого человека в мире — эта проволочка заставила бы поволноваться, но только не Эдварда, он так верен и ничто не разлучит нас!

— Такое признание дорогого стоит! И Эдвард без сомнения уважает вас. Но что если его пылкая страсть за четыре года переросла в другое чувство? Тогда ваше положение будет действительно плачевным.

Люси подняла на нее глаза, но Элинор уже была готова к любой реакции, которую могли вызвать ее тщательно продуманные слова.

— Любовь Эдварда ко мне, — сказала Люси, — подверглась серьезным испытаниям во время нашей долгой, мучительно долгой разлуки, которая длилась четыре года и она выдержала его так достойно, что теперь я уже не сомневаюсь в наших взаимных чувствах. Эдвард не дал мне ни одного повода усомниться в нем и уже тем более ревновать.

Элинор, слушая Люси, не знала, то ли посочувствовать ей, то ли улыбнуться. А Люси продолжала:

— На самом деле, я довольно ревнива, и прекрасно понимаю, что во многом уступаю Эдварду. Он так умен и чаще меня выходит в свет, к тому

же, наши постоянные расставания сделали меня такой чуткой и даже подозрительной, поэтому я сразу догадалась бы, если он хотя бы на миг даже подумал о другой. Эдвард не умеет лгать, и я сразу бы заметила по его поведению, что с ним что-то не так. Например, если бы им овладело какое-то уныние или он говорил бы о какой-то леди чаще, чем о других или же вдруг выглядел несчастным в нашем милом Лонгстейпле… Я вовсе не хочу хвалиться своей проницательностью, но уж в этом деле я бы точно не ошиблась.

«Что ж, — подумала Элинор, — все это очень мило, но, кажется, сюрприз Эдвард преподнес не только мне». — А вслух спросила:

— И что же вы теперь собираетесь делать? Вы же не будете ждать, когда умрет миссис Феррарс? Как это ужасно желать смерти свекрови ради любви. А сам Эдвард собирается покориться судьбе? И многие годы провести в ожидании, обрекая свою возлюбленную на одиночество? Не проще ли ему рискнуть и всё рассказать матери?

— Никто не знает, сколько нам еще томиться в ожидании. Миссис Феррарс крепкого характера женщина, очень гордая и при первой же вспышке гнева может все отдать Роберту! Поэтому я решила не торопить события, чтобы не навредить еще

больше Эдварду.

— И себе тоже, или в порыве жертвенности вы уже совсем не считаетесь со своими интересами?

Люси молча и недовольно взглянула на свою собеседницу, но Элинор не смутилась и продолжала:

— А вы уже знакомы с мистером Робертом Феррарсом? — спросила она.

— Не совсем, точнее, я его никогда не видела. Но думаю, что он полная противоположность своему брату — глупый и очень самодовольный человек.

— Очень самодовольный!! — повторила вторая мисс Стил, чей голос неожиданно четко зазвучал в комнате во время небольшой паузы, когда Марианна перелистывала ноты. — О! В этом тихом уголке, кажется, говорят о кавалерах, я уверена!

— Нет, сестра, — воскликнула Люси, — Что ты! Разве можно кавалеров назвать самодовольными?

— О, ухажер мисс Дэшвуд — точно не такой! — сказала миссис Дженнингс, от души смеясь, — Он очень современный и самого приличного поведения молодой человек, которого я когда-либо видела. Что же касается Люси, то она такое

маленькое лукавое создание, что никогда не отгадаешь, кто ей нравится.

— О! — воскликнула младшая мисс Стилс, окинув всех присутствующих многозначительным взглядом. — Я могу тоже сказать, что избранник Люси тоже очень модный и хорошо воспитанный человек, точно такой же, как и у мисс Элинор Дэшвуд.

Элинор побледнела, а Люси замолчала и очень сердито взглянула на сестру. В гостиной воцарилась тишина. Люси первой прервала эту неловкую ситуацию, негромко попросив Марианну легким движением рук по клавишам снова задернуть музыкальную ширму. А затем в полголоса сказала Элинор:

— Хотите, я расскажу вам об одной идее, которая недавно посетила меня? Я хочу ускорить нашу свадьбу и более того, в этой авантюре есть место и для вас, так как вы теперь тоже часть нашего заговора. Вы ведь, наверняка, знаете, что Эдвард подумывает о церковном сане? Так вот, надо, чтобы он принял сан и как можно быстрее! В этом и состоит наш заговор. Это и в ваших интересах тоже, ведь вы желаете другу только добра. Я хочу, чтобы вы попросили вашего брата подыскать для него место в Норланде, который

нам идеально бы подошел. Этого было бы достаточно для нас, чтоб пожениться и жить, надеясь на лучшие времена и удачу!

— Я всегда буду рада помочь вам и мистеру Феррарсу, но не кажется ли вам, что в этом деле можно обойтись и без меня? Мистер Феррарс — брат миссис Дэшвуд и этого вполне достаточно, чтобы получить приход в Норланде.

— Но миссис Дэшвуд, скорее всего, будет против, чтобы он стал священником.

— Тогда, тем более, не думаю, что я смогу помочь в этом деле.

Они опять помолчали немного. Наконец, Люси произнесла с глубоким вздохом:

— Тогда я думаю, что остался один единственный способ покончить со всем этим — надо расторгнуть нашу помолвку. Похоже, что мы не можем преодолеть те препятствия, которые встали с обеих сторон. И со временем они будут делать нас все несчастнее и несчастнее… Должны же мы быть, хоть чуточку счастливее в конце концов! Вы не дадите мне никакого совета, мисс Дэшвуд?

— Нет, — ответила Элинор, с нервной улыбкой, едва сдерживая свое волнение. — В этом деле я вам не советчик. Тем более, вы сами для себя уже

всё решили, и чтобы я вас не посоветовала, вы всё равно поступите так, как считаете нужным.

— Право же, вы ошибаетесь, — возразила Люси с показной серьезностью. — Я не знаю никого, чье мнение я ценила б так же, как ваше! Я действительно верю тому, что вы мне скажите и готова немедленно последовать вашему совету. И если вы только скажите: «Я советую вам разорвать вашу помолвку с Эдвардом Феррарсом и стать счастливой», то я немедленно это сделаю.

Элинор почувствовала, что еще немного и ее бросит в жар от этой фальши со стороны будущей жены Эдварда и твердо произнесла:

— Благодарю за комплимент, после которого мне страшно высказывать своё мнение, даже если оно у меня и есть… Разве можно целиком и полностью полагаться на мнение небезразличного человека и вверять ему судьбу двух любящих сердец?

— Как раз потому, что вы лицо *заинтересованное*, — раздраженно сказала Люси, сделав ударение на последнем слове, — поэтому-то ваша оценка ситуации и была бы так важна для меня. Если бы вы были равнодушным и независимым арбитром, то я бы не спрашивала у вас совета.

Элинор сначала решила промолчать, так как

разговор пошел на повышенных тонах, но Люси снова первой прервала наступившую паузу.

— Поедете ли вы в Лондон этой зимой, мисс Дэшвуд? — спросила она с усмешкой.

— Конечно, нет.

— Мне так жаль, — заметила Люси, и ее глаза радостно заблестели, — А я надеялась, что мы встретимся в Лондоне. Но может быть, ваш брат и невестка всё-таки пригласят вас погостить к себе в столицу?

— Вряд ли я приму это приглашение, если оно будет.

— Как жаль, как жаль! А мы с Анной собираемся в конце января навестить в Лондоне своих родственников, которые уже несколько лет зовут нас в гости. Но, если честно, я поеду только ради того, чтобы увидеть Эдварда. Он будет там в феврале… А что еще мне делать в этом Лондоне? Чего я там не видела.

В это время дамы за карточным столом завершили первый робер и пригласили Элинор присоединиться к ним, она охотно согласилась, так как с Люси говорить ей было уже не о чем.

Неторопливая игра в винт позволила Элинор обдумать весь этот разговор, который навел ее на грустные мысли. Увы, Эдвард совершенно не

любит ту, которую готов назвать своей женой, и, более того, он никогда не будет счастлив в браке с ней. Судя по всему, этой затянувшейся помолвкой Люси, как капканом, поймала и много лет удерживала Эдварда. Теперь ей стало совершенно ясно, для кого из этих двоих помолвка так много значила.

Больше к этой теме они не возвращались, лишь однажды, улучив момент, Люси шепотом рассказала, что получила новое письмо от жениха, на что Элинор отреагировала весьма спокойно, и этим в очередной раз обезопасила себя от ревнивых подозрений подруги-соперницы.

Сестры Стилс задержались в Бартон-парке намного дольше, чем предполагали, когда получили приглашение. Они настолько пришлись ко двору, что Миддлтоны без них уже не могли обойтись. Сэр Джон и слышать не хотел об их отъезде, и вопреки слезным письмам из Экзетера, где уже давно заждались сестер, в конце каждой недели уговаривал их задержаться еще. Так прошло два месяца до самого Рождества.

Хотя миссис Дженнингс подолгу гостила у своих дочерей и приятельниц, это вовсе не означало, что у нее не было своего дома. После кончины супруга, который когда-то блестяще торговал не

в самой блестящей части Лондона, ей остался особняк на одной из улочек, примыкающих к Портман-Сквер. И как только наступал январь, пожилая леди непременно устремлялась туда, чтобы скоротать тихие зимние вечера в хорошей компании. В один прекрасный день она решила сделать свою поездку еще ярче и неожиданно для всех пригласила с собой в Лондон двух старших дочерей миссис Дэшвуд. Элинор тут же наотрез отказалась за двоих, в полной уверенности, что сестра поддержит ее, совершенно не замечая, как вспыхнуло и побледнело лицо Марианны и радостно заблестели ее карие глаза. Миссис Дженнингс заметила это волнение, но невозмутимо выслушала доводы Элинор, которая уверяла, что они с сестрой не могут оставить свою мать одну в такое время года, и тут же снова повторила приглашение.

— Господи! Я думаю, что ваша мать вполне обойдется и без вас двоих, поэтому прошу вас составить мне компанию, так как вы обе мне очень симпатичны. Только не надо говорить, что вы доставите мне неудобства, будете меня стеснять и тому подобное! Единственное, что мне придется сделать, так заранее послать Бетси с почтовой каретой, но я уж могу себе это позволить. А мы

втроем поедем в моем экипаже. А когда приедем в Лондон, и вы вдруг не захотите идти куда-то вместе со мной, то можете пойти с одной из моих дочерей. Я думаю, что ваша мать не будет против этого, так как все знают, как достойно я воспитала и удачно выдала замуж своих девочек. Может быть, я и вас кое-чему научу. А уж если одна из вас выйдет замуж еще до окончания нашей поездки, то это не моя вина. Со своей стороны обещаю, что за каждую из вас при случае обязательно замолвлю словечко.

— Мне кажется, что мисс Марианна не против прокатиться с вами, — сказал Сэр Джон, — а вот ее старшая сестра почему-то сопротивляется. Очень жаль, что из-за нее будет страдать и младшая сестра. В таком случае, я могу предложить вам двоим просто уехать в Лондон, не сказав Элинор ни слова.

— Ну, уж нет, — возмутилась миссис Дженнингс, — Я считала бы себя настоящим чудовищем, если бы тайно увезла только одну из сестер. Я думаю, лучше поехать со мной обеим. Если они устанут от моих шуточек, то смогут болтать между собой, и даже посмеиваться надо мной за моей спиной. Итак? Господи! Ну, неужели вы можете оставить меня одну в Лондоне, в тоске

и печали? Меня? Я всегда и везде возила с собой Шарлотту, до прошлой весны, когда она вышла замуж. Соглашайтесь мисс Марианна, и давайте ударим по рукам в знак заключения сделки, а мисс Элинор постепенно изменит свое мнение, обязательно.

— Я так благодарна вам, сударыня, — воскликнула Марианна. — Ваше искреннее приглашение вселяет в меня уверенность в моем будущем. Это такая радость, такая радость, которую я никогда еще не испытывала! Но моя мама, моя дорогая, добрая мама… Я не могу оставить ее одну. Нет, ничто не заставит меня бросить ее! Нет, я не могу. Не могу…

— Но ведь миссис Дэшвуд всегда может поехать с нами, — предложила миссис Дженнингс.

Элинор только теперь поняла свою сестру, которая была безразлична ко всему на свете и хотела только одного — увидеть мистера Уиллингби, за ним Марианна была готова отправиться хоть в Лондон, хоть на край того самого света. А поскольку спорить с миссис Дженнингс было бесполезно, то Элинор решила поставить в известность мать, хотя и не надеялась найти в ней союзницу, чтобы помешать встрече Марианны с Уиллингби. Конечно, их мать будет на стороне Марианны! Но

как объяснить им обеим, и прежде всего, сестре, которая с самого начала не признавал никаких предостережений, что в Лондоне придется быть осторожной вдвойне?

Марианна сразу поняла, что может смело рассчитывать на поддержку матери, оставалось только подготовить ее к этой мысли и найти еще одну очень вескую причину для поездки, которая убедила бы всех, в том числе и саму Элинор.

Миссис Дэшвуд была счастлива, получив такое обнадеживающее известие и даже слушать не хотела, чтобы дочери из-за нее отказались от такого заманчивого предложения.

— Я просто восхищена этой идеей! — воскликнула миссис Дэшвуд, — это как раз то, о чем я так давно мечтала! Мы с Маргарет тоже прекрасно проведем эти дни вдвоем, мы будем много читать и заниматься музыкой. А когда вы вернетесь, мы продемонстрируем вам наши успехи. Просто замечательно, что вы уезжаете! Я как раз кое-что переделаю в ваших спальнях, а то пока вы здесь приходится спорить то с одной, то с другой… Моя бы воля я бы каждую девицу отправляла в Лондон поучиться, свет посмотреть и себя показать в выгодном свете. Миссис Дженнингс я доверяю как самой себе, эта добрая женщина позаботится

о вас как мать. Кроме того, вы увидитесь там с братом. Когда я вспоминаю, что он мой пасынок, то готова простить любые недостатки ему и даже его жене, и я никогда не прощу себе, если родственные узы между вами совсем ослабнут.

— Но вместе с тем, — возразила Элинор, — кроме всех преимуществ, о которых мы только что услышали, у этой поездки есть один недостаток, но весьма существенный.

При этих словах Марианна почувствовала, что земля уходит из-под ног.

— И что же это такое? — спросила миссис Дэшвуд, — или моя дорогая рассудительная Элинор собирается снова предположить что-нибудь эдакое? Мне даже интересно, какой довод против последует на этот раз? Только давай не будем говорить о деньгах.

— Нет, деньги здесь не причем. Мне кажется, что миссис Дженнингс — не та женщина, с кем стоит молодым леди появляться в свете, и чьи рекомендации будут соответствовать истине.

— Разумеется, это так, — заметила ее мать, — но благодаря ей, вы сможете прибыть в Лондон и затем появляться на публике вместе с леди Миддлтон.

— Если Элинор так пугает общество миссис

Дженнингс, — усмехнулась Марианна, — это не означает, что я тоже должна отказаться от приглашения. Я не так скрупулезна, и не обращаю внимания на ее шутки.

Элинор не могла скрыть улыбку, вспомнив, как всезнающая миссис Дженнингс несколькими словами вогнала Марианну и Уиллингби в краску. И решила, что обязательно поедет с сестрой, чтобы не оставлять ее одну в компании пожилой леди в незнакомом доме. Кроме того, по словам Люси, Эдвард Феррарс не приедет в Лондон раньше февраля, а это значит, что они не встретятся там, если, конечно, ничего не случится.

— Я хочу, чтобы вы обе поехали вместе, — сказала миссис Дэшвуд, — и больше никаких но… Когда вы еще сможете посмотреть Лондон, да еще вдвоем? Я понимаю Элинор, которая разумно опасается встречи со своей свояченицей, но вдвоем вам будет проще общаться с Фани и их родней.

Элинор часто думала о том, как подготовить мать к возможному разрыву с Эдвардом. Она представила себе, каким будет шоком для миссис Дэшвуд, если вся правда выйдет наружу, и сейчас, решила, что время пришло:

— Мне очень нравится Эдвард Феррарс, и я всегда буду рада его видеть, но что касается его

родных, то мне абсолютно всё равно познакомлюсь я с ними в Лондоне или нет.

Миссис Дэшвуд улыбнулась, но ничего не ответила. Марианна удивленно подняла на сестру глаза, но так и не решилась съязвить что-то по этому поводу. Через минуту они обе позабыли об этом.

В итоге, предложение было принято. Миссис Дженнингс искренне обрадовалась и клятвенно пообещала не спускать глаз и сдувать каждую пылинку с девиц Дэшвуд, чем успокоила их мать и обнадежила сэра Джона, который не сомневался, что появление двух свеженьких девушек в Лондонском обществе произведет настоящий фурор. Обрадовалась даже леди Миддлтон, для которой чувство радости было пограничным состоянием. Что же касается двух мисс Стилс, особенно Люси, то они были так счастливы, получив это известие, как не были счастливы еще никогда в жизни.

Элинор смирилась со своей участью, и иногда ей казалось совершенно безразличным, поедет она в Лондон или нет, но увидев радость матери и сестры, которые светились от счастья, она невольно поддавалась их настроению.

Радость Марианны была безграничной, и она считала дни до отъезда. Только приближающая

разлука с матерью огорчала ее и, прощаясь, она не смогла сдержать слез. Элинор была единственной из трех, кто не считал, что предстоящее расставание чуть-чуть короче, чем вечность.

Они выехали в начале января, Миддлтоны последовали за ними через неделю, сестрички Стилс до последнего не покидали Бартон-Парк и уехали оттуда только вместе с хозяевами.

Глава 14

Едва оказавшись в одном экипаже, Элинор сразу почувствовала себя в гостях у миссис Дженнингс и в полной мере испытала на себе, что значит быть под материнской опекой общительной дамы преклонных годов. Насколько кратко было это знакомство, настолько же не совпадали их возраст и характеры! Еще несколько дней назад Элинор, как старшая сестра, изо всех сил сопротивлялась этой поездке. Но, несмотря на все «но» всё-таки оказалась в этой карете и теперь спешила в Лондон вместе с миссис Дженнингс и Марианной, полной волнительных предчувствий. Она не могла не заметить той искренней надежды, которая снова появилась в глазах сестры, и подумала, что ее собственные перспективы теперь блеклы и безнадежны; как бы она хотела сейчас оказаться на месте влюбленной Марианны, у которой еще не всё было потеряно. Она сгорала от нетерпения поскорее прибыть в Лондон и разыскать Уиллингби. Элинор тоже хотела еще раз взглянуть ему в глаза и, наконец, понять, что он за человек, пока Марианна снова не бро-

сится к нему в объятья. Возможно, Элинор была несправедлива по отношению к нему, и Уиллингби действительно оказался в безвыходной ситуации, тогда она отбросит всякое сожаление и не станет мешать сестре стать счастливой.

Они ехали уже третий день, и Марианна не переставала ее удивлять своим образцовым поведением. Всю дорогу она тихо сидела у окна и задумчиво молчала, за исключением тех моментов, когда с ее стороны открывался живописный вид, тогда она не могла сдержать эмоций и обращалась к сестре. Пока Марианна мечтала, Элинор пришлось оказывать знаки внимания миссис Дженнингс за двоих: говорить с ней, смеяться вместе с ней, и слушать ее рассказы, а та, в свою очередь, отвечала сестрам искренней заботой в дальней дороге. Единственное, с чем она не могла согласиться, чтобы сестры Дэшвуд сами выбирали себе еду в придорожных ресторанчиках: удивляясь, почему они предпочитают лосося треске и отварную дичь котлетам из телятины. Они прибыли в Лондон в три часа ночи на исходе третьего дня своего путешествия и были счастливы снова оказаться на свободе после утомительной дороги в экипаже и с радостью расположились у камина в гостиной.

Особняк миссис Дженнингс удивил их роскошью и хорошим вкусом. Уставших барышень тут же проводили в просторную комнату наверху. Раньше здесь жила Шарлота, и над камином до сих пор красовался пейзаж, вышитый цветным шелком ее рукой, чтобы у всех гостей не оставалось сомнений, что семь лет в Лондоне она провела не зря.

Обед обещали подать через два часа после их приезда, и пока было время, Элинор решила написать письмо домой и присела за бюро, которое стояло у окна. Марианна последовала примеру сестры и взяла перо.

— Я уже пишу в Девоншир, Марианна, — сказала Элинор, — Может быть, ты отложишь свое письмо на день или два?

— Я и не собираюсь писать нашей матери, — ответила Марианна так жестко, что Элинор не стала больше ее расспрашивать не о чем. Она решила, что сестра, видимо, пишет Уиллингби, и еще раз убедилась в справедливости утверждения: на случай надейся, а сам не плошай. У нее не осталось никаких сомнений, что между Марианной и Уиллингби всё-таки есть какая-то договоренность о встрече и это обрадовало ее. Она быстро дописала письмо домой и следом за ней закончила своё

письмо и Марианна, точнее, это была короткая записка, которую она торопливо завернула и скрепила печатью. Элинор успела разглядеть на конверте только заглавную букву «У», прочитать адрес она не смогла, так как Марианна быстро позвонила в колокольчик и вручила послание слуге, наказав, чтобы он заплатил за отправку два пенни. Теперь Элинор всё стало окончательно ясно. Отправив заветный конверт, Марианна порхала по комнате до самого ужина. А после отправилась снова к себе в художественную гостиную, постоянно прислушиваясь к каждому проезжавшему мимо экипажу.

Еще не успели подать чай после ужина, а Марианна уже пережила свое первое горькое разочарование в Лондоне. По счастливой случайности этого не заметила миссис Дженнингс, которая в этот момент поднялась в свою комнату разобрать дорожные сумки.

В гостиную принесли чай, когда за окном раздался шум подъехавшего экипажа, Марианна побледнела, резко поднялась и быстро направилась к двери. Элинор замерла, боясь вслух произнести имя долгожданного гостя раньше, чем он переступит порог гостиной. Ее сестра тем временем уже распахнула двери и сделала

несколько шагов в коридор, прислушиваясь к разговору в холле и не в силах сдерживать свои чувства воскликнула:

— Это он, Элинор, это Уиллингби! — Она едва устояла на ногах от переполнявших ее чувств, но в комнату вместо Уиллингби вошел… полковник Брэндон.

Марианна замолчала на полуслове и, стараясь скрыть подступившие слезы, быстро вышла из комнаты. Элинор оторопела. Ей было неловко за сестру, которая удостоила давнего знакомого лишь кивком и мимолетным взглядом в пол оборота. Изумленный полковник постарался сделать вид, что ничего не произошло.

— Вашей сестре нездоровится? — спросил он.

Элинор, покраснев, кивнула, сказав, что они устали в дороге, особенно Марианна, у которой разболелась голова, да и нервы пошаливают.

Он выслушал ее с пониманием, но ничего не ответил и, немного помолчав, заговорил на свою любимую тему — о капризах погоды, затем вспомнил общих знакомых, которые остались в Девоншире и наконец, признался, что очень рад видеть их всех в Лондоне.

Так они говорили не спеша и, казалось, оба не прислушивались друг к другу, каждый мысленно

был далеко от этой гостиной и своего собеседника. Элинор занимал один единственный вопрос, где сейчас Уиллингби, но она боялась прямо спросить полковника об этом человеке, который причинил ему столько душевных страданий.

— Давно ли вы в Лондоне, — наконец, поинтересовалась она, стараясь хоть немного приблизиться к интересующей её персоне.

— Да, — ответил полковник и почему-то смутился. — С тех пор, как уехал из Бартона я всё время здесь. Правда, выезжал раз или два в Делафор на несколько дней, но заехать в Бартон по пути не получилось.

Он произнес это так неуверенно и, даже, как будто извиняясь, что Элинор невольно вспомнила с какой поспешностью он уехал из Бартон-Парка, о догадках миссис Дженнингс и почувствовала, что ее вопрос значил для него больше, чем она думала.

В этот момент в гостиную вошла неугомонная миссис Дженнингс.

— О! Полковник! — сказала она, в свойственной ей темпераментной манере общения, — я ужасно рада вас видеть! Извините, я не могла спуститься раньше, мне пришлось кое-что привести в порядок, я так давно не была здесь. Вы же знаете,

стоит отлучиться на день и сразу накапливается столько всяких дел, а когда отсутствуешь так долго, то всего и не переделать. Еще надо было всё уладить с Картритом. Господи, я трудилась сегодня, как пчела в знойный день. Но! Сознайтесь, полковник, откуда вы так быстро узнали о моем приезде в город?

— Эту новость я получил из первых рук, от миссис Палмер, у которой я сегодня имел удовольствие обедать.

— Ах, да! Правда? И как они все поживают? Как себя чувствует Шарлота? Наверное, она сейчас просто расцвела!

— Миссис Палмер выглядит прекрасно, и могу вам передать, что вы ее сами увидите уже завтра утром.

— О! Ну, надо же, вы просто читаете мои мысли, полковник. Спасибо за хорошие вести! Я тоже не с пустыми руками, вот привезла с собой двух молодых леди. Вы видите: одна здесь, а другой — нет. Нет как раз мисс Марианны, о которой вы не прочь услышать. Я точно не знаю, что там у вас произошло с мистером Уиллингби из-за нее, но, как бы там ни было, молодость и красота оправдывают всё. Я тоже однажды была молода, но, увы, никогда не была красива. Но я все

равно нашла себе очень хорошего мужа, а что еще женщине надо, даже красавице? Как жаль, что он так безвременно ушел из жизни, кажется, восемь лет назад или даже больше, не припомню. Но не будем о грустном. Ах да, полковник, но где же вы были всё это время, после того, как мы расстались? И как те ваши дела, из-за которых вы уехали? Давайте, давайте, не томите, расскажите нам о них.

Брэндон учтиво ответил на все вопросы любопытной дамы, но так и не сказал главного, что ее волновало. Тем временем Элинор стала расставлять чайный сервиз и заваривать чай, в дверях гостиной снова показалась Марианна.

Увидев ее, полковник Брэндон нахмурился и замолчал, и вскоре заторопился домой. Итак, свой первый вечер в Лондоне три леди провели в одиночестве и решили пораньше лечь спать.

На следующий день Марианна проснулась рано. Разочарования минувшего дня остались позади, а новый день дарил ей новые надежды. И она была счастлива. Леди едва позавтракали, а у парадной двери уже стоял экипаж миссис Палмер, и по всем комнатам разносился ее беззаботный смех. Она была так счастлива видеть их всех, что не могла сказать, кого же больше рада

встретить, свою мать или двух мисс Дэшвуд. Сначала Шарлотта удивилась, увидев сестер Дэшвуд, которые прежде не собирались в Лондон. Затем поворчала, что они приняли приглашение ее матери, а не ее собственное, хотя если бы сестры не приехали совсем — обижаться ей было не на кого.

— Мистер Палмер будет так счастлив видеть вас всех, — сказала она, — Что вы думаете, он сказал, когда узнал, что вы приехали с мамой? Я не помню сейчас, что именно, но это было что-то очень смешное!

Через два часа, когда соскучившиеся друг за другом дочь и мать вдоволь наговорились, перебрав всех знакомых миссис Дженнингс и посмеявшись над мистером Палмером, было решено, что теперь дамы отправятся по магазинам, Элинор и миссис Дженнингс приняли эту идею на ура, а Марианна попыталась отказаться, но была вынуждена подчиниться мнению большинства.

Где бы они не находились, Марианна всегда была, как на часах, особенно на оживленной Бонд-Стрит. Она не обращала внимания на модные безделушки и изысканные наряды, не слышала вопросов старшей сестры и всем своим видом показывала, что ее главное желание сей-

час — поскорее вернуться домой, в то время как миссис Палмер, с горящими при виде модных вещиц глазами, невозможно было оттащить от прилавков.

Наконец, они всё-таки вернулись домой. Марианна тут же вбежала по лестнице, когда Элинор шла следом за ней, то увидела на лестнице сестру, которая донимала расспросами слугу. Увы, пока они отсутствовали, никакой мистер Уиллингби не заходил.

— И никакого письма от него тоже не было сегодня утром? — спросила Марианна. Слуга покачал головой.

— Вы уверены в этом? — еще раз переспросила она. — Точно? Ни слуга, ни посыльный не приносили письма?

Слуга ответил, что никто не приходил.

— Странно, — сказала она разочарованно и гордо повернулась к окну.

— Действительно странно! — повторила Элинор про себя, — И зачем она писала ему. Если не была уверена, что он уже в Лондоне. Ей следовало писать в Комб-Магну! Но если он в городе, тем более странно, что он не пришел и даже не написал ответ! Ах, мама, мамочка, ты была не права, когда мечтала о помолвке своей дочери, такой молодой

и неопытной, с человеком, которого мы так мало знали и который ведет себя так сомнительно. Я обязательно выясню, в чем тут дело, чего бы мне это не стоило!

Для начала, Элинор дала Уиллингби последний шанс, если он навестит их в ближайшие дни, то не всё еще потеряно, ну, а если он будет откладывать свой визит, то, похоже, с помолвкой и мама, и Марианна поторопились.

В этот день, кроме миссис Палмер, с ними обедали и две близкие подруги миссис Дженнингс, которых она встретила утром и пригасила к себе. Дочка, торопившаяся на званый ужин, покинула их сразу же, после чая. Поэтому Элинор была вынуждена подготовить карточный стол для пожилых дам и составить им компанию. Уговаривать Марианну было бесполезно, она не умела играть в карты и своё свободное время в этот вечер потратила еще более бесполезно — на пустые размышления и обманутые ожидания. Полистав книгу несколько минут, она отложила ее и нашла более увлекательное занятие: ходить по комнате туда и обратно, задерживаясь на минуту при повороте у окна и прислушиваясь к каждому стуку в дверь.

— Если такая хорошая погодка продержится

еще, — сказала миссис Дженнингс, спустившись к завтраку, — то сэр Джон не уедет из Бартона на следующей неделе, так как для заядлого охотника нет ничего хуже, чем потерять несколько погожих дней. Пропащие души! Я всегда их жалею, когда в азарте они так близко к сердцу принимают свои промахи!

— Что правда, то правда, — кивнула Марианна и, отодвинув занавеску, стала вглядываться в ясное зимнее небо. — Я как-то и не подумала об этом. Да, такая погода уж точно задержит любого охотника за городом, — сказала она и довольная направилась к столу. — Да, замечательная погода для настоящих охотников, это точно, — еще раз радостно повторила она, садясь, — Как же они, наверное, наслаждаются сейчас этой оттепелью! Но это не может продолжаться долго! В это время года и после череды дождей, тепло продержится недолго, скоро начнутся заморозки. Возможно, уже через день или два, а, может быть, уже и этой ночью.

— Во всяком случае, — сказала Элинор, стараясь отвлечь миссис Дженнингс, чтобы она не догадалась о тайных мыслях Марианны, — я смею надеяться, что мы увидим сэра Джона и леди Миддлтон в конце будущей недели.

— Да, моя дорогая, ручаюсь, что так и будет. Как говорится: «Мари всегда идет своим путем!».

— А теперь, — подумала Элинор, — мы обязательно напишем письмо в Комб-Магну и сегодня же отправим дневной почтой. Хотя, такое письмо, возможно, уже написано, в тайне от меня. Как бы там ни было, Марианна сегодня в отличном расположении духа и это главное.

Впрочем, Марианна всегда была рада любому погожему дню, особенно, если он обещал солнце и легкий морозец.

Все утро дамы посвятили рассылке визитных карточек всем знакомым миссис Дженнингс с известием о ее приезде в город, а Марианна между делом поглядывала в окно, пытаясь прочитать по рисунку ветвей и движению облаков направление ветра, чтобы случайно не пропустить первое дыхание холодов.

— Не кажется ли вам, что сейчас стало заметно прохладнее, чем было утром! Элинор, по-моему, уже подмораживает. У меня руки сегодня замерзли даже в муфте! Вчера было теплее. Да и облака рассеиваются, распогодилось, похоже, нас ждет ясный денек.

Наивное лукавство Марианны трогало Элинор до глубины души. Впрочем, предчувствия моро-

зов не нарушали уклада ее новой жизни в доме миссис Дженнингс. Пожилая леди внимательно относилась к сестрам и не ограничивала их свободу. Правда, на сегодня был намечен только один визит двух старых приятельниц хозяйки, которых она сама никогда не навещала, предпочитая принимать подруг у себя. Встреча пожилых дам не предвещала девицам ничего нового, кроме очередной партии в карты, которые совсем не интересовали барышень.

Полковник Брэндон, также на правах старого друга, бывал у них едва ли не каждый день. Он приходил полюбоваться на Марианну и поговорить с Элинор. Что его привлекало больше, Элинор было не очень понятно, но от общения с ним она получала истинное удовольствие, правда, ей все же казалось, что чувства полковника к сестре разгораются с новой силой. Это беспокоило ее, так как Марианна не отвечала взаимностью.

Прошла ровно неделя со дня приезда сестер Дэшвуд в Лондон, прежде чем в их жизни снова появился Уиллингби. Теперь у них не осталось никаких сомнений, что он в Лондоне. Его карточка лежала на столе, когда они пришли с утренней прогулки.

— Боже мой! — воскликнула Марианна, — он

приходил сюда, когда нас не было дома.

Элинор, которая не меньше обрадовалась этому доброму знаку, спокойно сказала:

— Думаю, что он обязательно появится завтра утром.

Но Марианна, казалось, ее не слышала, и, подхватив заветную карточку, пробежала к себе наверх мимо удивленной миссис Дженнингс.

Маленькая карточка, так обрадовавшая Элинор, полностью лишила покоя Марианну. Она снова думала только о Уиллингби и каждый день ждала его. Мучительное ожидание сделало ее неспособной ни на что другое. Она под любым предлогом оставалась дома одна, когда все уезжали, и ждала, ждала, ждала.

Элинор боялась представить себе, что может произойти на Беркели-Стрит в их отсутствие, но по возвращении ей достаточно было только взглянуть на сестру, чтоб понять, что Уиллингби так и не нанес повторного визита.

В один из таких дней слуга принес записку.

— Это для меня! — воскликнула Марианна, и сделала шаг вперед.

— Нет, мисс, для моей госпожи, — ответил слуга.

Но Марианна, не веря этому, схватила ее.

— Да, правда, это для миссис Дженнингс, как обидно!

— А ты разве ждешь письма? — спросила Элинор, которая не могла молча смотреть на безрассудное поведение сестры.

— Да, я жду записку.

— Ты мне больше не доверяешь, Марианна? — добавила Элинор после короткой паузы.

— Нет, Элинор, по себе других не судят — это ты никому не доверяешь!

— Я? — переспросила Элинор, с некоторым смущением, — право, Марианна, я даже не знаю, что тебе на это сказать.

— И мне тоже не о чем с тобой говорить, — резко ответила Марианна, — видишь, как мы похожи, сестра? Нам теперь нечего сказать друг другу. Тебе — потому, что ты общительна, а мне — потому, что теперь уже нечего скрывать.

Элинор, потрясенная этим справедливым упреком сестры, растерялась, не зная, что сказать в ответ и как теперь вернуть ее расположение.

Но тут в гостиную вошла миссис Дженнингс и прочитала вслух записку, переданную лакеем. Леди Миддлтон сообщала о приезде в Лондон. Они прибыли к себе на Кондуит-стрит накануне ночью и хотели сами навестить миссис Джен-

нингс и кузин на следующий день, но не смогли: сэр Джон был очень занят, а сама леди сильно простудилась в дороге. Так что теперь супруги Миддлтон приглашали мать и барышень к себе на Беркли-стрит. Приглашение было принято.

Правда, Элинор пришлось снова уговаривать Марианну поехать с ними, она долго сопротивлялась, боясь, что Уиллингби снова не застанет их дома, а Элинор, наоборот, боялась именно того, что Уиллингби застанет дома одну Марианну, и последствия такой встречи никто не мог предсказать.

Зато сэр Джон оказался вполне предсказуемым. Когда вечер подходил к концу, Элинор окончательно убедилась, что столичный дух совершенно не повлиял на его характер. Он уже успел собрать вокруг себя свою постоянную компанию из двадцати молодых людей и устроил бал. Леди Миддлтон этого не одобряла, хотя не имела ничего против танцев, но в Лондоне, где репутация была превыше всего, устраивать подобные вечеринки было слишком рискованно, тем более только ради того, чтобы порадовать двух новых провинциальных девушек и вывести их в свет. Однако леди Миддлтон закрыла глаза на то, что в это вечер у них будут всего восемь или девять

пар, две скрипки и только легкий фуршет.

Палмеры тоже были здесь, они чинно беседовали с сэром Джоном, с которым не общались с момента своего отъезда из Девоншира. Суровый мистер Палмер, который избегал внимания своей тещи и поэтому всегда соблюдал дистанцию, сделал вид, что не заметил, как она вошла в зал в сопровождении сестер Дэшвуд. Он вскользь посмотрел на них, как бы не понимая, кто они такие, и затем едва поклонился миссис Дженнингс из другого конца зала. Марианна, как только они вошли, быстро оглядела зал, и убедилась, что Уиллингби здесь нет. Расстроенная она присела на стул и почти не танцевала. Прошло около часа, прежде чем, к сестрам смогли подойти хозяева. Мистер и миссис Палмер сделали вид, что удивлены этой неожиданной встречей в Лондоне, хотя Элинор знала, что полковник Брэндон первым делом сообщил сэру Джону об их приезде. Но это не помешало сэру Миддлтону наговорить глупостей.

— Я думал, что вы обе сейчас в Девоншире — сказал он, поздоровавшись.

— Разве? — ответила Элинор.

— А когда же вы поедите обратно? — спросил сэр Джон.

— Не знаю, — сказала Элинор, и на этом их взаимный интерес был исчерпан, а бал подходил к концу.

Это был первый бал в жизни Марианны, на котором она не хотела танцевать и невероятно устала. Она хандрила всю дорогу и, даже когда они вернулись на Беркели-Стрит, жаловалась на недомогание.

— Ой-ой-ой, — притворно сокрушалась миссис Дженнингс, — Мы знаем причину всего этого очень хорошо! Если б известная всем персона, имя которой мы не называем, была бы здесь, то всю усталость как рукой бы сняло. И, сказать по правде, это не очень хорошо с его стороны, не назначить вам свидание, когда он сам был приглашен на этот бал.

— Приглашен? — воскликнула Марианна.

— Во всяком случае, так сказала мне моя дочка, та, что Миддлтон. Сэр Джон пригласил его, когда встретил, кажется, где-то на улице сегодня днем.

Несчастная Марианна замолчала и опустила глаза. Элинор решила, что медлить в такой ситуации опасно и на следующее утро сразу после завтрака села за письмо матери, чтобы поставить ее в известность и попытаться, наконец, повлиять на двусмысленную ситуацию вокруг Марианны.

Марианна тем временем тоже написала очередное послание, но не домой, а Уиллингби, в этом Элинор уже не сомневалась. Она писала матери, как верной подруге, подробно рассказывая о том, что происходило с ними в Лондоне в эти дни, о своих подозрениях и попытках прояснить ситуацию с Уиллингби. В эти минуты ей никто не мешал. Миссис Дженнингс уехала по своим делам, Марианна, измученная подозрениями, молча расхаживала по комнате от одного окна к другому.

Едва Элинор отложила перо и запечатала письмо, как в гостиную вошел нежданный гость — полковник Брэндон. Марианна, которая увидела его в окно, тут же вышла из комнаты. Он выглядел еще более мрачным, чем обычно и, кажется, был рад, застав старшую мисс Дэшвуд наедине. Он сел рядом с ней, ни говоря ни слова, но Элинор показалось, что он хочет сказать ей что-то важное, но никак не решается. Поэтому она начала разговор первой, объяснив, что Марианна так поспешно вышла из гостиной, потому что у нее возникли неотложные дела.

— Это не в первый раз с нею, видимо, она сегодня не в духе, — заметил он. Казалось, что произнося «вашей сестре нездоровится» или

«она сегодня не в духе», он хотел услышать о Марианне что-то особенное, касающееся только ее. Но Элинор молчала. После паузы в несколько минут, он сам нарушил молчание, спросив, когда же он сможет поздравить ее с приобретением второго брата. Элинор, которая не была готова к такому вопросу, улыбнулась и переспросила, что он имеет в виду.

— О помолвке вашей сестры и Уиллингби известно повсюду.

— Я не совсем в курсе этих событий, — ответила Элинор, — но в нашей семье об этом ничего неизвестно.

Он удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Прошу прощения, видимо, мои источники были неточны. Хотя мне кажется, что не стоит делать секрета, если они официально помолвлены и все об этом знают.

— Кто вам мог об этом сказать?

— Многие, даже те, кого вы и представить не можете: миссис Дженнингс, Палмеры и Миддлтоны. Хотя я в это до конца не верю, это просто не укладывается у меня в голове. Хотя только что я получил еще одно тому доказательство. Сейчас, когда я входил к вам, то случайно увидел у слуги в руке готовое к отправке письмо, адресованное

мистеру Уиллингби, написанное рукой вашей сестры. Я хотел выяснить, но убедился еще до того, как задал вопрос. Неужели, все уже окончательно решено? А не возможно…? Но я не имею права и не должен мешать. Простите меня, мисс Дэшвуд. Поверьте, просто я не знал, что делать и что говорить в таком случае. Скажите, неужели уже ничего нельзя изменить?

Элинор, расстроганная этим невольным признанием в любви к ее сестре, не сразу нашла, что ответить. Она осторожно извлекала общие фразы, что прикрыть странные отношения Уиллингби и Марианны, которые были так призрачны, что трудно было сказать, есть они или нет. Да, она не станет отрицать, что у полковника мало шансов на успех, но в то же время они сами еще не сделали официального заявления, хотя уже пора. Что касается их переписки, то Элинор честно призналась, что ничего не знает о ней. Он молча выслушал ее, а когда она закончила говорить, встал и быстро заговорил: очень эмоциональным голосом.

— Вашей сестре я желаю самого большого счастья, что касается Уиллингби, который сделал попытку получить ее… — здесь он осекся на полуслове и вышел из комнаты.

После этого разговора у Элинор остался неприятный осадок от того, что полковник Брэндон ушел в таком безграничном отчаянии. И она решила при первой же возможности поддержать его.

Глава 15

Ничего не произошло за последние три или четыре дня, что заставило бы Элинор пожалеть о письме, которое она написала матери. Уиллингби не появился. В конце недели их пригласили на званый вечер, куда сестры отправились в сопровождении леди Миддлтон, так как миссис Дженнингс не могла оставить свою младшую дочь, которая плохо себя чувствовала в последние недели беременности. Марианна собиралась на бал без настроения, абсолютно равнодушная к тому, пойдет ли она туда или нет, и как она будет выглядеть. После чая она села у камина в художественной гостиной и сидела неподвижно до приезда леди Миддлтон, не проронив и слова. Когда лакей объявил, что леди ожидает ее в дверях, Марианна медленно поднялась с таким опустошенным видом, как будто забыла о том, что кто-то ее ждет.

Они приехали как раз вовремя. Как только торжественно объявили ее имя во всех залах, Марианне показалось, что его начали повторять то тут, то там. Оказавшись в танцевальном зале,

она увидела, что все огни уже зажжены, людей достаточно много и почувствовала, что здесь невыносимо душно. Затем они представились хозяйке дома, в этот момент толпа оживилась и заколыхалась, но Марианна не приняла это на свой счет. Через некоторое время сестры так устали находиться в центре зала и всеобщего внимания, что искали взглядом свободное место у стены. К счастью, они заметили пару незанятых кресел и сели подальше от столов.

Они не успели как следует расположиться, когда Элинор увидела Уиллингби, который стоял в недалеко от них, он был увлечен разговором с очень модно одетой молодой женщиной. Она вскоре поймала на себе ее взгляд, и Уиллингби тут же кивнул Элинор, но не сделал и попытки приблизиться к сестрам или заговорить. Марианна пока не заметила его. Он поспешно отвернулся и продолжил разговор со своей спутницей. Элинор, пораженная этим, резко повернулась к сестре, чтоб понять, увидела ли она Уиллингби. В этот самый момент Марианна как раз и разглядела его в толпе гостей. Она приподнялась в кресле и инстинктивно двинулась к нему, и сестра едва успела ее остановить.

— Господи! — воскликнула она, — он здесь!

Он, правда, здесь! Ну почему же, он совсем не смотрит на меня? Почему я не могу говорить с ним прямо сейчас?

— Умоляю, только не сейчас, — прошептала Элинор, — и не надо выдавать свои чувства всем присутствующим! Подожди, он, возможно, еще тебя не разглядел.

Она не могла поверить в это! Такое стечение обстоятельств и такое неожиданное исполнение ее самого заветного желания! Марианна сидела как на иголках, что выдавало каждое ее движение.

Наконец, он повернулся так, что мог видеть сразу двоих сестер. Марианна не выдержала, она поднялась и направилась к нему, громко, с чувством назвала его по имени и протянула ему руку. Он сделал несколько шагов навстречу сестрам, но даже не посмотрел на Марианну, как будто стремясь избежать ее взгляда, он общался с Элинор, сбивчиво спрашивая, давно ли они в Лондоне. Элинор была так подавлена этим обращением по ложному адресу, что не нашла, что и сказать. Но чувства ее сестры говорили сами за себя, ее лицо стало пунцовым, и она воскликнула в сердцах:

— Господи! Боже мой! Уиллингби, что это все значит? Вы разве не получили моей записки?

Разве мы не пожмем друг другу руки?

Уиллингби ничего не оставалось, как пожать руку Марианне, хотя это рукопожатие было ему неприятно, и он задержал ее руку в своей лишь на мгновение. Все это время он старался быть подчеркнуто спокойным. Элинор заметила, как быстро он справился с волнением и равнодушно сказал:

— Я имел честь заезжать на Беркли-Стрит в прошлый четверг, и был очень огорчен тем, что не застал вас и миссис Дженнингс дома. Моя визитная карточка, надеюсь, не была потеряна?

— Но, разве, вы не получили моих записок? — воскликнула Марианна, с еле сдерживаемым волнением. — Должно быть, здесь какая-то ошибка, я надеюсь. Какая-то ужасная ошибка! Что бы это все значило? Скажите мне, Уиллингби? Ради бога, скажите мне, что же это?

Он не отвечал, но побледнел и резко изменился в лице. В этот момент он поймал на себе взгляд хорошо одетой молодой леди, с которой только разговаривал, и почувствовал необходимость опять «прикрыть» себя:

— Благодарю, я имел удовольствие получить сообщение о вашем приезде в город, которое вы были так добры и передали мне, — сказал он и

затем, слегка поклонившись, отошел к своим друзьям.

Марианна, смертельно бледная, теперь не могла стоять или сидеть. И Элинор, беспокоясь, что она может в любую минуту упасть в обморок, увела ее из зала и протянула пузырек с лавандовой водой.

— Иди к нему, Элинор, — взмолилась Марианна, как только вдохнула аромат лаванды и снова смогла говорить, — и заставь его прийти ко мне. Скажи ему, что я должна его снова увидеть, должна поговорить с ним откровенно. Я не успокоюсь и не найду себе места, пока все это не будет объяснено каким-то чудовищным недоразумением или чем-нибудь другим. Иди же за ним прямо сейчас!

— Как все это могло произойти! Моя дорогая Марианна, ты должна подождать. Это не место для выяснения отношений. Подожди, хотя бы до завтра!

Элинор с трудом удержала сестру от отчаянного шага, уговаривая отложить выяснение отношений и еще раз разобраться в своих чувствах.

— Вам надо поговорить один на один, а не на людях, — негромко убеждала она сестру, но на Марианну уговоры не действовали, и она продол-

жала причитать громким голосом и привлекать всеобщее внимание. Вдруг Элинор увидела Уиллингби, через проем двери, он направлялся к лестнице и собирался уходить. Стало совершенно ясно, что сегодня разговор между ними не состоится. Элинор сказала Марианне, что Уиллингби уже ушел, и попросила хозяйку дома отвезти их домой, так как она не могла больше находиться здесь ни минуты.

Когда леди Миддлтон, сообщили, что Марианна почувствовала себя очень плохо, она играла в винт, но немного подумав над неожиданным предложением поехать домой, отдала карты своей подруге и была с сестрами Дэшвуд до тех пор, пока не подали экипаж. По дороге на Беркли-Стрит она не проронила ни слова. Марианна была в какой-то молчаливой агонии, и потрясена так сильно, что даже не могла плакать. К счастью, миссис Дженнингс не было дома, и сестры смогли пойти прямо в свои комнаты, где нюхательная соль немного привела в чувства Марианну.

Она быстро переоделась, легла в постель и хотела побыть одна. Элинор ушла к себе и, пока ждала миссис Дженнингс, пыталась понять, что же между ними произошло.

То, что между Марианной и Уиллингби была

связь, стало очевидно. Как и то, что именно Уиллингби разорвал их отношения. Но сможет ли Марианна справиться со своими чувствами? Она прекрасно понимала, что сегодняшнее поведение Уиллингби нельзя истолковывать как недопонимание. Он понимал, что делал и говорил, и об этом свидетельствовало его смущение. Увы, он разлюбил Марианну, если, конечно, когда-нибудь любил ее по-настоящему. Ее чувство оскорбления и обиды за сестру крепло с каждой минутой. Он был настолько слабохарактерным, что даже не смог первым поздороваться с Марианной.

Разлука, похоже, охладила его чувства, а обстоятельства поставили его в такое неловкое положение. Но то, что такие обстоятельства никогда и не существовали, Элинор и представить себе не могла!

В эту ночь она с тревогой думала о душевной боли, которую причинила Марианне эта роковая встреча, — и о тех, еще более печальных последствиях, которые ждали ее сестру. Ее собственное положение теперь казалось ей более легким. Ведь она не настолько разочаровалась в Эдварде, чтобы потерять к нему уважение. Пусть они не станут мужем и женой, у нее всегда будет надежный друг. Горе Марианны усугублялось еще и тем,

что с Уиллингби ее ждет неминуемый разрыв.

Слуга еще не успел разжечь огонь в камине, а солнце окрасить хмурое январское утро, а Марианна полуодетая, уже стояла на коленях у подоконника и писала так быстро, насколько позволяли тусклый утренний свет и подступавшие слезы. От ее тихих причитаний и всхлипываний проснулась Элинор, сначала она молча наблюдала за сестрой, а потом осторожно сказала:

— Марианна, можно тебя спросить?

— Нет, Элинор, — ответила она, — не надо спрашивать, ты сама скоро все узнаешь.

Момент безнадежной невозмутимости, с которой были сказаны эти слова, был короче этой фразы и сменился новыми всхлипываниями. Прошло несколько минут, прежде чем Марианна вытерла слезы и снова взялась за перо. Внезапные приступы рыданий, которые все еще мучили ее и не давали писать, доказывали, что она пишет Уиллингби, и, возможно, в последний раз.

Элинор попыталась окружить ее вниманием и ненавязчивой заботой, на какую она только была способна. Марианна отвечала ей нервозностью и раздражительностью.

«Нет, говорить с ней? — Ни за что на свете!» — думала Элинор. В такой ситуации для обеих

сестер было бы лучше, если б они не находились здесь дольше. Этот лондонский дом был населен радужными фантазиями влюбленной Марианны, которые в одночасье превратились в несбывшиеся мечты. Каждый его уголок теперь напоминал ей об обманутых ожиданиях, и сама она стремилась уехать куда-нибудь отсюда и никого больше не видеть.

За столом Марианна так и не притронулась к завтраку. И внимание Элинор было сосредоточено не на том, чтоб занять или отвлечь ее, а на попытке привлечь к себе все внимание миссис Дженнингс.

Долгий завтрак — это было любимое времяпрепровождение пожилой леди. Бесконечные разговоры, начавшиеся за трапезой, плавно перетекали за круглый стол для рукоделия. В этот благостный момент, когда умиротворенные дамы принялись за шитье, принесли письмо для Марианны. Она мгновенно выхватила его у слуги, побледнела и медленно вышла из комнаты. Элинор, которая неприкрыто наблюдала за всем этим, внезапно почувствовала, как у нее кольнуло в сердце. Через секунду ее так сильно заколотила нервная дрожь, что уже этого никак нельзя было скрыть от миссис Дженнингс. Но эта

милая леди ничего не видела другого, кроме того, что Марианна получила письмо от Уиллингби, что показалось ей хорошей темой для шуток, и понадеялась со смехом, что они им тоже понравятся. Что же касается Элинор, то она была так занята сравнивания длину двух сторон своего шерстяного коврика, что ничего более не замечала вокруг, и спокойно продолжала разговаривать, когда Марианна исчезла из комнаты.

— Честно говоря, я еще не встречала молодую девушку, которая была бы так влюблена, как она, никогда в своей жизни! Моим девочкам далеко до нее, да они достаточно простоваты для настоящей любви… Но, мисс Марианна — совсем другое создание. Я надеюсь, всем своим сердцем, что она недолго еще будет страдать, это так мучительно. Умоляю, скажите, когда же они все-таки поженятся?

Элинор, похоже, никогда не была так не расположена к этому разговору, как сейчас. Но следуя правилам приличия, она вынуждена была не отвечать и сказала с улыбкой:

— Я думаю, сударыня, что сейчас вы спросили об этом, рассчитывая, что моя сестра помолвлена с мистером Уиллингби? Я считаю, что все эти разговоры были только шуткой. Такой серьезный

вопрос теперь требует разъяснения. Я прошу вас, впредь, чтобы вы не обманывались сами, помнить, что ничто меня так не удивит, как их свадьба.

— Постыдитесь, постыдитесь, мисс Дэшвуд! Как вы только можете так говорить! Разве мы обе не знаем, что это должно быть, потому что они оба по уши и даже больше влюблены друг в друга с первого взгляда? Разве не я видела их в Девоншире каждый день и на протяжении всего дня? И разве не я знала, что ваша сестра приехала со мной в город только с одной целью — купить свадебное платье? Полно. Полно, вам, этого не может быть! Потому что вы сами очень лукавите в отношении этого всего, вы думаете, что никто вокруг ничего не замечает? Но это не так! Я могу вам сказать, что эта весть уже давно разнеслась по всему городу! Я всем уже рассказала об этом, и то же самое сделала Шарлота.

— Но, помилуйте, сударыня, — сказала Элинор очень серьезно, — вы ошибаетесь. Вы напрасно распространили этот слух в Лондоне. Вы поторопились, поверьте мне.

Миссис Дженнингс рассмеялась от души. Но Элинор уже была не в состоянии с ней спорить и поспешила наверх к сестре, чтобы узнать, о чем

Уиллингби написал ей. Открыв дверь в спальню, она увидела Марианну, распластавшуюся на кровати почти в шоке от горя, с письмом в одной руке. Еще несколько посланий были разбросаны на полу. Элинор приблизилась к ней, не говоря ни слова, присела на кровать, взяла ее за руку, поцеловала ее несколько раз очень крепко, и вдруг дала волю своим чувствам и разрыдалась, не меньше Марианны, которая не могла говорить и, собрав все письма вместе, вложила их в руку Элинор, закрыла свое лицо платком, продолжая навзрыд плакать. Старшая мисс Дэшвуд, хотя ей было невыносимо больно видеть сестру в таком состоянии всё-таки не спускала с нее глаз и, дождавшись, когда та немного успокоилась, обратилась, наконец к письмам Уиллингби, и прочла следующее:

Бонд-Стрит, Январь

Сударыня! Я только что имел честь получить Ваше письмо, на которое и спешу Вам ответить. Я много раздумывал над тем, было ли в моем вчерашнем поведении что-либо такое, что могло задеть или оскорбить Вас, и я не могу припомнить ничего дурного со своей сто-

роны. Однако я с мольбой прошу вашего прощения, если всё-таки чем-то невольно обидел Вас. Я с теплотой вспоминаю наше прежнее знакомство с Вашей семьей в Девоншире, и надеюсь, что оно не будет прервано из-за того, что мои действия были Вами неправильно восприняты. Мое отношение к Вашей семье очень искреннее, поэтому было крайне жаль, что мое поведение и расположение к Вашей семье было воспринято не так, как бы я того желал, или имело большее значение, чем я хотел в него вложить. И я упрекаю себя за то, что не смог быть достаточно внимательным, когда проявлял к Вам свои лучшие дружеские чувства, если Вы посчитали, что я мог позволить себе большее. Вы сами поймете, что это было бы невозможно, так как я был помолвлен уже давно и в другом месте, и надеюсь на то, что скоро этот брак состоится. С большим сожалением, я выполняю Ваше требование, и возвращаю Вам назад Ваши письма и локон, который Вы мне подарили.

Сударыня,

Всегда к Вашим услугам Джон Уиллингби.

Можно только предположить, с каким негодованием это письмо прочитала старшая мисс Дэшвуд. Ей было достаточно только взглянуть на него, чтобы почувствовать, что оно не сулит ничего хорошего. Но Элинор и представить себе не могла, что с любимой женщиной можно поступить так бессердечно и жестоко! Она не хотела в это верить, но Уиллингби посмел объявить о разрыве с таким пренебрежением к Марианне и написать ей таким непростительно-официальным тоном. В письме не было ни прежних чувств, ни даже джентельменских принципов! Вместо мольбы о разрыве и прощении за то, что он не только разбил ее сердце, но и, возможно, сломал жизнь, Уиллингби даже не извинился, он хотел быть просто вежливым. Элинор казалось, что каждая строчка этого письма была невыносимым оскорблением ее сестре, а написать всё это мог только последний негодяй!

Она молчала некоторое время в полном замешательстве, затем перечитала еще раз и еще, но каждая строчка вызывала только еще большую

неприязнь к этому человеку, она не стала даже не говорить о нем, чтобы не причинять новых страданий Марианне своими словами. Нет, этого она никогда бы не сделала! Во всей этой печальной истории ее утешало только одно, к счастью Марианна не вышла замуж за этого непорядочного и двуличного человека, который оказался просто мерзавцем.

Элинор не помнила, как долго просидела у постели сестры. Она очнулась от стука колес подъезжающего экипажа, и выглянула в окно, чтобы узнать, кто мог приехать к ним в такую рань, и была крайне удивлена, увидев экипаж мисс Дженнингс, который должны были подать только к часу дня. Она бережно отложила в сторону еще три письма, лежавшие у нее на коленях, и поспешила к входной двери, чтобы извиниться за то, что они не смогут сопровождать миссис Дженнингс, так как сестра почувствовала недомогание. Миссис Дженнингс, хорошо разбираясь в причине этого недомогания, с готовностью извинила их. Элинор вернулась в комнату, как нельзя кстати, и буквально подхватила на руки сестру, вставшую с постели и потерявшую равновесие от слабости. Давало о себе знать переутомление, Марианна почти ничего не ела уже несколько

дней. Головная боль и тошнота сводили ее с ума, и вот теперь она едва не упала в обморок. Бокал вина, который Элинор протянула ей, подействовал мгновенно.

— Бедная Элинор! Какой несчастной я тебя сделала! — сказала Марианна, осушив его до дна.

— Я только хотела спасти тебя, — ответила Элинор.

Марианна снова разрыдалась в ответ, воскликнув с горечью:

— Элинор, я так несчастна!

Элинор, сдерживая слезы, не могла быть безмолвной свидетельницей этих душевных страданий.

— Возьми себя в руки, Марианна, — сказала она твердо, — если ты не хочешь погубить себя и всех, кто тебя любит. Подумай о маме, подумай, сможет ли она перенести твои страдания? Пожалуйста, ради нашей мамы, возьми себя в руки.

— Не могу! Не могу! — всхлипывала Марианна. — Уходи и оставь меня в покое, если тебе невыносимо видеть меня в таком состоянии! Конечно, тебе легко говорить, «возьми себя в руки, возьми себя в руки!» Ты везучая, Элинор, ведь ты даже представить себе не можешь, какие душевные терзания может испытывать покину-

тая женщина!

— Ты считаешь меня везучей? Ах, Марианна! Как ты можешь! Ты думаешь, это большое везение, видеть родную сестру в таком состоянии!

— Господи, прости меня, пожалуйста, прости, — обнимая свою сестру, воскликнула Марианна, — Я знаю, что ты сочувствуешь мне! Я знаю, что у тебя золотое сердце! Но, хотя бы ты, из нас двоих, должна быть счастлива, тем более, Эдвард любит тебя! Что? Что же еще надо для счастья?

— Еще нужно… много, очень много везения, — ответила Элинор, задумчиво.

— Нет, нет, нет! — воскликнула Марианна, — Он любит тебя, и только тебя! Тебе не о чем грустить!!!

— Не будем об этом, я не могу думать о нем, пока вижу тебя в таком состоянии.

— И ты никогда больше не увидишь меня в другом состоянии! Это унижение будет со мной до конца моих дней!

— Тебе не следует, так говорить, Марианна. Разве у тебя не может быть в жизни утешения? Раз ты потеряла его, что ж потеряла, но ведь можно найти кого-то другого? Только представь, что бы было, если б его сущность проявилась после свадьбы спустя месяцы и годы, когда все уже бы-

ло бы сделано и не было никакой возможности повернуть все назад! И каждый несчастливый день, проведенный с ним, приносил бы тебе еще большие страдания!

— Помолвка! — закричала Марианна, — Не будет никакой помолвки!

— Да, никакой!

— Нет, все-таки он не такой бессердечный, каким ты хочешь его представить! Он всё еще любит меня.

— А, разве, он когда-нибудь говорил тебе, что любит тебя?

— Да! То есть, нет, не совсем… Это было просто видно по его поведению, но он никогда не произносил этого вслух. Иногда я думала, что это случилось, хотя явно и не было никогда сказано!

— Ты уже написала ему?

— Да, а разве не следовало этого делать, после всего, что произошло?

Элинор ничего не сказала. Она развернула письма, которые ее сестре вернул Уиллингби. В свете последних событий они выглядели куда более странными. Первое, то, которое ее сестра послала сразу же по приезде в Лондон, звучало так:

«Беркли-Стрит, Лондон.

«Представляю, как Вы будете удивлены, Уиллингби, получив это письмо!! Но я думаю, что Вы почувствуете нечто большее, чем удивление, когда узнаете, что я в городе! Возможность приехать сюда вместе с миссис Дженнингс, была искушением, которого мы не смогли избежать. Я надеюсь, что Вы, получив это письмо, сегодня же приедете к нам, хотя я не очень надеюсь на это. Пока, до свидания.

Мисс Дэшвуд».

Второе письмо, которое было написано утром, после танцев у Миддлтонов, было уже длиннее и пронзительнее:

«Я не могу выразить свое разочарование тем, что так и не встретилась с Вами позавчера, и не получила никакого ответа на свою записку, отправленную сразу же по приезде неделю назад. Я так надеялась на встречу с Вами и все еще надеюсь, каждый час каждого дня.

Молю, появиться, как только быстрее возможно! И объяснить причину такого исчезновения. Лучше, если Вы приедете пораньше, так как сейчас мы одни дома. Прошлым вечером мы были у Леди Миддлтон, где танцевали. Мне сказали, что Вы были приглашены на бал. Но почему же Вы не приехали? Вы должны были бы очень хотеть этой встречи, с тех пор, как мы расстались! А Вы не пришли! Почему? У Вас была веская причина? Надеюсь вскоре услышать Ваши объяснения.

М.Д».

И, наконец, в своем последнем послании Марианна писала:

«Что я никак не могу понять, Уиллингби, так это Ваше поведение прошлым вечером. И опять я хочу получить объяснения всему происходящему. Я так ждала встречи с Вами, и представляла ее совсем по-другому, после всего того, что было между нами в Бартоне. А Вы меня просто оттолкнули! Всю прошлую ночь я не спала и думала, в чем причина Вашего поведения, которое и оскорблением-то

назвать мало? Но, так как не смогла подобрать какие-то объяснения Вашему поведению, то готова выслушать их от Вас самого. Возможно, я стала жертвой коварных недоброжелателей, которые опорочили меня в Ваших глазах. Расскажите мне, что же это было, и дайте мне возможность ответить на все эти выпады в мой адрес. Я даже готова поверить в то, что Вы сейчас не владеете собой из-за болезни, чем в то, что Вы меня всё это время просто обманывали! Уже и не знаю, что думать! Развейте, мои тревожные сомнения как можно скорее! Я готова оправдать Вас, но с другой стороны, если ваши чувства ко мне уже не те, что были раньше, прошу Вас вернуть мне мои письма и локон волос, подаренный Вам.

М.Д.»

И на такие письма, полные чувства и признания, можно было ответить несколькими официальными фразами! Элинор не могла этому поверить. Она понимала, что Уиллингби был недостоин ни одной строчки, написанной Марианной, но, в тоже время, с первого дня их

знакомства он не давал ее сестре никаких намеков на помолвку и брак. Ей всего лишь хотелось, чтобы всё было именно так.

В этот момент, Марианна спросила ее, закончила ли она читать их переписку и задумчиво сказала:

— Я чувствую, что так к нему привязана, как будто мы уже давно стали мужем и женой.

— Могу себе представить, — ответила Элинор, — но, к сожалению, он не чувствует то же самое.

— Он чувствует, чувствует тоже самое, Элинор! Неделями и неделями он это чувствовал! Я знаю, что он так чувствует! И как бы он не изменился за последнее время (а это могут быть только проделки каких-нибудь наемных мерзавцев против меня!) я так же к нему расположена, как и раньше, со всей душой! Этот локон, который он так охотно теперь возвратил мне, он выпросил у меня после долгих уговоров! Ты бы видела его взгляд, его манеры, и слышала его голос в тот момент! А разве ты забыла наш прощальный вечер в Бартоне, проведенный вместе? А утро, когда мы простились, когда он сказал, что, возможно, пройдет много недель, до того, как мы встретимся снова? А его печаль? Я никогда не

забуду его печаль!

Какое-то мгновение она не могла сказать ни слова, но когда эти эмоции улеглись, добавила, тихим голосом:

— Элинор, всё это кем-то жестоко подстроено мне, но не Уиллингби.

— Дорогая Марианна, но кем же, если не им самим?

— Да, кем угодно в этом мире, но только не его сердцем! Я скорее поверю, что он мог разлюбить меня, чем в то, что оказался с самого начала был таким мерзавцем. Эта женщина, о которой он пишет, кто бы она ни была, или какая-нибудь другая особа, может не верить в его любовь ко мне. Но я до сих пор верю ему, как тебе, как маме и Эдварду. Все остальные могли предать меня.

Элинор не стала рассуждать, а только заметила:

— Кого бы ты не подозревала во всем этом, можешь своего врага поздравить с триумфом, моя дорогая сестра. Видишь, как совпадение случайностей твоей невиновности и чего-то злого умысла укрепили сейчас твой дух и гордость, чтобы так рассуждать.

— Нет, нет, — воскликнула Марианна, — такие мистические вещи, как мой случай, необъясни-

мы! Меня интересует сейчас только одно, кто еще знает о том, что он меня бросил? Ведь всё происходило у всех на глазах. Элинор, Элинор, все эти бессердечные злодеи могут теперь гордиться собой, я повержена и должна честно оплакивать свой позор, и пусть они видят, как я страдаю!

— Но ради нашей матери и меня…

— Для вас я сделаю больше, чем я смогла бы для себя. Появиться счастливой тогда, когда я так раздавлена! Кто же может этого ожидать?

Они снова замолчали. Элинор расхаживала, задумавшись, от окна к камину, от камина к окну, не чувствуя тепла от огня и холода от замершего стекла. Марианна, присев на краю кровати, прислонившись головой к ажурной спинке, снова и снова перечитывала письмо Уиллингби, и после каждого предложения, вздыхала:

— Это уж слишком! О! Уиллингби, Уиллингби! Неужели это ты? Жестокий, жестокий человек! Ничто не может оправдать тебя! Элинор, ничто не может! И чтобы он не услышал обо мне, он должен был сначала узнать всё у меня, дать мне возможность оправдаться. А верить всяким домыслам! «Возвращаю назад Ваши письма и локон, который Вы мне подарили», — это я, оказывается, заставила его взять мой локон! Этого я

никогда не прощу! Уиллингби, где только было твое сердце, когда ты писал это письмо? О! Какое грубое оскорбление! Элинор, может ли он быть прощен?!

— Нет, Марианна, никогда!

— А эта женщина, его невеста, ты знаешь что-нибудь о ней? Как долго он еще будет находиться под ее влиянием? Кто же она? Кем она может быть? Я никогда раньше не слышала, что бы он хоть раз упоминал о какой-нибудь молодой и привлекательной женщине из его окружения?

Элинор молчала. Марианна очень возбужденная, продолжала говорить.

— Элинор, ты знаешь, я должна уехать домой. Я должна уехать и успокоить маму. Давай уедем завтра?

— Завтра же, Марианна.

— Да, почему я должна оставаться здесь? Я приехала только ради Уиллингби, а теперь кому здесь дело до меня? Кто интересуется мной?

— Нет. Завтра мы всё-таки не уедем. Хотя бы из уважения к миссис Дженнингс, которая была к нам так добра, и мы не можем внезапно собраться уехать.

— Хорошо. Тогда, давай уедем послезавтра, или через несколько дней, пойми, я не могу оставать-

ся здесь дольше. Я не хочу отвечать на все эти недвусмысленные вопросы и выслушивать шуточки от всех этих людей! Миддлтоны, Палмеры! Как я смогу теперь видеть их каждый божий день! Представь, что скажет по поводу всего этого, леди Миддлтон! О! Противно подумать!

Элинор посоветовала сестре не изводить себя и прилечь отдохнуть. Едва Марианна легла, как резко вскочила от приступа сильнейшей головной боли. Она вся сжалась в нервный ком, и Элинор с трудом смогла уложить ее снова, в отчаянии она даже позвала на помощь, но несколько лавандовых капель, случайно оказавшихся под рукой, подействовали раньше, чем в комнату поднялась миссис Дженнингс. Марианна неподвижно лежала на постели.

Глава 16

Миссис Дженнингс, услышав крик Элинор, немедленно поднялась наверх и без стука решительно открыла дверь в спальню.

— Как вы себя чувствуете, милая? — спросила она голосом, полным сострадания, Марианну, которая в ответ только молча отвернулась.

— Как она, Элинор? Да, плохо дело! Она выглядит ужасно. Теперь послушайте, может быть это и не правда. Он скоро вроде собирается жениться — этот бездельник! Я сама не встречалась с ним, миссис Тайлор рассказала мне об этом полчаса назад. Я не могла в это поверить, и готова просто упасть в обморок, как только это услышала. Хорошенькое дело, сказала я. Он довел одну из моих хороших знакомых до болезненного состояния. Если это всё правда, то я желаю от всей души, чтоб его жена замучила его до смерти своими расспросами! И повторяю, моя дорогая, ты можешь в этом не сомневаться! Не зря я всегда не доверяла мужчинам такого типа. И если я снова когда-нибудь встречусь с ним, я его просто отделаю, обещаю вам! Но всё, что не делается

— делается к лучшему, моя дорогая Марианна. Он не один единственный молодой человек в городе, которого можно иметь в виду, а с вашим хорошеньким личиком, вам недолго придется ждать поклонников! Да, очень печальна история! Я не буду вам больше мешать, так как ей лучше один раз хорошенько выплакаться и навсегда забыть об этом. Кстати, Парри и Сандерсоны, к счастью, приезжают к нам сегодня вечером, вы, наверное, уже знаете, и это возможно поможет ей немного забыться…

И пожилая леди на цыпочках вышла из комнаты, как будто опасаясь, что даже легкий шум может усугубить страдания ее молодой гостьи.

Марианна, к немалому изумлению Элинор, захотела спуститься к обеду. Элинор сначала пыталась возразить ей, но нет — сестра решила обедать с гостями, в надежде избежать лишних пересудов. Элинор была рада ее хладнокровию, хотя и сомневалась, что Марианна продержится до конца обеда. Она помогла ей расправить складки на платье и сидела рядом, чтобы помочь ей подняться, когда их пригласят в столовую.

За столом Марианна держалась спокойно и ела с аппетитом, вопреки тревожным ожиданиям ее сестры. К счастью, она не проронила ни слова

и как будто не заметила повышенной и порой неуместной опеки миссис Дженнингс, которая из лучших побуждений старалась оградить ее от излишнего внимания. Иначе, кто знает, может быть, это спокойствие, возможно покинуло бы ее.

Элинор, отдавая должное доброте миссис Дженнингс, как ни бесцеремонны и неуклюжи были порой проявления ее заботы, была благодарна ей и отплачивала любезностью за любезность вместо сестры. Их хлопотливая хозяйка видела, как Марианна несчастна, и считала себя обязанной сделать все, чтобы облегчить ее печаль. А потому опекала ее с материнской нежностью, балующей любимую дочурку в последний день летних каникул. Марианну усадили на лучшее место у камина, ее угощали вкусненьким и развлекали свежайшими сплетнями. Печальное настроение Марианны передавалось и ее сестре, в другой ситуации ее бы уж точно позабавили методы лечения сердечных недугов от миссис Дженнингс — хорошая закуска и пылающий огонь в камине. Но, в конце концов, проверенные лекарства пожилой леди начали действовать на ее юную подопечную. Она оживилась, что-то невнятно сказала и, сделав знак сестре, не провожать ее,

самостоятельно поднялась и торопливо вышла из комнаты.

— Бедняжка! — вздохнула миссис Дженнингс ей вслед. — У меня сердце разрывается, когда я смотрю на нее. Ах, господи, она даже вина не допила. И к вяленым вишням даже не притронулась! Ничего ей не хочется. Если бы я знала, чего ей хочется, то послала бы за этим на другой конец города! Поражаюсь, как приличный на вид мужчина — и вдруг устроил подлость такой красавице! Ну, да когда у одной невесты денег куры не клюют, а у другой за душой ничего, конечно, тут уж женихи недолго думают!

— Так эта леди… мисс Грей, кажется, вы сказали… она богата?

— Пятьдесят тысяч фунтов годовой ренты, моя дорогая. Вы когда-нибудь видели ее? Обворожительная модная девица, говорят, хотя и не очень красива. Помню, ее тетя была очень хороша собой, Бидди Хеншейв. Она удачно вышла замуж, и их семья теперь очень богата. Пятьдесят тысяч фунтов! И, кроме того, их не тратят, пока нет надобности! Говорят, что мистер Уиллингби разрывается на части ради нее. Нет сомнений! Носится вокруг нее в своей двуколке с охотничьими собаками! Вообще-то, об этом не стоит

говорить, но когда молодой человек, кто бы он ни был, появляется, предлагает свою любовь хорошенькой девушке, и обещает жениться, ему не следует отказываться от своих слов только потому, что он беден, а другая богата. Но почему, в таком случае, он продал своих лошадей, заложил свой дом, распустил слуг, и начал какие-то изменения в делах? И все сразу. Я ручаюсь вам, что он только и ожидает, когда это дело выгорит. Такого не следовало бы делать заранее, но что еще можно ожидать в его годы!

— А вы не знаете, что она за человек, эта мисс Грейс? Может она, так сказать, добродушна и мила?

— Я не слышала ничего предосудительного о ней, право, я очень мало слышу что-либо о ней. Разве, что миссис Тейлор сказала этим утром, что однажды миссис Уолкер утверждала, что мистер и миссис Эллисон не будут сожалеть, если мисс Грей выйдет замуж, потому что она и миссис Эллисон никак не уживутся друг с другом.

— А, кто такие Эллисоны?

— Ее опекуны, моя дорогая. Но сейчас она уже выросла и может выбирать жениха сама. Ну и хорошенький же выбор она сделала! — усмехнулась миссис Дженнингс и затем, после небольшой

паузы продолжила, — Ваша бедная сестра пошла к себе в комнату, я думаю, оплакивать сама себя. Разве ей ничем нельзя помочь? Бедная она, бедная! Похоже, не стоит оставлять ее одну. Хорошо, что у нас сейчас парочка друзей, и это, надеюсь, постепенно отвлечет ее. Во что бы нам такое сыграть? Она не любит вист, я знаю, но что же ей нравится? Какую еще игру придумать?

— Сударыня, не беспокойтесь. Она не будет не во что играть. Марианна вряд ли выйдет из своей комнаты до вечера. Я попробую, если смогу, уговорить ее отправиться пораньше в постель.

— Да, я думаю, это было бы лучше всего для нее. Пусть ей подадут ужин, и дайте ей лечь. Господи! Нет сомнений, что она так подурнела и расхворалась в последние две недели только из-за Уиллингби. А я смотрю, что-то моя девочка голову повесила! А письмо, которое она сегодня получила, окончательно добило ее. Бедняжка! Если бы я раньше слышала хоть что-нибудь об их разрыве, я бы не позволила себе шутить по этому поводу, даже ради всех своих денег. Но как я могла предположить такое? Я думала, что это обычная тайная переписка влюбленных. Господи, Боже мой! Как будут удивлены Сэр Джон и мои дочери, услышав это! Если бы я подумала

раньше, то могла бы заехать сегодня к ним на Кондуит-Стрит и рассказать обо всем. Но теперь я увижу их только завтра.

— Я думаю, не надо специально просить миссис Палмер или сэра Джона не говорить о Уиллингби в присутствии моей сестры. Их естественная доброта сама подскажет им, как себя вести, когда они увидят мою сестру. И чем меньше вообще будут говорить об этом деле, тем легче будет все перенести, поверьте мне.

— О Боже! Да, здесь я согласна. Я, должно быть, замучила вас своими разговорами на эту тему! Что же касается вашей сестры, то я больше не скажу ни слова ей о Уиллингби. Вы видели, я хранила молчание за обедом. И молчать, как я, будут все: сэр Джон, мои дочери, так как они обе очень разумны и рассудительны. Особенно, если я им намекну, как я часто это делаю. Что же касается меня, то, правильно, чем меньше мы будем упоминать об этом, тем скорее все уляжется, как говорится, «дуновенье ветра пронеслось и скрылось, что ж говорить теперь о нем?»

— В данном случае разговоры могут принести только вред, — заметила Элинор. — Очень часто к трагическим последствиям приводят ни сам печальный случай, а общественное мнение. Но

я просто обязана свершить этот акт правосудия над Уиллингби! Он не оставил о себе ни одного хорошего воспоминания!

— Совершенно справедливо! — подтвердила миссис Дженнингс, — И не старайтесь его защищать! Пусть у него теперь никогда не будет удачной помолвки, после того, как он возил ее с собой в Алленхэм и показывал каждую комнату, в которой они собирались жить!

Элинор, ради своей сестры, не могла больше говорить об этом. Она надеялась, что тема разговора не перейдет к обсуждению Уиллингби, так как репутация Марианны страдала от этого больше, чем его, если вся правда выйдет наружу. После короткого молчания, миссис Дженнингс, со свойственной ей всегда веселостью, заговорила снова.

— Хорошо, моя дорогая! Все это правда, что было сказано о пролетевшем дуновении ветерка. Вся эта ситуация на руку полковнику Брэндону. Он может теперь получить Марианну, так как он и мечтал. Помяните мое слово, вот увидите, они точно поженятся в середине лета. Господи! Как же он обрадуется всем этим новостям! Я думаю, что сразу же приедет сегодня вечером! Считаю, что лучшей партии для вашей сестры вы и не

найдете! Две тысячи фунтов годового дохода, без долгов и выплат! Ну, разве что на маленького ребенка… Право, я совсем забыла о его внебрачной дочери, но думаю, что она много не возьмет. А с другой стороны, какое это имеет значение? Делафорд очень красивое место, там старинный дом с хорошей мебелью, и сад, весь поросший зеленью и лучшие фрукты в Англии, а какая там сладкая шелковица у самой изгороди! Боже мой! Мы с Шарлотой однажды так ее наелись, ну, когда заезжали туда! Рядом есть чудесная голубятня, старый пруд и даже свой канал, и все, что только душеньки угодно! Более того, там недалеко церковь, всего четверть мили, так что как говорится «не поленись пойти за дом, в беседку сесть, что у болота, и будешь видеть ты притом дорогу, а на ней кареты». О! Какое это красивое место! Своя скотобойня недалеко в деревне, да и дом приходского священника в двух шагах — хоть камень брось, не промахнешься! Всё так близко! На мой вкус, там в сто раз лучше, чем Бартон-Парке, поскольку им приходится ездить за мясом аж за три мили, и никаких соседей вокруг, кроме вашей матери. Хорошо, но я должна срочно обрадовать нашего полковника. Как говорится, опустив одно плечо, обязательно поднимешь другое. Осталось

только выбросить этого Уиллингби из ее сердца! Ах, если бы это было нам по силам!

— Да, если бы мы могли это сделать, сударыня, — сказала Элинор, — мы бы совершили благое дело и без помощи полковнику Брэндону!

Поднявшись Элинор, она пошла к Марианне, которая, как она и ожидала, грустила в своей комнате у догорающего камина.

— Я хочу побыть одна, — сказала Марианна, заметив сестру.

— Да, я пожалуй, пойду, но только если ты ляжешь спать, — ответила Элинор.

Марианна попыталась возразить, но старшая сестра настоятельно, хотя и нежно убедила ее лечь, и не ушла, пока не увидела, что она, положив голову на подушку, уснула. Затем Элинор снова спустилась в художественную гостиную, где сидела миссис Дженнингс с бокалом в руке.

— Моя дорогая, — сказала она, — Я только сейчас вспомнила, что у меня в доме есть отличное старое вино «Констанция», это лучшее, что я когда-либо пробовала. Поэтому я захватила бокальчик и для вашей сестры. Мой бедный муж! Как же он его любил «Констанцию»! И когда бы его не мучил приступ подагры, он говаривал, что лучшего лекарства от нее, чем это вино, в мире

нет. Возьмите это для вашей сестры.

— Сударыня, — ответила Элинор с улыбкой, сопоставив диагнозы, при которых это средство прописывали больным и влюбленным. — Вы так добры! Но, Марианна уже легла и сейчас, я надеюсь, крепко спит. Думаю, что ничто так не восстановит ее силы, как хороший отдых. Если вы не возражаете, я бы выпила его сама.

Миссис Дженнингс, пожалев, что не пришла на пять минут раньше, была удовлетворена тем компромиссом, который предложила Элинор, которая подумала, чтоб не расстраивать добрую хозяйку и раз это средство помогло от приступов подагры, то оно может подойти и для ее неспокойного сердца. Не хуже, чем для ее сестры.

Полковник Брэндон приехал, когда Элинор и миссис Дженнингс сидели за чаем. По его изучающему взгляду, Элинор догадалась, что он уже в курсе всех последних событий. Миссис Дженнингс считала иначе, сразу же после его появления в комнате, она прошла к столику Элинор и прошептала:

— Полковник ничего еще не знает, судя по его суровому виду. Расскажите же ему всё сама, моя дорогая.

Он запросто поставил стул поближе к ней, и

с видом полной осведомленности, спросил о ее сестре.

— Марианне нездоровится, — ответила Элинор, — Она неважно себя чувствовала весь день, и мы уложили ее в постель.

— Возможно, потому… — он осекся, — что я слышал сегодня утром… что, возможно, это более правда, чем я мог бы поверить сразу…

— Что же вы слышали?

— Что джентльмен, которого для краткости назову просто «мужчина», который я знаю, был помолвлен… Но, как я могу вам это рассказывать, когда вы все уже сами отлично знаете!

— Вы имеете в виду, — ответила Элинор с натянутой спокойствием, — что мистер Уиллингби женится на мисс Грей. Да, мы это хорошо знаем. Похоже, что сегодня был день всеобщего образования, так как с самого утра нам это все «раскладывают по полочкам». Ах, мистер Уиллингби так не предсказуем! Где же вы всё это услышали?

— В большом магазине на Пэлл-Мэлл, где у меня были дела. Две женщины ждали свой экипаж, и одна из них пригласила другую к себе на вечер по случаю бракосочетания, и таким громким голосом, что я не мог не услышать имя Уиллингби,

Джон Уиллингби, четко! В первое мгновение я замер от удивления, а потом мне всё стало ясно. Из их разговора я понял, что все уже улажено, и скоро будет его свадьба с мисс Грей. Что это уже не секрет, и все состоится через несколько недель, со многими приготовлениями и подготовками, и т. п. Одну вещь я точно помню, так как она точно определила этого человека. Как только церемония должна была закончиться, они тут же отправлялись в Комб-Магну, его место жительства. Мое замешательство! Вы себе представить не можете, что я испытал! В магазине я узнал, что имя коммуникабельной женщины миссис Эллисон, и что она была опекуншей мисс Грей.

— Это так. А, разве, вы не слышали также, что мисс Грей имеет пятьдесят тысяч фунтов годового дохода? По-моему, здесь всё предельно ясно?

— Да, вполне возможно, но Уиллингби, способен и на..., я сейчас подумаю... — он остановился и дальше не стал продолжать, — А как же ваша сестра?

— Она очень переживает. Я только надеюсь, что это продлится недолго. Это было самое жестокое оскорбление её в жизни. До вчерашнего дня я еще верила Уиллингби и на что-то надеялась! Но теперь я окончательно убедилась, что он нико-

гда не имел в отношении Марианны серьезных намерений. Он оказался просто двуличным человеком.

— Ах так, — сказал полковник Брэндон, — теперь понятно! Но ваша сестра, если я вас правильно понял, уже не питает иллюзий.

— Вы знаете, она глубоко разочарована — сказала Элинор, — и должны понять, как бы она хотела бы наказать его за все!

Он не ответил ничего и после чая и партии в карты, об Уиллингби уже никто и не вспомнил. Миссис Дженнингс, с большим удовольствием наблюдавшая как беседовали, всё ждала, когда же полковник обрадуется этой новости, как дитя. Но, к ее удивлению, Брэндон в этот раз был более серьезным и озабоченным, чем всегда.

Марианна проснулась с тем же невыносимым ощущением тоски, с которым она ложилась спать.

Элинор не отходила от нее ни на минуту и с готовностью выслушивала сестру, уговаривая ее не прятать свою боль в тайниках души. И до того, как накрыли стол к завтраку, они уже несколько раз снова и снова пережили случившееся. Марианна каждый раз по-новому видела роль Уиллингби во всей этой истории, то представляла

его таким же пострадавшим и невиновным, как и сама, а иногда, сердилась на него и ничем не могла оправдать его поступок. В какой-то момент она становилась совершенно безразличной ко всему на свете, затем — давала сама себе обет безбрачия и, наконец, обещала себе стойко преодолеть трудности. Только в одном Марианна была постоянна, она старалась избегать миссис Дженнингс и сохраняла молчание в ее присутствии. Сердце Марианны с трудом верило, что миссис Дженнингс сумеет разделить ее горе.

— Нет! Нет, не может этого быть, — причитала она, — Она не может чувствовать! Ее доброта — не от симпатии ко мне, а ее мягкие манеры — не от нежности. Все, что ее интересует — это сплетни, и я — всего лишь источник для них!

Элинор не стала спорить с сестрой, хотя часто это делала, когда была с ней не согласна. Во всей этой истории только две вещи теперь имели для нее принципиальное значение: собственный непредвзятый взгляд на ситуацию и деликатность. Также, как и добрая половина всех людей на свете, Марианна, с ее прекрасными внешними данными и чувствительным сердцем, была не практична и не рассудительна. Она ожидала от других людей такого же отношения и восприятия,

как и ее собственное, и судила об их поступках в зависимости от впечатления, которое они на нее производили. Вот при таких обстоятельствах, две сестры оказались в одной комнате наверху после завтрака, который окончательно расстроил миссис Дженнингс. Насколько Марианна была поглощена своим несчастьем, настолько же миссис Дженнингс пыталась ей помочь. С зажатым в одной руке письмом и довольной улыбкой миссис Дженнингс вошла в их комнату, надеясь обрадовать Марианну:

— А теперь, мои дорогие, я принесла вам кое-что, что, несомненно, вам понравится!

Марианна замерла. Внезапно перед ее глазами мгновенно возникло письмо от Уиллингби, письмо полное извинений, признаний, и страстной мольбы о прощении, а сразу за письмом — его личный визит. Она живо представила, как он мечется в поисках ее по всем комнатам, падает на колени со слезами на глазах и просит ее руки. Но в следующий миг мираж рассеялся. Она узнала почерк своей матери. Марианна не смогла сдержаться и опять разразилась рыданиями, осознавая, что навсегда потеряла то, что несколько секунд назад опять представилось ей таким родным и любимым. Почувствовав себя неловко,

после целого ряда извинений хозяйка дома исчезла из комнаты, и оставила Марианну утешаться письмом из родного дома. Имя Уиллингби фигурировало в нем на каждой странице. Ее мать была в полной уверенности, что они помолвлены и что Марианна с Уиллингби будут обязательно счастливы. Только получив тревожное письмо Элинор, мать пыталась выведать, что же так беспокоит ее дочурку, в помолвке которой она не сомневалась. Читая письмо, Марианна рыдала. Ей нестерпимо захотелось домой, к маме!

Ее мама! Ее дорогая мама любила своих дочерей всем сердцем, хотя и очень ошибалась насчет Уиллингби! Марианна снова засобиралась в путь. Элинор, которая сама не знала, что сейчас лучше для Марианны, вернуться в Бартон или остаться в Лондоне, только посоветовала не спешить и дождаться решения матери об их отъезде. И Марианна согласилась подождать еще немного.

Миссис Дженнингс в этот день уехала из дома рано, так как спешила поделиться последними новостями с Миддлтонами и Палмерами. Она не стала, как обычно, уговаривать Элинор составить ей компанию. А сама Элинор с облегчением вздохнула, что ей сегодня не придется обсуждать всю эту историю с чужими людьми и решила

написать матери. Марианна вышла из комнаты в художественную гостиную, остановилась у столика, за которым Элинор писала письмо, и наблюдала за движением ее руки, слушая, как невыносимо скрипит перо по бумаге и еще более невыносимыми ей казались чувства, которые предстоит испытать ее матери.

Так прошла четверть часа, когда Марианна, чьи нервы уже не выносили никакого постороннего шума, вздрогнула, услышав, легкий стук во входную дверь.

— Кто бы это мог быть? — воскликнула она, — в такую рань! Я, надеюсь, что мы в безопасности!

Подойдя к окну, с облегчением добавила:

— А, это полковник Брэндон! Мы никогда от него не спрячемся.

— Но он, как тактичный человек, не войдет внутрь, если миссис Дженнингс нет дома.

— Я не очень в это верю, — ответила Марианна, отправляясь в свою комнату, — человек, который не знает, что ему делать со своим собственным временем, считает, что и другим тоже делать нечего.

Марианна оказалась права, тактичный человек действительно вошел в дом, не дождавшись приезда хозяйки. Элинор удивилась, но поняла,

что только забота о Марианне заставила его поступиться правилами этикета. Он искренне беспокоился о Марианне. И Элинор стало неловко от того, что сестра опять вышла, хлопнув дверью.

— Я встретил миссис Дженнингс на Бонд-Стрит, — сказал полковник буквально с порога, — и она направила меня сюда. Я тем более легко поддался этому приглашению, так как надеялся увидеть вас одну, чего мне так недоставало. Мой объект… мое желание, моя душа желает очень… я надеюсь, я в это верю… то, что говорят, дает удобство… нет, нет, я не должен говорить «удобство»… не настоящее удобство, а успокоение… длительное спокойствие вашей сестре. Мои желания для нее, для вас и для вашей матери…, вы, надеюсь, разрешите мне их объяснить… в связи с некоторыми событиями, которые ничего не значат, но имеют место быть в связи с мои пожеланием… я думаю, что мне стоит сообщить, так как много было проведено много часов в раздумьях, надеюсь, я прав буду, если… или может быть я не прав? — полковник запутался в словах и замолчал.

— Я поняла вас, — сказала Элинор, — вы хотите рассказать мне что-то о мистере Уиллингби, что

прольет свет на его характер. Вы сказали, что эти сведенья помогут Марианне. Молю, молю вас рассказывайте!

— Вы, возможно, помните, что когда я оставил Бартон-Парк в октябре… Но это ничего вам не говорит! Я должен начать чуть раньше. Вы найдете меня несносным рассказчиком, мисс Дэшвуд. Даже не представляю, с чего начать. Необходимо немного рассказать вам обо мне, сделать короткое вступление, в связи с таким событием, — он тяжело вздохнул, — мне придется быть немного многословным.

Он остановился, что-то вспомнил и затем, вздохнув еще раз, начал.

— Вы, возможно, уже забыли тот разговор (вряд ли он отложился у вас в памяти), тот разговор, который был у нас на вечере в Бартон-Парке. Помните, это был танцевальный вечер, и я еще упомянул леди, которую я знал, в некоторой связи с вашей сестрой Марианной.

— Конечно, помню, — сказала Элинор, внимательно посмотрев на него и ожидая продолжения.

— Если не ошибаюсь, у них очень много общего: та же открытость сердца, такая же впечатлительность и чувствительность. Та дама была одной из

моих родственниц, сирота, воспитанница моего отца. Мы были почти ровесники, с самого раннего детства мы росли вместе. Я не могу вспомнить тот момент, когда бы я не знал и не любил Элизу. Мое чувство к ней, так как мы росли вместе, было настолько же сильным, насколько угрюмым и серьезным я являюсь сейчас, и, по вашему мнению, уже не способен ни на какое чувство. А ее отношение ко мне было, я думаю, такое же, как Марианны к Уиллингби. Хотя это совсем другой случай, но мы были также несчастны. В семнадцать лет я ее потерял. Ее должны были выдать замуж, против ее воли, за моего брата. Ее наследство было велико, а вся наша недвижимость была уже заложена. Я думаю, это была главная причина, которая заставила так жестоко поступить человека, который был и ее дядей и опекуном в одном лице. Мой брат не был достоин ее, он даже не любил ее. Я надеялся, что ее любовь ко мне помогут ей преодолеть все трудности. На первых порах это так и было. Но скоро стало ясно, что ее положение ненормально. Она получала от моего брата только постоянную грубость, и хотя и не обещала мне ничего конкретно… О! Как я был слеп! Я не буду рассказывать, как все это произошло, но, в общем, мы решили сбежать с

ней в Шотландию. Но не успели. Предательство, а скорее глупость ее служанки, выдала нас. Я был выгнан из семьи, а ее лишили всяческого общения: ни свободы, ни общества, ни развлечений, пока воля моего отца не была выполнена. Я слишком понадеялся на ее твердость, но силы наши силы были слишком неравны… Да и было ли ее замужество счастливым? Я был так молод еще! И через несколько месяцев мне остались только одни сожаления. Но, как ни странно, это не главное. Мой брат не имел никаких претензий на нее. С самого начала он обращался с ней грубо. Результаты всего этого, несмотря на молодость, неопытность и жизнелюбие миссис Брэндон, были вполне естественны. Она сразу же столкнулась с суровой действительностью. Если бы она была счастлива в браке, возможно, всё было бы по-другому. Но могли ли мы все знать, что оставшись с таким мужем, который сам провоцирует неверность жены, и без друга, который мог удержать ее, что она может так низко пасть? (Мой отец умер через несколько месяцев после ее свадьбы, а я в то время служил в Восточной Индии). Если бы я тогда остался в Англии! Возможно, всё сложилось бы иначе, но я ошибочно полагал, что для нас обоих будет лучше, находиться как

можно дальше друг от друга, и не видится годами. Именно поэтому я попросился в колонию. Потрясение, которое я испытал, когда она вышла замуж, — продолжал полковник тихим голосом, полным волнения, — было ничто, по сравнению с тем, что я ощутил, узнав об их разводе два года спустя. С тех пор я стал так суров. Даже сейчас, при воспоминаниях об этом, я страдаю…

Он не мог спокойно говорить дальше, встал и немного прошелся по комнате. Элинор, потрясенная этим признанием, и особенное его эмоциональностью, не могла ничего ответить. Он, видя ее сочувствие, подошел к ней, взял ее руку, поднес к губам и нежно поцеловал. Через несколько минут, когда он немного успокоился, то продолжил:

— Прошло еще три года, прежде чем я вернулся в Англию. Первым делом я решил разыскать ее, но это оказалось столь же трудно, как и трагично. Я смог проследить ее путь только до ее первого соблазнения, и далее можно было только предположить, что она и далее пошла по пути греха. Ее доходы позволяли ей жить и без того, чтобы обеспечивать свое существование, но я узнал от своего брата, что это право она передала уже другому лицу. Его предположения, и только

предположения были таковы, что она могла передать такие права, только в порыве страсти. И наконец, по прошествии шести месяцев я всё-таки нашел ее. Благодаря своему бывшему слуге, который после моего отъезда в Индию попал в переделку и сел в тюрьму за долги. Он попросил меня вытащить его из долговой тюрьмы, а когда я пришел туда, то нашел там и мою сестру, она так изменилась за эти годы, увяла и состарилась раньше времени от страданий! Я с трудом узнал в сутулой, высохшей женщине, стоявшей передо мной, ту, которую когда-то любил до безумия — цветущую, полную жизни и красоты девушку! Что же теперь я испытывал, обнимая ее? Но я не стану дальше расстраивать вас. Я уже и так сказал достаточно. Но это создание, которое я увидел, кем бы она ни была, и было последней точкой на долгом пути, которым я шел и тем, что я так искал — моим удовлетворением! Жизнь для нее уже ничего не значила, и была лишь затянувшимся приговором к смерти, что вскоре и произошло. Я видел ее помещенной в хорошую камеру с хорошим уходом, за ней. Я навещал ее теперь часто, почти каждый день в ее последние часы, и я был с ней и в момент ее кончины…

Опять он прервал свой рассказ, чтобы немного

отойти от воспоминаний, захлестнувших его. Элинор сопереживала ему всем сердцем.

— Простите, что я сравнил ваша сестру с этой женщиной, моей бедной родственницей. Я не хотел обидеть вас. Их судьбы не могут быть схожи: безрадостное будущее у одной, и, возможно, счастливое замужество у другой, чего, я надеюсь, и вы ей желаете. Но, к чему я это все рассказал? Похоже, что я потряс вас своим разговором и все зря. Ах, да-да, мисс Дэшвуд! Смысл всех моих слов таков, что опасно ворошить то, что было брошено нетронутым в течение четырнадцати лет! Вообще, я буду более точен, более решителен! Она оставила на мое попечение свою дочь, маленькую девочку — плод ее первой измены. Крошке было тогда три года. Мать очень любила ребенка и всегда возила с собой. Это был знак высочайшего доверия ко мне, и я старался заменить девочке мать и отца, и воспитывать ее правильно. И хотя у меня не было семьи, она получила воспитание и поступила в школу. Я навещал ее там, когда только мог, а после смерти моего брата, который оставил мне все наше состояние, она часто навещала меня в Делафорде. Я называл ее своей дальней родственницей, но я уверен, что на самом деле не был ей самым близким

родственником. Это только сейчас, уже три года (сейчас ей четырнадцать лет), как я забрал ее из школы и поселил под присмотром одной, очень хорошей женщины в Дорсетшире, у которой уже было четыре или пять таких же девочек такого же возраста. Почти два года я был доволен этим. Но в прошлый февраль, около 12 месяцев назад, она вдруг исчезла. Я разрешил ей (в общем, когда об этом говорили) поехать с одной из ее подруг навестить отца с Бейве. Я знал его, как очень хорошего человека, и я хорошо думал о его дочери. Оказывается, лучше, чем она была на самом деле. Дочь этого человека все держала в тайне, хотя знала заранее о побеге, и не оставила даже никакой ниточки, чтобы найти их. Ее отец, хорошо разбирающийся в делах, но недальновидный человек, смог только известить меня и сообщить, что не знает где они. Так как он был прикован к постели, девочки отправились искать случайных знакомых в городе, и он пытался меня уверить, что они еще не испорчены и неопытны в этом. В общем, я ничего не понял, кроме того, что она исчезла, и остальные восемь месяцев потрачены были только на догадки, где она? Что я думаю? Что я чувствую? Можно только представить, как я страдаю…

— Святые небеса! — воскликнула Элинор, — разве возможно, что… что б это… был Уиллингби?!!

— Первые известия, которые я получил о ней, были в письме от нее в октябре. Оно было направлено мне из Делафорда. Я получил его, как раз, в то утро, когда мы назначили встречу у Уитвеллов, и это была причина, по которой я так внезапно покинул вас в Бартон-Парке, что показалось таким странным всем и что дало повод для насмешек. Вряд ли мистер Уиллингби знал, я могу предположить, когда его взгляды обвиняли меня в невежливости по отношению вам, что я был вызван освободить того, кого он сам сделал бедным и несчастным. Но может он знал об этом, вот что очень важно? Был ли он менее весел или менее счастлив, когда улыбался вашей сестре? Нет, он поступал так, как только может человек, бесчувственный к другим. Он бросил молодую и невинную девочку, которую обольстил, при обстоятельствах, которые просто потрясают: без дома, без средств, без надежды, без друзей. Он оставил ее, обещая вернуться, но так и не вернулся, забыв о ней.

— Это просто уже сверх всего! — воскликнула Элинор.

— Теперь вы всё знаете о нем, богатый и избало-

ванный, и даже хуже, чем все это вместе. Зная все это, я был в раздумье, следует ли мне рассказать вам обо всем, чтоб нарисовать его точной портрет, перед его женитьбой на Марианне. Когда я пришел к вам на прошлой неделе и увидел вас одну, то хотел узнать всю правду о женитьбе, чтоб решить, как совместить все это с тем, что я уже знал. Тогда мое поведение показалось вам странным, но теперь, вы знаете почему. Я страдал, видя вас всех так обманутыми, но что я мог сделать? Я не хотел вмешиваться в счастье мисс Марианны, но в то же время надеялся на то, что под влиянием вашей сестры он исправился. Но теперь, после такого бесчестного обращения с ней, кто мне может сказать, что он все еще имеет на нее виды? И какие бы они не были, она все равно не должна надеяться на него и отвернуться от него. Если она только сравнит свою ситуацию с тем, что произошло с моей бедной Элизой! Когда Марианна увидит всю безнадежность и беспомощность положения бедной девушки, испытывающей жгучее чувство к Уиллингби, возможно, найдет его таким же сильным, как свое к нему. Вероятно, только тогда, ваша сестра почувствует, что ее собственные тяготы, которые не ведут к дурному поведению и не принесут позора в обществе, ни-

что по сравнению со страданиями другой души. Но с другой стороны, каждый друг Марианны, будет ближе к ней благодаря этим треволнениям. Избавление ее от несчастий и уважение к ее будущему, должны только укреплять любые ее знакомства. Попробуйте сопоставить ваше собственное отношение к ее проблемам с тем, что я вам сейчас рассказал. Если бы я не надеялся от всего сердца на то, что это даст ей хороший урок и уменьшит ее страдания, то не потревожил бы вас с такими воспоминаниями о проблемах моей семьи. Я не желал бы, чтобы думали, будто стремлюсь выглядеть лучше за счет других.

Элинор пообещала полковнику, что обязательно всё в нужном свете преподнесет Марианне.

— Я была просто потрясена, — сказал она, — попыткой моей сестры оправдать его, она верит, что он оставил ее против своего желания. Но, теперь, после того, что она услышит, ей станет еще больнее, но скоро, хотя и не сразу, все пройдет. Я надеюсь на лучшее! А вам случалась, — продолжила она после паузы — встречать мистера Уиллингби после этого?

— Да, — он ответил подавленно, — только раз. Эта встреча была неизбежна.

Элинор пристально посмотрела на его и спро-

сила:

— Что? Вы с ним….

— Я встретился с ним только по одному поводу. Элиза созналась мне, пусть не сразу, и назвала имя ее любовника. Когда он вернулся в город, это было через две недели после моего приезда, мы встретились на дуэли. Он — чтоб защищаться, я — чтоб наказать его за поведение. Мы вернулись без ран, но наш поединок еще не окончен.

Элинор хотела подчеркнуть, что нет необходимости в таких крайних мерах, но, видя перед собой мужчину и воина, она промолчала.

— Таким образом, — сказал полковник — дочь повторила судьбу матери. А я так и не смог выполнить обещание, данное последней!

— Она все еще в Лондоне?

— Нет, как только она поправилась и встала с постели, я нашел ее почти сразу же после родов, я вывез ее и ребенка в провинцию, где они и находятся сейчас.

Затем Брэндон спохватился и сказал, что Элинор сейчас не стоит надолго оставлять сестру одну и попрощался, а она Элинор еще раз искренне поблагодарила этого человека, к которому она теперь испытывала не только сострадание, но и уважение.

Глава 17

Когда Элинор с некоторыми купюрами рассказала эту историю сестре, то была удивлена, с каким спокойствием Марианна выслушала ее. Не то, чтоб Марианна совсем не поверила ей или усомнилась в каких-то деталях. Она даже не сопротивлялась, не опровергала услышанное и не заступалась за Уиллингби, а только молча слушала и думала о своем. И только слезы, которые капали из глаз, доказывали, увы, она не собирается усомниться в услышанном. Элинор, по мере того, как говорила, сама убеждалась в том, что вина Уиллингби давно осознана ее сестрой. И это дало первые результаты. Марианна уже не выбегала из комнаты, когда входил полковник Брэндон, и разговаривала с ним, если не всегда с удовольствием, то, во всяком случае, уже без прежней жалостливости к нему. Хотя Марианна чувствовала, что стала менее раздражительной, но ее глубокая сердечная рана еще не затянулась. Спокойствие обернулось подавленностью и депрессией. Порочность Уиллингби ей, как оказалось, перенести даже тяжелее, чем их рас-

ставание. И еще эта ужасная история, которая произошла с соблазненной и покинутой мисс Уильямс! Марианна начала осознавать, что сама едва не повторила печальной участи этой бедной девушки, и от этого ей становилось настолько не по себе, что она боялась поделиться своими терзаниями даже со старшей сестрой, от которой у нее не было тайн.

Чтобы передать, те чувства, которые испытала в Бартоне миссис Дэшвуд, когда получила письмо от своей старшей дочери, надо представить переживания Марианны и Элинор вместе, взятые, и это будет лишь малая часть тех страданий, которые выпали на долю их матери. Ее разочарование в Уиллингби было не менее болезненным, чем у Марианны, а чувство оскорбления — больше, чем у Элинор. Она писала своим дочерям едва ли каждый день. В своих посланиях мать пыталась утешить и поддержать Марианну, и верила, что всё у нее еще сложится. Затем призывала ее не падать духом. Каким огромным должно было быть горе Марианны, если ее мать взывала ее к мужеству! И требовала не прощать нанесенных обид!

Миссис Дэшвуд скучала по дочерям, но вопреки своим материнским чувствам, решила, что

для Марианны будет лучше жить где угодно, но только не в Бартоне, где все, чтобы она не видела, сразу же напоминало ей о счастливых днях с Уиллингби. Поэтому она посоветовала своим девочкам, всеми возможными способами, продлить свой визит к миссис Дженнингс, срок которого не был заранее оговорен, но согласно правилам приличий, не мог быть дольше пяти или шести недель. Разнообразие лондонской жизни должно было отвлечь Марианну от грустных мыслей, которые неизбежно будут дерзать ее в Бартоне. И это был, пожалуй, тот редкий случай, когда все три дамы сошлись во мнении.

Мисс Дэшвуд считала, что в Лондоне Марианне будет сложней встретить Уиллингби, чем в Бартоне. Ведь теперь все ее друзья, порвут с ним всякое знакомство. Специально их никто сводить не станет, по недосмотру такая встреча вряд ли произойдет, случайная встреча в городской суете еще менее вероятна, чем в глуши Бартона, куда после скорой свадьбы обязательно приедут погостить новобрачные и, наверняка, остановятся по соседству в Алленхэме. У нее была и другая причина, чтобы ее девочки оставались в Лондоне, ее приемный сын собирался с семьей приехать в город в середине февраля, и мать семейства

искреннее желала, чтобы родственные узы не прерывались.

Марианна не стала спорить с матерью, хотя единственное, чего ей сейчас хотелось — выплакаться у нее на груди. Она считала, что только материнская доброта сможет исцелить ее от сердечного недуга, а шумное лондонское общество вряд ли даст ей того покоя, которого так хотела ее душа.

Впрочем, она утешала себя тем, что несчастье одной сестры может обернуться радостью для другой. Элинор же наоборот, согласна была задержаться здесь еще и даже, о ужас, встретить Эдварда, лишь бы Марианна как можно дольше не возвращалась в Девоншир.

Ее искренние старания уберечь сестру от каких-либо упоминаний о Уиллингби не прошли даром. Ни миссис Дженнингс, ни сэр Джон, ни даже миссис Палмер при ней о нем никогда не вспоминали. Элинор хотела бы, чтобы эта тактичность иногда касалась и ее, но тщетно. Как только Марианна выходила за дверь, на старшую мисс Дэшвуд обрушивался поток всеобщего негодования по отношению к Уиллингби.

Сэр Джон отказывался верить своим ушам! Человек, о котором он знал только хорошее!

Весельчак и отменный наездник! Оказался такой подлец! Нет, это просто немыслимо! Пусть отправляется к дьяволу, туда ему и дорога. Он больше ему слова не скажет, где бы они ни повстречались, да ни за что на свете! Даже в бартонской роще в засаде на птиц, хотя бы они два часа ждали там бок о бок! Какой негодяй! Какая подлая собака! А ведь когда они в последний раз виделись, он предложил ему выбрать любого щенка своей суки Шалуньи! И вот, нате вам!

Миссис Палмер тоже была возмущена. Она грозилась порвать все приглашения, которые получит от него и, по ее словам, была очень рада, если бы вообще не была с ним знакома! Как она счастлива, что имение Комб-Магна находится так далеко от Кливленда! Но это ничего не значит, что они так далеко живут друг от друга, она так просто это не оставит, и всем своим знакомым расскажет, какой он бездельник!!!

Остаток душевных сил миссис Палмер был направлен на обсуждение всех деталей предстоящей свадьбы мистера Уиллингби, что она и сделала с Элинор. Она скоро сможет сказать, какой каретный мастер сделает новый экипаж, чьей работы был медальон мистера Уиллингби, и в каком магазине могли видеть платье мисс

Грей.

Только леди Миддлтон выражала свое негодование молча, и это радовало Элинор. Всегда приятно в такой ситуации, когда в кругу друзей найдется кто-то, кому ты совершенно безразличен. И это как раз тот случай, когда для здоровья сестры лучше всего, когда о нем вообще не спрашивают.

Свое мнение леди Миддлтон выражала редко, всего один и два раза в день, но метко. Она ни с того ни с сего вдруг произносила одно слово: «Жуть!» и снова погружалась в свой богатый внутренний мир. Благодаря этой редкой деликатности леди сохранила прекрасные отношения с сестрами Дэшвуд, которые по-прежнему бывали у нее, и подумывала добавить блеска своим званым вечерам, вопреки мнению сэра Джона, пригласив сразу же после свадьбы миссис Уиллингби, чье влияние гарантировало не последнее положение в обществе.

Что касается полковника, то его осторожные расспросы не раздражали старшую мисс Дэшвуд. Он честно заслужил право быть причастным к их семье своими благородным стремление облегчить участь Марианны. Он стал замечать, что постепенно она прониклась к нему друже-

ской симпатией, а у Элинор появлялась надежда, что это чувство в дальнейшем станет больше, чем дружба. И только миссис Дженнингс не хотела ждать и постоянно сокрушалась, отчего полковник всё еще печален и никак не сделает Марианне предложение. Через несколько дней она потеряла надежду, что их свадьба состоится, как она предрекала, в середине лета — на Иванов день, и мысленно перенесла ее на позднюю осень — на Михайлов день, а неделю спустя вообще разуверилась в этом браке. Всё чаще она стала задумываться над тем, что если дело так пойдет и дальше, то шелковица у изгороди, канал и цветущий сад с беседкой достанутся старшей мисс Дэшвуд. Она так увлеклась этой новой идей, что в какой-то момент забыла о существовании мистера Феррарса.

В начале февраля, спустя две недели после страшного письма Уиллингби, Элинор предстояло сообщить сестре неприятное известие о его женитьбе. Она решилась рассказать ей об этом, сразу после того, как церемония завершилась, чтобы Марианна не узнала об этом случайно из утренних газет. Марианна восприняла это известие стойко и всем своим видом старалась показать, что ничего особенного в ее жизни не

произошло.

Супруги Уиллингби уехали из города сразу после свадьбы и Элинор решила вывести свою сестру на люди, где они не появлялись с того самого дня, как пришло роковое письмо.

Как раз в это время в Лондоне появились и две мисс Стиллс. Они прибыли в город в модном экипаже своей кузины и поселились в Бартлетт-Билдинге, около Холборна. С корабля они сразу отправились на бал и появились на званом вечере в Кондуите, затем на Беркели-Стрит, и опять везде пришлись ко двору…

Пожалуй, только одна Элинор жалела об их приезде. Она боялась этой встречи после того самого неприятного разговора с Люси в Бартоне, но всё-таки они вскоре и встретились и мисс Стиллс, была так рада видеть Элинор, что ей стало не по себе.

— Я бы просто не пережила, если бы вы уехали из Лондона до нашего приезда, — ухмыльнулась она, нарочно подчеркивая некоторые слова. — Я всегда знала, что увижу вас здесь. Хотя вы говорили мне, помнится еще в Бартоне, что вы не останетесь здесь и месяца! Но я тогда уже думала, что вы обязательно измените свое решение, когда приедете сюда! Было бы жаль уехать из

города, не повидавшись с вашими братом и его женой! Теперь я знаю, что вы не будете торопиться уехать отсюда. Я так рада, что вы не сдержали своего слова!

Элинор прекрасно слышала это, но заставила себя напрячь все силы, чтобы показать, что она не поняла намека.

— Вот и славно, мои дорогие, — вмешалась в разговор миссис Дженнингс, — а как вы доехали?

— Да, уж не в почтовой карете, — язвительно ответила мисс Стиллс, — мы ехали с персональной почтой всю дорогу, и имели очень приятного попутчика. Мистер Дэвис ехал в город, и поэтому мы решили поехать вместе с ним на почтовых лошадях. Он вел себя очень осторожно, и даже заплатил на десять или двенадцать шиллингов больше, чем платят обычно.

— О! О! — воскликнула миссис Дженнингс, — очень, очень, мило, а доктор к тому же холост, я знаю!

— Почему-то теперь, — сказала старшая мисс Стиллс, — все подшучивают надо мной по поводу доктора, и сама не знаю почему! Моя кузина считает, что у нас был небольшой роман. Но, я и думать не могла о нем дольше, чем всего се-

кунду после каждого часа перед следующим! «О Боже! — дразнила меня кузина, посмотри в окно, там идет твой кавалер, Ненси». «Мой кавалер, это точно» — сказала я, хотя и понятия не имела, кто бы это мог быть? Доктор мне не пара.

— О! Как интересно! Он точно, не подойдет! Доктор уже солидный мужчина!

— Нет, совсем нет, — возразила ее кузина, с чувством, — И я прошу вас, так не говорить о нем.

Миссис Дженнингс тут же заверила ее, что конечно она так не сделает, и мисс Стиллс была вполне счастлива.

— Я предполагала, что вы остановитесь у вашего брата с невесткой, мисс Дэшвуд, когда приедете в город, — сказала Люси, внимательно наблюдая за тем, как отреагируют Элинор.

— Нет. Мы не планировали.

— Нет, вы ведь именно так и сказали.

Элинор не стала развлекать ее пререканиями.

— Удивительно, что миссис Дэшвуд решилась надолго отпустить двух своих дочерей! Вы уже провели в Лондоне столько времени… — продолжала язвить Люси.

— «Столько времени»? Что вы, — вмешалась миссис Дженнингс, — да они только приехали!

Люси замолчала.

— Мне очень жаль, что мы так и не увидели вашу сестру, среднюю мисс Дэшвуд, — сказала мисс Стиллс, — Поговаривают, что она не здорова, раз вышла из комнаты сразу, как мы приехали.

— Вы так добры и наблюдательны! Представляю. Как расстроится моя сестра, не увидев вас, но у нее разболелась голова, и она не в состоянии вести или слушать эту беседу!

— Ах! Боже мой, какая жалость! Такие старые друзья ее, как Люси и я, думаю, должны обязательно ее увидеть! Мы ей и слова лишнего не скажем!

Элинор с большой вежливостью отклонила предложение:

— Сестра, наверное, легла в постель, или уже в халате, так что не сможет никого принять!

— Всего-то? — воскликнула мисс Стилс, — тогда мы пойдем и сами навестим ее.

Это было уже слишком даже для терпеливой Элинор, и она спасла положение тем, что посоветовала Люси, если ей не хватает собственного воспитания — одолжить его у сестры.

После некоторого сопротивления, Марианна уступила своей сестре, и они в компании миссис Дженнингс вышли из дома всего-то на полчаса, чтобы, никуда не сворачивая по пути, дойти до

магазинчика Грейса в Сэквилле, где Элинор хотела договориться с ювелиром об обмене несколько старых украшений ее матери.

Но как только они оказались у дверей ювелира, миссис Дженнингс вдруг вспомнила, что совсем рядом живет одна ее знакомая, к которой она давно обещала заглянуть, а поскольку у нее не было никаких дел у Грейса, то она предложила молодым девушкам пойти без нее и обещала встретить их на обратном пути.

Когда они вошли внутрь, то посетителей было так много, что все продавцы были заняты, и барышням пришлось ждать своей очереди. Все, что они могли сделать — это выбрать очередь покороче, так они поступили. Подойдя к прилавку, у которого стоял только один молодой джентльмен, они сели на мягкие стулья и стали ждать. Но когда Элинор внимательнее присмотрелась к нему, то поняла, что он настолько дотошный клиент, что вряд ли быстро исчезнет. Точность глазомера и тонкость вкуса этого джентльмена, похоже, давно победили его хорошие манеры. Он сам отдавал указания о покупке зубочистки и шкатулки к ней, и долго определял их размер, форму и ювелирную отделку. Он тщательно осматривал каждую зубочистку и каждую коро-

бочку и препирался с продавцом целых полчаса, пока, наконец, его изысканный вкус не был полностью удовлетворен, а терпение клерка не иссякло. Все это время он высокомерно вертел головой по сторонам и делал вид, что не замечает двух молодых леди, сидящих в очереди, а затем так пристально и бестактно уставился на них, что Элинор смогла запомнить этого человека. Его лицо было строгим, но простоватым и не красивым, и даже дорогой костюм с иголочки от лучших портных Лондона не мог сделать из него светского льва.

Марианна, к счастью, как будто не замечала этого невыносимого мелочного торга из-за зубочисток и бесцеремонного взгляда в их сторону, она была вне того, что проходило перед ее глазами, будь то в магазине Грейса или в ее спальне.

Наконец, дело было сделано. И остановив свой выбор на слоновой кости, золоте и жемчуге, джентльмен, назвал дату, до которой он сможет существовать без инкрустированной зубочистки в футляре, затем жеманно-аккуратно надел перчатки, еще раз покосился на Элинор, ища в ее глазах восторг и восхищение своей персоной и, не найдя его, вышел с наигранной манерностью.

У Элинор теперь почти не оставалось времени

и она торопливо начала улаживать свои дела с ювелиром, и почти договорилась, когда у нее за спиной возник другой джентльмен. Она повернулась к нему и с удивлением узнала своего брата.

Место их случайной встречи как нельзя лучше подходило к их товарно-родственным отношениям. Элинор искренне обрадовалась сводному брату, он тоже не сделал вид, что не знает двух барышень и, что было им особенно приятно, учтиво расспросил о самочувствии их матери.

Как выяснилось, он и его супруга миссис Фанни приехали в Лондон два дня назад.

— Я очень хотел навестить вас еще вчера, — сказал Джон, — но это было невозможно, так как мы должны были сначала показать Гарри диких зверей в Экзетер-Эксчендж, и мы провели весь день там с миссис Феррарс. Гарри там очень понравилось. А сегодня утром я дал себе слово обязательно зайти к вам, если, конечно, выкрою хоть полчаса времени, потому что всегда много дел, когда долго не был в столице! Я приехал заказать для Фанни собственную печать. Но завтра я обязательно зайду к вам на Беркли-Стрит и с удовольствием официально представлюсь вашей миссис Дженнингс. Я понял, что это хорошая женщина с очень хорошим состоянием.

Кстати, Миддлтоны, говорят, тоже ей под стать. Вы должны нас с ними познакомить. Так как они приходятся дальними родственниками моей тещи, то я был бы рад выразить им свое уважение. Вам повезло с соседями в Бартоне, насколько я понимаю.

— Право же, великолепные соседи. Они сделали всё, чтобы мы чувствовали себя комфортно и стали нам лучшими друзьями.

— Я чрезвычайно рад это слышать, честное слово, чрезвычайно рад. Но, как бы там ни было, это люди с очень большим достатком. Они хорошо относятся к вам, и каждые знаки вежливости и расположения к вам должны быть использованы вами с умом. Следовательно, вы хорошо устроились в своем коттедже и ни о чем не желаете. Эдвард дал нам очень приличное описание места, и достаточно полное по — своему, и он сказал, что, похоже, вы там пришлись ко двору, несмотря на всякое. Это было большое удовольствие для всех нас, услышать это… я вас уверяю.

Элинор было неловко за своего брата, и она не видела необходимости отвечать ему, тем более появился слуга миссис Дженнингс и сообщил, что она ждет барышень у дверей магазина.

Мистер Дэшвуд проводил их вниз по лестнице,

где и был представлен миссис Дженнингс, и повторив свое заверение, что обязательно завтра нанесет им визит, удалился.

Его вексель о визите был полностью оплачен. Он явился с извинениями за свою жену, которая не смогла прийти, так как очень ухаживает за своей матерью и не может оставить ее. Миссис Дженнингс, успокоила его, что она не придерживается строгих правил этикета, так как они все двоюродные родственники, или что-то вроде этого, и с удовольствием примет миссис Дэшвуд, когда той позволят обстоятельства. Джон вел себя на удивление сдержанно и почтительно, а по отношению к миссис Дженнингс — особенно изыскано. А на полковника Брэндона, который появился вскоре после него, он посмотрел с неподдельным интересом и надеждой, что этот новый контакт окажется весьма полезным, а джентльмен — весьма состоятельным.

Он пробыл у них, как и планировал накануне, полчаса и попросил Элинор проводить его к сэру Джону и леди Миддлтон, чтоб представить его им. Погода была на удивление хорошая, и она с готовностью согласилась. Как только они вышли из дома, он нетерпеливо спросил ее:

— А кто, этот полковник Брэндон? Он богат?

— Да, у него очень хорошее имение в Девоншире.

— Ах, как я рад этому! Он выглядит истинным джентльменом. Я думаю, Элинор, что могу тебя поздравить с перспективой хорошо устроиться в этой жизни.

— Меня? Брат, почему меня?

— Ты ему нравишься. Я внимательно смотрел за ним, и я уверен в этом. А как велико его состояние?

— Я точно знаю, что около двух тысяч фунтов годового дохода.

— Две тысячи годовых, — повторил он, затем добавил с большим энтузиазмом, — Элинор, я желаю от всего сердца, чтоб оно увеличилось в два раза, когда станет твоим!

— Право, приятно слышать, — улыбнулась Элинор, — но я не думаю, что полковник Брэндон имеет виды на меня.

— Ты ошибаешься! Элинор, ты слишком ошибаешься. Только маленькая проблема с твоей стороны удерживает его. Возможно, он нерешителен, так как твое небольшое приданое отпугивает его, или его отговаривают добрые друзья. Но некоторое их расположение и воодушевление, которое эти люди могут ему дать, решат дело,

даже несмотря на его собственные желания. И здесь нет причин, почему бы тебе не подумать о нем. Это, конечно, не означает, что некоторые маленькие шаги в его сторону (ну, ты понимаешь какие!), не следует предпринять… ну а различные условности, я думаю, что ты достаточно разумна, чтоб не обращать на них внимания! Полковник Брэндон — зрелый мужчина, и я желаю только, чтоб он увлекся тобой! Буду рад вашему союзу! Это было бы всем выгодно. Короче говоря, это то, — понизив голос, он окончил, — что могло бы устроить все стороны, — и, поправив себя, — я имел в виду, что ваши друзья были бы рады этому. И Фанни тоже, так как очень переживает за вас. Она очень сердечная женщина. Думаю, это было бы большой радостью для нее, о чем она не раз уже говорила мне.

Элинор промолчала в ответ.

— Это было бы просто замечательно, — не унимался брат, — даже забавно, если Фанни вдруг получила бы нового брата, а я — сестру в одно и то же время! Пожалуй, это просто чудесно!

— А что, мистер Феррарс женился? — спросила Элинор, заканчивая разговор.

— Не то, чтобы точно решено, но, похоже, что так и будет. У него самая замечательная мать.

Миссис Феррарс — очень решительная женщина, заявила, что отдаст ему тысячу фунтов годового дохода, если его выбор ее удовлетворит. Леди зовут «Благородная» мисс Мортон, она единственная дочь лорда Мортона, с тридцатью тысячами фунтов годового дохода. Замечательный союз для двух сторон, и я не сомневаюсь, что скоро он состоится. Тысяча фунтов в год — достаточно большая сумма для матери, чтоб больше не вмешиваться в дела сына, но у миссис Феррарс очень честолюбивые планы. Могу предоставить вам и другой пример широты ее взглядов. Однажды, когда мы только что приехали в Лондон, поверьте, что деньги не были в достатке тогда у нас, она вручила Фанни чек на две сотни фунтов! И это было очень приятно, поэтому мы живем «на широкую ногу» здесь.

Он помолчал, дожидаясь ее восхищения добродетельностью миссис Феррарс, но она спокойна ответила.

— Ваши расходы как в городе, так и дома должны быть разумными, но ваш доход и так не мал.

— Не такой уж и большой, могу сказать. Я не собираюсь жаловаться, но вместе с тем, он на удивление маловат, но, я надеюсь, со временем все же увеличится. Соседство с имением

Норланд-Коммон, граница которого сейчас приблизилась к нашей, очень сокращает доходы. И я тоже сделал небольшую покупку полгода назад. Приобрел ферму Ист-Кингхам, вы знаете ее, там когда-то жил старый Гибсон. Земля была полностью неинтересна для меня со всех точек зрения, но так глубоко вклинилась в мои владения, что я почувствовал, что должен ее купить. Я не мог позволить ей попасть в чужие руки! Мужчина должен платить за свои убеждения! И эти убеждения стоили мне кучи денег.

— Вы считаете, что заплатили за нее больше, чем она действительно стоила, вы так думаете?

— Нет, почему же. Я так не думаю. Я вынужден был сразу же продать ее, на следующий день, и за еще большую сумму. Но я не воспользовался полученными деньгами, так как цены на акции упали, и если б мой банкир не имел под рукой этой необходимой суммы, вынужден был бы продать часть ценных бумаг с большими убытками.

Элинор смогла только улыбнуться.

— Следующие большие расходы я понес, когда приехал в Норланд. Ваш покойный отец, как вы помните, завещал все имущество имения Станхилл (и достаточно лакомый кусок!) вашей матери, в связи с чем, нам пришлось приобретать

много столовой и домашней утвари, посуды и прочего, что б заполнить пустые места в доме. Вы можете себе представить, после всех этих расходов, как не богаты мы теперь, и как велико было проявление доброты миссис Феррарс.

— Естественно, — сказала Элинор, — в соответствии с ее широтой взглядов и свободой поведения, я думаю, вам легко жить с такой тещей.

— Через год или два наше финансовое положение наладится, я думаю, — сказал он серьезно, — но сейчас, все равно, очень много других дел и расходов. Еще даже не заложили для Фанни оранжерею, и нет плана цветника.

— А где будет оранжерея?

— Сразу же за домом. Старые ореховые деревья все повалились, и теперь там есть место. Это будет райский уголок, заметный со всех точек парка, и цветник как раз рядом. Будет хорошо! Мы уже выкорчевали весь терновник, который разросся там.

Элинор промолчала и была рада, что Марианна этого не слышит, так как она обязательно расстроилась бы, узнав, что у дома в Норланде спилили ее любимые старые деревья, с такими прекрасными, причудливо изогнутыми ветвями.

Рассказав о своей непреодолимой бедности и пообещав купить сестрам по паре сережек в магазине Грейса, но только в следующий раз, Джон вспомнил о миссис Дженнингс, которой был представлен накануне.

— Она кажется почтенной и влиятельной особой. Всё говорит о ее высоком статусе в Лондоне: и особняк, и стиль жизни и годовой доход. Это очень славное знакомство не только дает нужные связи, но может принести и материальные плоды. Ее приглашение в Лондон говорит лишь об одном, вы понравились этой влиятельной леди. Впрочем, возможно, как и всё семейство Дэшвудов… А когда она умрет, может быть и вы не будете забыты. Она должна много оставить после себя…

— Я об этом даже думать не хочу, вся ее собственность по праву перейдет к ее детям и внукам.

— Но трудно предположить, что она тратит весь свой доход. Наверняка кое-что откладывает про запас и накопила уже предостаточно.

— А не думаешь ли, что более правильно будет оставить это собственным дочерям, чем нам?

— Ее дочери обе удачно вышли замуж, и я не думаю, что она должна о них и впредь беспокоиться. Раз она принимает такое участие в вашей

судьбе, то почему бы ей не позаботиться и о вашем будущем, выделив малую толику из своего состояния, которой вам не стоит брезговать. Ничего не может быть более доброго с ее стороны, чем оставить вам кое-что, кроме заботы.

— Но, она на такое даже не намекала! Право, брат, ты очень заботишься о нашем состоянии, но зашел слишком далеко.

— Ну, почему же, — он тут же подумал о себе самом, — раз люди имеют так мало. Да, моя дорогая Элинор, а что случилось с Марианной? Она выглядит не так хорошо, бледна, и очень похудела?

— Последнее время ее нервная система подвергалась некоторым испытаниям.

— Ах, как жаль. В ее возрасте любая болезнь может привести к потере здоровья. Она так мало цвела! Была такая прекрасная девочка в сентябре, каких я когда-либо видел, что могла сразить наповал. Что-то было в ее красоте, что нравится мужчинам. Помню, Фанни сказала о ней, что она скоро выскочит замуж и удачней, чем ты. Совсем не потому, что она хотела задеть тебя, просто это ее поразило. Она ошиблась, как видно. Я теперь сомневаюсь, что Марианна сможет выйти замуж за человека с доходом в пять или шесть сотен фунтов в год, и я очень расстроюсь,

если ты не сможешь сделать лучше. Делафорт! Я плохо знаю это место, моя дорогая Элинор, но я бы очень хотел узнать больше о нем. И я думаю, ты будешь рада видеть нас с Фанни среди своих частых визитеров!

Элинор постаралась объяснить ему как могла, что нет никакой надежды на то, что она выйдет за полковника Брэндона. Но брат думал не столько о счастье сестры, сколько о себе и решил сделать всё возможное, чтобы поближе познакомиться с этим джентльменом и способствовать его женитьбе. Теперь он действительно почувствовал, что не сделал для сестер ничего такого, о чем узнали бы другие, оценили его заботу, рассказали бы полковнику Брэндону, и что могло отразиться в завещании миссис Дженнингс. Было ясно, что он все это уже упустил.

Однако сегодня Джону снова повезло, леди Миддлтон была дома, а сэр Джон чуть позже тоже присоединился к ним. Он был, как всегда, рад любому гостю. Хотя мистер Дэшвуд не был большим знатоком лошадей, он сразу усадил его рядом, как своего старого знакомого, а леди Миддлтон молча наблюдала за ним и сочла его вполне достойным джентльменом. Мистер Дэшвуд ушел домой очарованный обоими Миддлтонами.

— У меня прекрасные новости для Фанни, — сказал он, когда они возвращались назад, — Леди Миддлтон, право, сама элегантность! Такая очаровательная дама, что, я думаю, Фанни будет рада сама ее навестить. А миссис Дженнингс тоже достойная женщина, жаль, что не так аристократична, как ее дочь. Твоей сестре даже не надо придерживаться правил приличия, чтоб навещать ее, это меня немного смущает. Впрочем, это вполне естественно, ведь миссис Дженнингс — вдова человека, который сделал деньги неджентльменским способом. Ни Фанни, ни миссис Феррарс никогда бы не подумали, что с ними нам стоит общаться. Но теперь я везу ей в подарок очень приятные новости, они достойны нашего внимания!

Глава 18

Миссис Дэшвуд не очень-то надеялась на мнение своего супруга, поэтому в один из ближайших дней решила сама нанести визит миссис Дженнингс и ее дочери. Действительность превзошла все ее ожидания! Бойкая пожилая дама, у которой остановились ее заловки, не понравилась ей с первого взгляда, что же касается леди Миддлтон, то она сочла ее одной из самых очаровательных женщин в мире!

В свою очередь леди Миддлтон не была также очарована манерами Фанни Дэшвуд. Но им нашлось о чем поговорить, точнее, продемонстрировать те самые холодно-вежливые отношения, которые они обе так любили изображать! Они оказались приятны друг другу и быстро нашли взаимопонимание, хотя и не обменялись даже парой фраз.

Но то, что расположило к Фанни леди Миддлтон, окончательно настроило против нее миссис Дженнингс. Для нее миссис Дэшвуд оказалась не более чем маленькой гордячкой, с развязанными манерами общения, которая встретила сестер сво-

его мужа без должных эмоций, целую четверть часа только усаживалась у нее на Беркли-Стрит и после этого еще минут семь молчала, как рыба.

Элинор очень хотела узнать, но решила не спрашивать сама, приехал ли Эдвард в Лондон. И постаралась натолкнуть на этот разговор Фанни, нарочно упомянув его имя при ней. Но та только смогла сказать, что его свадьба на мисс Мортон вопрос решеный, и далее, что ее муж не высказывает своего мнения о полковнике Брэндоне, поэтому она верит, что этим они очень похожи и рано или поздно обязательно сойдутся. Сообразительность, которой Фанни не отличалась, вскоре была проявлена из другого угла гостиной. Люси очень скоро укорила компанию и Элинор, за то, что они не смогли увидеть Эдварда, хотя он приехал в город вместе с миссис и мистером Джоном Дэшвуд.

Сам, естественно, он не мог появиться на Бартлетт-Билдингс, чтобы не раскрыть тайну помолвки, поэтому им ничего не остается, как переписываться.

Скоро Эдвард дал о себе знать и уверял их, что хотя он недавно приехал в Лондон, но уже дважды был на Беркели-Стрит. Дважды означало, что его карточки лежали на столе, когда они

возвращались со своих утренних приглашений. Элинор была рада, что он приходил, и была еще больше рада, что не встретила его.

Тем временем Дэшвуды были настолько очарованы Миддлтонами, что ни о ком другом и думать не могли. Они решили непременно дать в их честь обед, и после того, как их представление состоялось, пригласили всех на обед на Харлей-Стрит, где уже три месяца имели вполне приличный дом. Их сестры и миссис Дженнингс были также приглашены. Джон Дэшвуд был очень предусмотрителен, пригласив сестер, так как надеялся, что на старшую уж точно клюнет полковник Брэндон. Тот принял это очень настойчивое приглашение с некоторым изумлением, но все же и с явным удовольствием. Сестры могли встретиться там с миссис Феррарс, но Элинор так и не поняла, будут ее сыновья на этом обеде или нет. Возможность увидеть мать семейства Феррарс, уже была веским основанием для того, чтобы заинтересовать Элинор. Да к тому же, здесь была возможность познакомиться и пообщаться в более непринужденной обстановке и без той напряженности, с которой она должна была ба встретить Элинор, чтоб удовлетворить свое любопытство, какая же она из себя.

Ее интерес к званому обеду возрос еще больше, когда она узнала, что приглашены и обе мисс Стиллс.

Так как сестрички Стиллс хорошо зарекомендовали себя в глазах леди Миддлтон, то их появление у Фанни и Джона было вполне предсказуемо. Хотя Люси была весьма провинциальна, а ее сестра не так уж и воспитана, Миддлтоны пригласили их к себе в Лондон в дом на Кондуит-Стрит, погостить недельку-другую. И этого было более чем достаточно, чтобы Джон Дэшвуд отправил приглашения и этим двум девицам.

Репутация сестричек Стиллс, как племянниц джентльмена, который на протяжении многих лет помогал ее брату, не давала права на особые места за столом миссис Дэшвуд, хотя и не лишала их места за столом вообще. Но, как гостьи леди Миддлтон, они должны были быть хорошо приняты. Люси, которая уже давно хотела быть лично представленной всей семье Феррарсов, чтобы поближе познакомится с ними, изучить их привычки и понравиться им, была счастлива получить официальное приглашение от миссис Дэшвуд.

На Элинор это подействовало совсем наоборот. Она сразу же поняла, что Эдвард, который живет

со своей матерью, должен был быть приглашен. Так как его мать здесь, а обед давался его сестрой, следовательно, была возможность увидеть его в первый раз после всего, что произошло, но уже в компании с Люси! О! Она с трудом представляла, как сможет это вынести.

Эти опасения скоро были развеяны не столько ее собственными догадками, сколько действиями Люси, которая похвалилась, чтоб досадить ей, что Эдвард не сможет быть на обеде на Харлей-Стрит в четверг. И даже постаралась убедить Элинор, что он это делает для того, чтоб постарается быть подальше от места, где он не сможет скрывать свои чувства, если они будут вместе.

И вот настал важнейший четверг, когда две молодые девушки должны были быть представлены своей будущей свекрови.

— Боже мой, дорогая мисс Дэшвуд, — вздохнула Люси, когда они поднимались по ступеням, так как Миддлтоны приехали сразу же вслед за миссис Дженнингс, и они следовали за дворецким все вместе, — Здесь нет никого, кроме вас, кто так бы понимал меня, как вы! Я, право, даже еле иду… О Боже! — воскликнула она, — Через минуту я увижу женщину, от которой зависит все мое будущее счастье, и она будет моей второй матерью!

Элинор почувствовала минутное нервное напряжение, когда подумала, что эта же миссис, которую они почти не знают, могла стать второй матерью и для мисс Мортон или даже для нее самой. Вместо того чтобы обсуждать это, она заверила Люси с большой искренностью, что жалеет ее, к величайшей радости последней, которая чувствовала себя не в своей тарелке под внимательным взглядом Элинор.

Миссис Феррарс оказалась маленькой, худенькой женщиной, плохо сложенной и непривлекательной. Ее желтоватое лицо с крошечными глазками и поджатыми губками, похоже, и в годы былой молодости нельзя было назвать красивым или запоминающимся. Только сдвинутые тоненькие брови предавали ему некоторое выражение суровости, которое характерно только гордым или капризным дамам. Она была немногословна и обладала редким талантом выражать свои мысли с помощью двух-трех слогов, которые объясняли, что ей не нравится всё вокруг.

Сейчас Элинор была свободна от своих страхов. Еще несколько месяцев назад миссис Феррарс могла публично унизить ее, но теперь она была не в силах уколоть ее, старательно показывая сестрам Стиллс, с кем им посчастливилось сего-

дня общаться. Элинор едва не рассмеялась, как обе женщины семьи Феррарс кичились своим величием перед Люси, которую легче всего из всех присутствующих можно было обидеть, и ей не хватало духу достойно ответить на эти выпады. Люси была очень счастлива от того, что оказалась в таком обществе, а ее сестра недооценивала торжественность момента и хотела только подразнить доктора Дэвиса своим нынешним статусом. Так или иначе, обе лезли из кожи вон, чтобы понравиться миссис Феррарс и ее дочери, и скоро Элинор не могла без раздражения смотреть на всех четверых.

Обед был действительно грандиозен, слуг было невидимо, все что ни попадалось на глаза, демонстрировало склонность хозяйки к оригинальности, и способность хозяина это обеспечить. Несмотря на перестановку и приобретение необходимой утвари в Норланде и даже на то, что они сами были не так давно без хотя бы одной тысячи фунтов в кармане, да так, что даже пришлось кое-что продать, ничто не намекало на то, что они пытаются прыгнуть выше головы, никакого проявления бедности, разве что в разговоре, но такое вполне допустимо. Джон Дэшвуд не мог ничего особенного рассказать о себе, чтобы заслу-

живало всеобщего внимания, а его жена могла заинтересовать гостей еще меньше. Но в этом не было особой необходимости, так как рассказов было предостаточно у их гостей, которые, чтобы быть принятыми, усердно потрудились над тем, чтобы выглядеть лучше, чем есть на самом деле: умнее, респектабельнее и очаровательнее.

Когда женщины удалились в художественную гостиную после обеда, это особенно стало бросаться в глаза. Джентльмены уже разбавили свою беседу политикой, сделками по недвижимости и сломанными на скачках конскими ногами. Когда все эти темы были исчерпаны, снова появились дамы и подали кофе со сладостями, что стало вершиной торжества для Гарри Дэшвуда и второго сына леди Миддлтон, которые были ровесниками.

Раз оба мальчика были свободны, значит все разговоры свились к одному — выяснить — кто из них первый? Начали с роста. Когда Гарри был один, такого вопроса не могло и возникнуть. Но теперь начались взаимные притязания с двух сторон, и каждый из присутствующих был вынужден высказать свое мнение.

Все присутствующие разделились на два лагеря.

Две матери, хотя каждая считала, что ее мальчик выше, все же из вежливости решала спор в пользу другого. Две бабушки не с меньшим пристрастием, но более разумно, встали каждая на сторону своей дочери. Люси, которая была крайне озабочена тем, чтобы понравиться и тем, и другим, уверяла, что оба мальчика рослые не по годам и почти одного роста, а ее сестрица с большим тактом, выдала это каждой из сторон…

Элинор уже высказалась в пользу Уилльяма и этим обидела миссис Феррарс, а Фанни еще больше. Марианна, когда спросили ее мнение, обидела их всех, сказав, что у нее нет на этот счет никакого мнения, так как она на этих детей и не смотрела.

Когда все собравшиеся уже не знали, куда обратить своё внимание, чтобы только не смотреть на этих милых детей, то от безысходности уставились на стены, где увидели нечто интересное.

До того, как они уехали из Норланда, Элинор нарисовала для своей свояченицы пару неплохих пейзажей, которые только сейчас были принесены и повешены в доме, украсив ее художественную гостиную. Эти-то рисунки и были пойманы взглядом Джона Дэшвуда, когда он проходил там за другим джентльменом в следующую

комнату, сняты и официально переданы в руки полковника Брэндона, чтобы он еще раз обратил внимание на художницу.

— Это написано моей старшей сестрой, — сказал он, — и вы как человек тонкого вкуса, должны, я смею сказать, оценить ее талант. Я не знаю, были ли вы знакомы с ее работами раньше, но она действительно создана, чтоб хорошо рисовать.

Полковник, хотя и не был знатоком изящных искусств, все же залюбовался пейзажами мисс Дэшвуд. Остальные тоже подхватили его восхищение и принялись передавать рисунки из рук в руки, осыпая их автора комплиментами. Миссис Феррарс, не зная, что это работы Элинор, тоже взглянула на них, и, после того, как они были высоко оценены леди Миддлтон, Фанни передала их своей матери, сообщив, что они выполнены мисс Дэшвуд.

— Хм, — сказала миссис Феррарс, — очень мило.

И без всяких благодарностей вернула их дочери.

Возможно, Фанни подумала на минуту, что ее мать уж чересчур груба, так как немного покраснела, и немедленно сказала:

— Они очень приятные, сударыня, не так ли? —

Но потом опять, боясь быть слишком официально вежливой, возможно и переступив через себя, она благоговейно добавила:

— А ты не находишь, что они по стилю очень похожи на работы мисс Мортон, мам? Она ведь рисует очень приятно. Как красивы ее пейзажи!

— Прекрасные, право же. Вот она-то рисует, право же, чудесно!

Марианна не могла больше этого выносить. Она уже полностью была разочарована в миссис Феррарс, и такая несвоевременная похвала другой художницы, за счет Элинор! Хотя она не имела каких-либо намерений, спровоцированных этим, все же сказала:

— Как-то странно. Кто такая мисс Мортон? Кто ее вообще знает? Мы говорим о работах, написанных Элинор.

И сказав так, она взяла рисунки из рук своей свояченицы и начала любоваться ими.

Миссис Феррарс недовольно глянула на нее и громко сказала:

— Мисс Мортон — это дочь лорда Мортона!

Фанни тоже рассердилась, а ее муж был готов заступиться за свою сестру. Элинор тоже была рассержена выпадом Марианны, даже больше, чем всем остальным в этот вечер. Но увидев

глаза полковника Брэндона, который смотрел на Марианну с таким обожанием и восхищением, промолчала.

Но Марианна на этом не остановилась. Полное равнодушие миссис Феррарс к произведениям ее сестры, видимо, были для нее предвестниками серьезных проблем для брака Элинор с ее сыном. Так как ее собственное раненное сердце заставляло думать об этом с ужасом, она не смогла сдержать нахлынувшие чувства, резко встала и после минутного колебания, подошла к стулу сестры, обняла ее одной рукой за шею и прижалась одной щекой к ее щеке, сказав при этом:

— Милая моя, милая Элинор, не обращай внимания на них! Не разрешай им сделать тебя несчастной!

Она не могла сказать ничего больше. Сила духа почти покинула ее и, спрятав свое лицо на плече Элинор, она молча заплакала. Отношение присутствующих к плачу Марианны оказалось холодным, и, похоже, каждый был занят чем-то. Лишь полковник Брэндон встал и подошел к ним, не совсем понимая, что он делает. Миссис Дженнингс дала Марианне нюхательную соль. Сэр Джон, почувствовав себя имеющим отношение к той, которая все здесь затеяла, тут же сменил свое

место, пересел поближе к Люси, и дал ей шепотом полный отчет о содеянном.

Через несколько минут Марианна пришла в себя, вытерла слезы и молча села рядом с сестрой, хотя и не смирилась в душе с тем, что только видела.

— Бедная, бедная Марианна, — прошептал Джон полковнику Брэндону, — У нее не такое хорошее здоровье, как у ее сестры! Она весьма впечатлительна, у нее нет выдержки Элинор. Каждый знает, что это не совсем хорошо для молодой женщины, которая к тому же была красива, а теперь на глазах теряет своё обаяние! Вы и не поверите, как прекрасна была Марианна всего несколько месяцев назад! Почти такая же обворожительная, как и Элинор. А сейчас вы видите, как она померкла!

Элинор полностью удовлетворила своё любопытство — о миссис Феррарс она узнала столько, что теперь им обеим лучше было бы совсем не встречаться. Она достаточно насмотрелась на ее гордыню и глупость, убедилась в предвзятом мнении о себе, и живо представила все те трудности, которые возникли бы у нее, выйди она замуж за Эдварда, даже если бы он сейчас был свободен. Элинор поняла, что она должна благодарить

судьбу, которая спасла ее от семейства Феррарс. В конце концов, если она не сможет посмеяться над Эдвардом, который привязан к Люси, то, будь мисс Стиллс немного добродушнее, можно было бы посмеяться и над ней.

Она гадала, можно ли лукавую Люси облагородить вежливостью миссис Феррарс. Интерес и тщеславие последней сделали её настолько слепой, что позволили найти достоинства у старшей мисс Стиллс лишь потому, что она была не Элинор, и даже делать ей комплименты. То, что не было прочитано по глазам Люси вечером, было сказано ее устами на следующее утро. Она навестила Элинор на Беркли-Стрит по личному желанию леди Миддлтон, чтобы рассказать, как «безмерно она счастлива»…

Ей повезло, миссис Дженнингс срочно уехала из дома, получив записку от мистера Палмера, и теперь Люси могла смело откровенничать.

— Моя дорогая, — воскликнула она, как только они остались одни, — я пришла поговорить с вами о своем счастье. Мог ли кто еще быть так обходителен со мной, как миссис Феррарс? Вы знаете, как я боялась увидеть ее! Но, вчера, как только меня представили, она была такой приветливой, что я теперь могу уверенно сказать,

что она великолепно приняла меня. А разве не так? Вы ведь видели все это сами, и разве вас это не поразило?

— Она действительно была очень вежлива с вами.

— «Вежлива»? Разве, вы не видели ничего другого, а только вежливость? Я видела, куда более шире — такую доброту, которой никто не удостаивался, а только я! Никакой гордости, никакой надменности, и ваша сестра тоже самое — сама влюбленность и приветливость!

Элинор хотела поговорить о чем-нибудь другом, но Люси все еще настаивала, чтоб та узнала ее причины для счастья. И Элинор вынуждена была продолжить этот разговор.

— Несомненно, если бы они знали о вашей помолвке, — сказала она, — то всё могло быть иначе, но так как этого не было….

— Я так и знала, что вы это скажите! — ответила Люси быстро, — но здесь нет иной причины, по которой миссис Феррарс должна, видимо, любить меня! Ее расположение ко мне — это все! Вам не следует говорить мне, почему я недовольна. Я уверена, что все закончиться хорошо, и здесь не будет никаких трудностей! Я думаю, миссис Феррарс очень приятная женщина, как и ваша сестра.

Они обе — восхитительные женщины! Право, я не знаю, слышала ли я от вас когда-нибудь, что вторая мисс Дэшвуд очень покладистая?

На это Элинор не могла ничего сказать и даже не попыталась.

— Вы что, не здоровы, мисс Дэшвуд? Вы неважно выглядите. И совсем не разговорчивы, сегодня. Подозреваю, что вы, приболели! Точно, думаю, что вы больны!

— Я никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас!

— Ох, слава господу, я так этому рада, от всего сердца, но, правда, вы сегодня выглядите не очень. Я бы очень расстроилась, если вы были больны! Вы, которая создала мне столько удобств в этой жизни! Только небесам известно, что бы я делала без вашей дружбы!

Элинор постаралась дать вежливый ответ, хотя и сомневалась, что его услышат. Но, похоже, он удовлетворил Люси, так как она тут же отреагировала.

— Действительно, я совершенно убеждена в вашем хорошем расположении ко мне! После любви Эдварда, ваша дружба — это вторая большая удача в моей жизни. Бедный Эдвард! Но сейчас, есть одна хорошая новость. Мы все

имеем возможность встретиться, и произойдет это очень скоро. Леди Миддлтон понравилось у мистера Дэшвуда, так что у нас будет хороший вечер на Харлей-Стрит, я уже могу это сказать. Эдвард проведет половину времени со своей сестрой. Помимо леди Миддлтон, миссис Феррарс и ваша сестра — обе были так любезны, что сообщили мне, что будут весьма рады видеть меня у себя. Они такие очаровательные женщины! Я, думаю, что если бы вы, хоть раз открыли вашей сестре мои мысли о ней, вы бы не говорили так скованно со мной.

Но Элинор не собиралась обнадеживать ее в том, что передаст все своей сестре. Между тем Люси продолжала:

— Я уверена, что миссис Феррарс действительно хорошо относится ко мне. Если бы она только из вежливости приняла меня, например, кивнула, а потом бы молчала и не вспомнила обо мне и даже не посмотрела в мою сторону… Вы знаете, что я имею в виду! Если она когда-нибудь будет обращаться со мной так, я просто прекращу все это разрывом. Я не буду терпеть это, потому что чувствую, если она не полюбит, то это навсегда!

Элинор не пришлось искать ответ, так как дверь в гостиную распахнулась, и слуга объявил

о визите мистера Феррарса. Следом за слугой и сам Эдвард вошел в комнату.

Это был весьма неловкий момент, и каждый подумал про себя именно так. Они все трое выглядели достаточно нелепо. Эдвард, похоже, тут же хотел выйти назад из комнаты, вместо того, чтобы сделать шаг навстречу двум барышням. Первой, неловкую паузу в «любовном треугольнике» нарушила Люси. Она посмотрела на него нежно и молча приветствовала его легким кивком.

Но от Элинор требовалось сделать что-то большее, ради себя и его, и сделать как надо! Она заставила себя через мгновение приветствовать его с подобающими словами и манерами, которые были почти искренними и откровенными, и еще одна попытка, еще одно усилие доказало это. Она не могла позволить себе, что бы присутствие Люси или какое-либо другое обстоятельство помешало ей сказать ему, что она рада его видеть и что она очень сожалеет о том, что не была дома, когда он заходил на Беркли-Стрит. Она не побоялась привлечь к себе его пристальное внимание, которое, как друг и почти родственник, он мог оказывать, на глазах у Люси, хотя она вскоре заставила их обоих смотреть только на нее.

Ее манеры давали некоторую гарантию Эдварду, и он имел достаточную храбрость, чтобы присесть рядом, но его замешательство все еще не прошло, его сердце не было так безразлично, как у Люси, и не имело такого самообладания, как у Элинор.

Люси, притворно застенчивая, похоже, не собиралась облегчать положение двух других и молчала. Почти все, что было сказано, произносилось Элинор, которая была обязана вести беседу о своей матери, их приезде в город и прочем, иначе, пришлось бы разговориться Эдварду, чего он так и не сделал.

Внутреннее напряжение не помешало ей через некоторое время почувствовать необходимость привести себя в порядок перед приходом Марианны, поэтому она собралась покинуть гостей и оставить их наедине. Сделано это было в очень хорошей манере, так как уходила она из комнаты в течение нескольких минут после того, как поднялась с места. Как только это было сделано, настало время для побега Эдварда, но он опоздал. Элинор еще не успела выйти, а радостная новость уже привела Марианну в художественную гостиную. Ее удовольствие видеть его было также как все ее остальные чувства, сильным по своей

сути и сильным на словах. Она встретила его с протянутой вперед рукой, которую нельзя было не принять, и тоном, который выражал чувства ее сестры.

— Дорогой Эдвард, — она воскликнула, — Вот эта встреча! Теперь вы искупили свою вину.

Эдвард попытался ответить ей в ее же манере вежливости, но при таком свидетеле он не отважился даже на половину того, что хотел бы сказать. Снова они все сели и минуту или две все молчали. Марианна смотрела с большой нежностью то на Эдварда, то на Элинор, жалея, что радость встречи омрачена вниманием и нежелательным присутствием Люси. Эдвард заговорил первым. Он заметил, что Марианна похорошела, но выразил беспокойство, подходит ли ей климат Лондона?

— Что вы, не думайте так обо мне! — ответила Марианна с искренностью, хотя в глубине её глаз все ещё были слёзы, — не думайте о моем здоровье. С Элинор все в порядке, вы видите. Этого должно быть достаточно для вас обоих!

Это замечание, похоже, не принесло облегчения ни Эдварду, ни Элинор, и не соответствовало доброй воли Люси, которая сурово смотрела на Марианну.

— Вам нравится Лондон? — спросил Эдвард, желая сказать что-нибудь, что могло изменить тему разговора.

— Совсем нет. Я ожидала, что он будет более гостеприимным, но, увы. Ваше появление Эдвард — это та редкая радость, которую я здесь испытываю! Спасибо Небесам, вы теперь там, где вам и надо быть!

Она помолчала, никто не сказал ни слова.

— Я думаю, Элинор, — многозначительно продолжала она, — что мы наймем Эдварда, чтоб он позаботился о нас по возвращении в Бартон. Через неделю или две, я надеюсь, мы уедем, и я верю, что Эдварду не очень трудно будет сменить обстановку!

Бедный Эдвард что-то промямлил, но что это было, никто не разобрал, даже и он сам. Но Марианна, которая видела его волнение и смогла объяснить его только присутствием Элинор, была довольна и начала говорить о чем-то другом.

— Мы провели такой день, Эдвард, на Харлей-Стрит вчера! Такой пустой и такой никудышный! Но я обязательно расскажу вам об этом, только не сейчас, потом.

Этот разговор Марианна благоразумно отложила до лучших времен, чтобы не сообщать в

присутствии Люси, как она в очередной раз не нашла общий язык со своими родственниками, а с его матерью умудрилась даже поссориться.

— Как вас не хватало там вчера. А почему вы не пришли? — спросила она Эдварда.

— Я был приглашен в другое место.

— Приглашен! Но, как вы могли куда-то уйти, когда вместе должны были собраться ваши самые близкие родственники и друзья?

— Возможно, мисс Марианна, — Люси вдруг горячо вступилась за Эдварда, — вы считаете, что все молодые джентльмены никогда не выполняют свои обещания?

Глупые слова Люси раздражали Элинор, но Марианна, видимо, не совсем поняла обидный намек Люси и ответила спокойно:

— Нет, конечно, не все. По правде сказать, я была уверена, что только серьезные обстоятельства помешали Эдварду приехать на Харлей-Стрит. И я действительно не сомневаюсь, что Эдвард — человек слова и всегда приходит туда, где обещал быть, порой, не считаясь с собственным временем и желанием. Он очень заботится, чтоб не сделать кому-то больно, или чтоб не обидеть кого-нибудь, забывая даже о себе. — И внимательно посмотрев на смущенного гостя продолжила. — Да, Эдвард,

это так, и я ручаюсь за свои слова. Что? Вы, что никогда не слышали этого о себе? Тогда у нас с вами, видимо, нет общих друзей, таких, которые достойны моей любви, расположения и моих хороших отзывов!

Ее манера хорошо отзываться или рекомендовать человека в его же присутствии плохо отразилась на двух третях присутствующих и так взволновала Эдварда, что скоро он встал и ушел.

— Как? Вы уже уходите? — удивилась Марианна, — Мой дорогой Эдвард! Нет-нет, постойте!

И, немного проводив его, она нашептывала ему надежду, что Люси долго не останется с ними. Но даже это не обнадежило его, и он ушел. Марианна ошибалась, Люси пересидела его часа на два, прежде чем гордо удалилась.

— Что это она зачастила сюда? — спросила Марианна, как только она ушла, — разве она не понимет, что мы все трое ждали только одного, когда же она, наконец, уйдет! Бедный Эдвард, он сдался без боя!

— Почему ты так считаешь? Мы все друзья, и Люси давно его знает. Поэтому, вполне естественно, что он хотел ее видеть, также как и нас.

Марианна посмотрела на нее внимательно и сказала:

— Ты знаешь, Элинор, что я не выношу, когда ты пытаешься обмануть сама себя! Ты просто хочешь что-то сказать мне наперекор, и всё. Я не верю, что ты, действительно, думаешь так. Но ты должна понимать, что я самый последний человек в мире, который подходит тебе для этого. Я не хочу шутить над тем, над чем мне действительно не хочется смеяться.

Марианна уверенно поднялась и быстро вышла из комнаты. Элинор ничего не оставалось как, молча последовать за ней. Связанная обещанием Люси не рассказывать никому о тайной помолвке с Эдвардом, она не могла предъявить главные доводы своей правоты, которые убедили бы Марианну в искренности ее слов. Представляя себе последствия, которые могла вызвать ее горячность, Элинор решила молчать, надеясь на то, что Эдвард или она сама не дадут больше поводов Марианне высказывать свои надежды на их брак при них, и причиняющие обоим такую сильную душевную боль.

Глава 19

Через несколько дней после этой встречи, газеты возвестили миру, что супруга Томаса Палмера, эсквайра, успешно разрешилась сыном и наследником! Друзья и родственники, которые уже знали об этом событии не из газет, с особой гордостью и по несколько раз перечитывали коротенькую заметку, украшенную вензелями.

Долгожданное событие полностью изменило прежний размеренный образ жизни миссис Дженнингс и не могло не коснуться гостивших у нее барышень. С ними хозяйка дома теперь почти не виделась. С раннего утра и до глубокой ночи она была у младшей дочери и помогала ей заботиться о ее первенце. А обе мисс Дэшвуд, оставшись без опеки пожилой леди, теперь каждый день приезжали на Кондуит-Стрит к Миддлтонам. По правде говоря, сестрам не очень-то и хотелось навещать это почтенное семейство и коротать вечера в компании неразговорчивой леди Миддлтон и чересчур общительных сестер Стиллс, которые, кстати сказать, тоже не особенно были рады сестрам Дэшвуд, но вслух

все говорили друг другу сплошные любезности и дружно следовали правилам хорошего тона.

Сестры Стиллс ревностно относились к появлению сестер Дэшвуд, так как боялись, что с ними придется делить внимание хозяйки дома и все те маленькие радости, которыми их постоянно осыпали в этом доме. Впрочем, их опасения были напрасны, сестры Дэшвуд вряд ли бы стали хорошей компанией для леди Миддлтон. Она была с ними любезна, но все же тяготилась их присутствием. Возможно потому, что они недостаточно восхищались ей, ее отпрысками и ее домом. Леди считала Элинор и Марианну черствыми, а так как они еще и увлекались чтением, была уверена, что эти девицы уж точно себе на уме. Хотя не очень-то понимала, что это значит.

Но стоило ли переживать из-за таких мелочей. Их присутствие раздражало не только ее, но и Люси. Леди оно не позволяло бездельничать, а Люси — проворачивать свои делишки. Сидеть перед ними сложа руки леди Миддлтон стыдилась, а Люси, опасаясь их ироничных взглядов, не решалась льстить леди в глаза, что у нее всегда великолепно получалось. Одна лишь мисс Стилл не особенно огорчалась и могла быть стать для двух мисс Дэшвуд хорошей приятельницей,

особенно если ее посвятили бы в интрижку Марианны с мистером Уиллингби, за это она могла даже простить утрату теплого местечка у камина, которого лишилась с появлением сестер Дэшвуд в доме.

Но так как никто этого не сделал раньше, то теперь она тоже часто жаловалась на черствость Марианны и Элинор. Люси раз или два в их присутствии даже затронула тему о непостоянстве кавалеров, которая совершенно не взволновала хозяйку дома и вызвала отвращение у Марианны. Еще одна попытка вернуться к этому разговору закончилась поражением, так как все дружно только посмеялись над запропастившимся куда-то доктором. В этой дамской компании для полного счастья не хватало только неуклюжего сэра Джона, который теперь редко обедал дома, а будь он здесь, то наверняка бы сказал леди Мидлтон, что она устроила у себя лучший в Лондоне серпентарий.

Но все эти мелкие интрижки не доходили до миссис Дженнингс, которая наивно полагала, что для девушек нет ничего лучше, чем собраться вместе. По возможности каждый вечер она либо заезжала за сестрами Дэшвуд к сэру Джону, или ждала их дома в гостиной. Но всякий раз она была

в прекрасном настроении, бодрая и довольная собой, особенно если Шарлотта чувствовала себя хорошо. А так как дочь была в добром здравии, то миссис Дженнингс считала это исключительно своей заслугой. Она могла часами рассказывать о том, как дочь восстанавливается после родов, но это могло заинтересовать разве что мисс Стиллс. Пожилая леди расстраивалась только от того, что мистер Палмер, как и многие мужчины, совершенно не замечал, как прелестен их малыш и был искренне убежден, что все младенцы на одно лицо, и, хотя в этом внуке бабушка находила черты обоих родителей, переубедить мистера Палмера ей так и не удалось. Он видел в этом ангелочке, всего лишь самого обычного новорожденного мальчика, каких тысячи во всей Англии.

В эти же насыщенные событиями февральские дни с миссис Дэшвуд произошло досадное недоразумение. Когда ее сестры в первый раз навестили своего сводного брата и невестку на Харли-стрит, как обычно, в сопровождении общительной миссис Дженнингс, у них в гостях была в это время еще одна знакомая. Впрочем, визит этой милейшей особы сам по себе никак не угрожал репутации миссис Дэшвуд. И вот эта дама, приехавшая в гости с опозданием, почему-то решила,

что сестры Дэшвуд живут у своей невестки и через пару часов прислала приглашения всем четверым на небольшой музыкальный вечер, который устраивала у себя. Таким образом, миссис Дэшвуд, скрепя сердце, пришлось одолжить золовкам свою карету, но и — что было просто невыносимо — терпеть все неприятные последствия такого повышенного внимания к ним; дай Бог, чтобы подобное недоразумение больше не повторилось, а то вдруг золовкам понравится ездить с ней к общим знакомым? Конечно, она с легкостью отыскала бы повод отказать им об этом, но рано или поздно ее могли неправильно понять в свете.

Тем временем Марианна уже привыкла каждый вечер выходить в свет. Правда, ей было совершенно всё равно, где бывать. Она быстро собиралась на каждый званый вечер, хотя и не испытывала даже малейшего удовольствия от этих вечеров и порой даже не спрашивала сестру, куда они сегодня идут.

К своим нарядам и внешности она стала абсолютно равнодушна, что сразу же заметила мисс Стиллс. Ничего не укрылось также и от юрких глаз Люси, которая увидела и выспросила все. Это было так неприятно, потому что Люси и так

уже знала слишком много о Марианне и могла с закрытыми глазами перечислить сколько стоит каждый бант на платье второй мисс Дэшвуд и сколько нижних юбок она сегодня надела. И все же мисс Стиллс не без интереса узнала, почем нынче обходится прачечная в неделю, и сколь ежегодно Марианна тратит на себя. Говорить на эти темы было неприлично, но Люси, каждый свой вопрос украшала очередным лукавым комплиментом. Вообще Марианна была потрясена такой бестактностью, тем более что после проверки цены и качества ее нижнего платья, цвета ее ботинок и стоимости укладки ее волос она услышала в ответ только одну банальную фразу, что «она выглядит очень изящно и, наверное, разобьет ни одно мужское сердце».

После такого напутствия Марианна так обрадовалась приезду своего несносного старшего брата, что сразу же прыгнула в его экипаж и с удовольствием отправилась на музыкальный вечер, куда их пригласили вчетвером.

Частный концерт не произвел на нее впечатления. Гостей было много, и как это часто бывает, одни кое-что смыслили в музыке, другие не разбирались вовсе. Но все в один голос сказали, что это было лучшее представление в Королевстве.

Так как Элинор не была музыкантом и не умела притворяться, то она не столько слушала, сколько смотрела вокруг: сначала на большое пианофорте, которое ее впечатлило своими габаритами, потом перевела взгляд на арфу и виолончель, и, наконец, увидела поблизости группу молодых джентльменов, среди которых она узнала человека, рассказывавшего им как-то с сестрой в магазине Грейса о необходимости золотой зубочистки в футляре. Она почувствовала, что он общается с ее сводным братом, как старый приятель и уже через несколько минут брат и незнакомец сами подошли к ней, и мистер Дэшвуд представил ей своего друга — это был мистер Роберт Феррарс.

Тот поприветствовал Элинор легким поклоном, который, по его мнению, был красноречивее слов, и Элинор впервые согласилась с Люси, которая считала, что Роберт — самодовольный малый. «Хорошенькая же родня могла быть у меня», — подумала Элинор. Этот ленивый поклон младшего брата ее Эдварда мог означать только одно, что тихий семейный вечер с участием несостоявшихся свекрови и невестки начался. Она еще раз поразилась, как в одной семье могут быть такие непохожие братья.

Почему они были такие разные, Роберт объяснил сам за какие-нибудь четверть часа разговора. Он без стеснения говорил о своем брате, как об убогом и никчемном человеке, по его мнению, он стал таким, потому что долго учился на дому.

— В душе, — добавил он, — я считаю, что иначе и быть не могло. И об этом я всегда говорю своей матери. «Моя дорогая мамочка, успокойтесь. Это ваше собственное произведение, хотя кое-что в нем еще можно подправить. Почему вы поддались на уговоры моего дяди сэра Роберта, хотя думали иначе, и отдали Эдварда в частную школу, в самый ответственный момент его жизни? Если бы вы послали его в Вестминстер, как меня, вместо того, чтоб посылать его к мистеру Пратту, всего этого можно было бы избежать». Да, именно так я всегда объясняю это, и моя мать всегда признает свою ошибку.

Элинор не стала с ним спорить. Каким бы там не было ее мнение об общеобразовательных школах, она считала, что Эдвард прекрасно образован и, может быть, потому что он учился в семье мистера Пратта.

— Вы переехали в Девоншир, — заметил он после некоторого молчания, — живете в коттедже около Даулиша?

Элинор описала ему точное расположение, и это, похоже, его крайне удивило, что кто-либо может жить в Девоншире и при этом находится так далеко от Даулиша.

— Что касается лично меня, — сказал Роберт, — я обожаю коттеджи, в них так всегда уютно, так легко дышится. И я мечтаю, когда-нибудь купить клочок земли в предместьях Лондона и построить там свой маленький уютный домик, куда я бы ездил, когда захочу, сам бы управлял собственным экипажем, привозил бы своих друзей и был бы самым счастливым человеком в мире. Я советую всем, кто мечтает о загородном доме, строить только коттеджи. Вот, например, мой хороший друг лорд Коуртланд приехал как-то ко мне спросить совета именно по этому вопросу и разложил передо мной три разных плана дома от архитектора Бономи, чтобы я выбрал лучший из них. «Мой дорогой Коуртланд, — сказал я, и тотчас же швырнул все три плана в огонь, — вам не подходит ни один проект, стройте не усадьбу, а только коттедж». Некоторые говорят, что в коттеджах не хватает удобств и тесновато, но это ошибка. В прошлом месяце я был у моего друга Элиота в Дартфорде. Леди Элиот хотела дать бал, но «как это лучше сделать? — спросила она, — мой до-

рогой Феррарс, скажите же, как можно провести бал в коттедже, ведь там нет места и для десяти пар и негде накрывать ужин?». Я немедленно убедил ее, что места хватит всем. «Моя дорогая леди Элиот, не будет никаких проблем, — сказал я ей. — Обеденная гостиная может вместить восемнадцать пар, карточные столы можно поставить в художественной гостиной, библиотека может стать чайной комнатой. А ужин можно подать прямо в зал». Леди Элиот одобрила эту идею. Мы померили столовую и убедились, что восемнадцать пар в нее, действительно, вместятся, и все остальное тоже было сделано по моему плану. Теперь вы видите, если всё делать с умом, то можно достойно жить и в коттедже.

Элинор молча кивала, так как спорить с Робертом было бесполезно.

Так как Джон Дэшвуд не был увлечен музыкой, как и старшая из его сестер, то во время концерта у него появилось время кое-что обдумать, а с последними аккордами в его голову пришла блестящая мысль, которую он поспешил рассказать своей дражайшей супруге.

— Если уважаемая миссис Деннисон, вдруг решила, что сестры гостят у нас, может быть, действительно, стоит их ненадолго пригласить

к себе? — начал Джон Дэшвуд. — А то как-то неудобно получается. Может, пусть поживут у нас, пока миссис Дженнингс не перестанет проводить все время с дочерью. Лишних расходов это почти не потребует, не причинит им никаких неудобств, а подобный знак внимания, позволит мне щепетильно выполнить данное отцу слово. Фанни такое предложение изумило.

— Уж не знаю, как это сделать, — сказала она, — не обидев леди Миддлтон, у которой они проводят все эти дни. А так я им всегда очень даже рада. Ты сам видишь, вот даже вывезла их в свет как раз сегодня. Но не знаю, как нам приглашать их, когда они уже приглашены леди Миддлтон? Так не делают!

Ее муж кивнул, доводы Фанни, как всегда, были убедительны.

— И всё же, они приезжают на Кондуит-стрит уже целую неделю, — возразил он. — И леди Миддлтон, думаю, поймет и не обидится, если Элинор и Марианна уделят ровно столько же времени своим ближайшим родственникам.

Фанни помолчала, а затем с новыми силами встала на оборону своего дома:

— Любовь моя, я всегда за. Но я уже пригласила к нам на несколько дней двух мисс Стиллс. Они

хорошо воспитанные, достойные барышни, и, мне кажется, мы должны уделить им внимание, потому что их дядюшка был наставником нашего Эдварда, и замечательным. А твоих сестриц мы пригласим потом, в другой раз. А то вдруг мисс Стиллс больше в Лондон не приедут. Не сомневаюсь, они тебе очень понравятся. Да ведь они тебе уже очень нравятся, и матушка от них хорошо отзывалась, а малыш Гарри от них просто без ума!

Мистер Дэшвуд сдался без боя. Он решил пригласить сестриц Стиллс немедленно, а своих собственных на следующий год. В душе надеясь, что этого не произойдет или сестры посетят его в новом качестве Элинор, как жена полковника Брэндона, а Марианна с ними за компанию.

Фанни, довольная собой, с утра пораньше написала приглашения на Харлей-Стрит сестрам Стиллс. Она просила девушек приехать в любое удобное для них время, как только леди Миддлтон их отпустит. Этого было достаточно, чтобы сделать Люси счастливой. Она увидела в этом жесте возможность сблизиться с родными Эдварада и светлый путь под венец, поэтому тут же сестры Стиллс сообщили леди Миддлтон, что вынуждены уехать от них уже через два, но не говорили об этом раньше, чтобы ее не расстраивать.

Еще через десять минут они продемонстрировали это приглашение Элинор, которая решила, что у Люси есть все шансы стать миссис Феррарс. Но при этом она почувствовала, что такое проявление необычной доброты при достаточно коротком знакомстве, доказывало, что добрая воля Фанни выросла на чем-то еще, чем просто дружба против мисс Дэшвуд. Теперь Люси была близка к своей цели как никогда. Ее лесть уже добралась до Леди Миддлтон, открыла дверь в маленькое сердце жены Джона Дэшвуда, и все это давало ей маленькие возможности с большим продолжением!

Сестры Стиллс незамедлительно переехали на Харлей-Стрит, и все это сразу подтвердило предположения Элинор об усилении их влиянии там, что и укрепило ее в ожидании дальнейшего развития событий. Сэр Джон, который приезжал к ним и не раз, оставил в доме такой список любезностей о сестричках Стиллс, что никто не смог бы его опровергнуть. Миссис Дэшвуд никогда еще не было так приятно общество ни одних молодых девушек в жизни, когда она бывала с ними вместе, вручила каждой из них книгу рукоделий, написанную каким-то эмигрантом, называла Люси просто по имени, и представить себе не

могла, что она когда-нибудь расстанется с ними.

Миссис Палмер оправилась после родов уже через две недели, и мать теперь навещала ее реже, раз или два в неделю. Миссис Дженнингс с радостью вернулась в свой покинутый дом, где уже порядком заскучали две незамужние леди.

Еще дня через три-четыре миссис Дженнингс, вернувшись после своего очередного визита к миссис Палмер, вошла в художественную гостиную, где Элинор сидела одна, и, с видом невероятной важности, как будто, выбирая слова, готовилась сказать ей что-то очень ценное и прекрасное, вдруг выпалила самую суть произошедшего:

— Боже! Мисс Дэшвуд! — сказала она, — Боже!!!

— Что с вами, сударыня?

— Вы уже слышали новость?

— Нет, сударыня. Что же случилось?

— Случилось и нечто очень странное! Но, выслушайте все с самого начала. Когда я пришла к миссис Палмер, то Шарлота была вся на нервах, из-за ребенка, конечно. Она решила, что наш ангелочек заболел, он так кричал, весь день был беспокойным и даже покрылся сыпью. Я тут же осмотрела его и сказала, что это ничто иное, как

краснуха. И сиделка сказала то же самое. Но Шарлоту это совсем не успокоило, а даже наоборот, поэтому мы послали за мистером Донаваном. К счастью, он только что вернулся с Харлей-Ситрит, поэтому сразу же приехал к нам. Едва он взглянул на ребенка, и сразу же подтвердил наши слова, это краснуха. Только теперь Шарлота успокоилась и больше не сомневалась в диагнозе. Итак, пока он не ушел, мне пришло в голову, я даже не знаю, как это пришло мне в голову, но мне пришла мысль спросить его, не было ли каких-нибудь новостей? При этом он так вздрогнул и притворно улыбнулся, хотя выглядел довольно угрюмым, и, похоже, что знал о чем-то таком… Но, наконец, он сказал, понизив голос: «Я бы не хотел, чтобы эта неприятная новость достигла ушей юных леди, и надеюсь на вашу заботу, чтобы сестры не узнали. Я думаю, следовало сказать, что я не думаю, что здесь большой повод для беспокойства есть. Я надеюсь, что с миссис Дешвууд все будет хорошо!» — «Что, Фанни не здорова?» — «Это именно то, что я и хочу вам сказать». — «Боже! — сказала я — так миссис Дэшвуд больна?». И пока, это все еще не вышло наружу, ни в целом, ни в деталях, я по всему, что узнала, восстановила следующее. Мистер Эдвард Феррарс, этот молодой человек,

похоже, очень пошутил с вами (но вместе с тем, когда это обнаружится, я ужасно рада, что между вами ничего такого не было!). Мистер Эдвард Феррарс, похоже, был обручен уже почти двенадцать последних месяцев с моей кузиной Люси! Вот тебе и на, моя дорогая! И ни одно создание не издало ни звука об этом, кроме Нанси! Можете ли вы представить себе, что такое возможно? Нет никакого сомнения в том, что они тянутся друг к другу, но чтобы это зашло так далеко между ними, и никто об этом не знал! Это просто странно! Я никогда еще не видела их вместе, или я бы непременно заметила это! Итак. Все это держалось в большом секрете от миссис Феррарс. И никто, ни твой брат, ни ее сестра, не сказали об этом ни слова, до того самого дня, когда бедная Ненси, которая, как вы знаете, очень милое создание, внезапно выдала все. «Боже! — подумала она про себя, — они все так хорошо относятся к Люси, что конечно не создадут им проблем!» Итак, она пришла к вашей невестке, которая сидела одна, не спеша вышивала, немного удивленная она даже спросила: «Кто там?» и тут Ненси ей всё выпалила как есть, а всего пять минут назад ваша невестка обсуждала с мужем, как подыскать Эдварду дочку какого-нибудь лорда. Вы и представить себе не

можете, какой это был удар по ее тщеславию и гордости! Она тут же упала в страшной истерике, и с таким криком, что он достиг ушей вашего брата, когда он сидел в своей гардеробной внизу, обдумывая содержание письма своему слуге в имение. Он быстро взлетел наверх, и ужасная сцена предстала перед его глазами, так как Люси как раз вошла тоже, немного не понимая, что же происходит. Бедняжка! Мне жаль ее! Я думаю, что ей пришлось не сладко, так как ваша сестра, увидев ее, разразилась бранью настоящей фурии и скоро упала в сильном обмороке. Ненси, которая упала на колени, тоже страшно кричала. Ваш брат метался по комнате, не зная, что же делать. После этого, миссис Дэшвуд заявила, что им не следует оставаться ни минуты в ее доме, и вашему брату пришлось тоже опуститься на колени и умолять ее разрешить им остаться, хотя бы пока они упакуют свои вещи. Затем, она опять забилась в истерике, и он не зная, что сделать, послал за доктором Донованом. Мистер Донован говорит, что там просто весь дом вверх дном! Когда он прибыл, экипаж уже стоял у входа, готовый укатить моих родственниц прочь, и он повстречал их на лестнице. Бедная Люси была в таком состоянии, он сказал, что она еле

шла. И Ненси тоже! Я заявляю вам, что разрываю все отношения с вашей невесткой, и я надеюсь, раз и навсегда. Боже! Представляю, что испытал бедный мистер Эдвард, когда все это услышал! Обращаться с его любовью так презрительно! А они еще говорили, что он безумно ее любит, так же, как и она его! Я нисколько теперь не сомневаюсь, что он способен на настоящее чувство и может совершить поступок во имя своей любви! И мистер Донован тоже так думает. Он и я очень долго об этом беседовали! И лучшее, что он сделал, это снова поехал на Харлей-Стрит, чтоб быть под рукой, если миссис Феррарс пришлет за ним. А она пошлет за ним сразу же, как только мои родственницы уедут из ее дома, так как с ней опять приключится истерика и она опять потребует врача! Мне никого в том доме не жаль! Я не испытываю сочувствия в отношении людей, которые так поступают с деньгами или с положением! Нет таких причин на земле, почему бы мистеру Эдварду и Люси не пожениться! Я думаю, я уверена, что миссис Феррарс могла бы все очень хорошо устроить все для своего сына. Хотя Люси ничего не имеет, кроме самое себя, она знает лучше, чем кто-либо, как все обустроить, я точно знаю. И если бы миссис Феррарс опреде-

лила им только пять сотен фунтов в год, то мисс Стил и тогда смогла бы выглядеть, как другая не сможет и при восьми сотня! Боже! Как уютно они могли бы жить в таком же коттедже, как и вы! Или немного побольше, с двумя слугами и двумя служанками… Я думаю, что вы могли бы им помочь найти слуг. Как раз у моей Бетти есть сестра, так она совсем без места!

Пожилая дама, наконец, выговорилась и ненадолго замолчала, а у Элинор появилась возможность немного собраться с мыслями. Она могла ожидать от переезда Люси в дом Фанни чего угодно, но только не этого. Она не верила, что теперь вся эта история с помолвкой закончится легко и просто — женитьбой Эдварда и Люси. Что же теперь предпримет миссис Феррарс? О, об этом скоро узнают все. Но что же сделает Эдвард? Как он поведет себя в подобной ситуации? Это для Элинор было самым важным. Он по-прежнему нравился ей настолько сильно, насколько сильно не нравилась его избранница Люси. Ее Элинор было почти не жалко, к остальным же участникам этой истории она вообще не испытывала никаких чувств.

Миссис Дженнингс теперь не могла говорить ни о чем другом, как об этом вопиющем случае.

Поэтому Элинор решила подготовить Марианну к этой новости, чтобы она не стала для нее очередным ударом. Это была тяжкая задача. Так как Элинор должна была уничтожить то, что для ее сестры стало главной путеводной звездой в выздоровлении. Ей предстояло разрушить веру в еще одного хорошего человека, разоблачить Эдварда. Элинор волновалась, что вся эта история снова напомнит Марианне о ее страданиях. Аналогия была очевидна. Именно поэтому ей следовало всё рассказать сестре самой и как можно скорее.

Она всегда знала, что рано или поздно этот момент настанет и много раз мысленно представляла себе этот разговор с Марианой, подбирая нужные слова и интонации, чтобы правда не казалось Марианне такой пугающей.

Но Марианна иногда могла дать ей самой кредит самообладания. Эдвард теперь стал для нее вторым Уиллингби, тем более, что сестра любила своего избранника также искренне, как и она сама. Поэтому историю Элинор она восприняла как собственную трагедию. Что же касается Люси Стил, то Марианна ничуть не сострадала ей, считая ее несносной и совершенно неспособной увлечь здравомыслящего мужчину и сначала

наотрез отказывалась верить в эту связь! Эдвард помолвлен с Люси? Это быть не может! Или весь мир сошел с ума!

Сообщение об этой невероятной помолвке настолько потрясло Марианну, что она не сразу смогла справиться со своими чувствами и выяснять детали. Помолчав, она спросила у Элинор:

— Когда ты узнала об этом?

— Я знаю об этом уже четыре месяца. Когда Люси в первый раз пришла к нам в Бартон-Парк в ноябре, она сказала мне по секрету о своей помолвке.

Глаза Марианны наполнились слезами, а губы затряслись, и она произнесла:

— Четыре месяца?!!! Ты знала об этом четыре месяца?

Элинор молча кивнула.

— Что!? В то время, как ты помогала мне во всем моем несчастии, что же происходило с твоим собственным сердцем? И я еще обвиняла тебя в том, что ты счастлива!

— Но я не могла тогда тебе всего рассказать.

— Четыре месяца, — повторила Марианна, — Так терпеливо и мужественно молчать! Как же ты выдержала?

— Я чувствовала, что должна выполнить свой

долг. Я поклялась сама себе, что буду хранить эту тайну, чтобы не случилось, и как могла оберегала нашу семью от этой печальной новости.

Марианна от удивления не могла произнести ни слова.

— Несколько раз я пыталась переубедить нашу маму и тебя, — продолжала Элинор, — Но намеков с моей стороны оказалось недостаточно, а сказать всю правду я не могла.

— Четыре месяца! И все то время ты любила его!

— Да. Но я любила не только его. Так же и дорогих мне людей! Я была рада защитить их от того, с чем столкнулась сама. Теперь я могу говорить и думать об этом с легким сердцем! Я не дала тебе повода переживать из-за меня, и могу тебе сказать, что сама я уже и не страдаю! Опору я нашла в самой себе. И я не виню Эдварда в том, что произошло. Я искренне желаю ему семейного счастья и всегда считала его человеком слова, хотя именного из-за этого мы теперь не можем быть вместе. Но я уважаю его выбор, хотя и не считаю Люси достойной для него партией. Она, похоже, не располагает умом, а это тот фундамент, на котором все и строится. И после всего этого, Марианна, увы, как можно верить в то, что мы любим

раз и навсегда?! Это не про нас! К сожалению, так не бывает, хотя и должно быть! Эдвард женится на Люси, и совсем скоро он забудет, что когда-то мечтал о другой!

— Если ты способна в такой ситуации так здраво рассуждать и спокойно говорить об этом, — сказала Марианна, — если ты считаешь, что такую потерю будет легко восполнить, мне остается только позавидовать или даже посочувствовать твоему самообладанию.

— Я понимаю, ты считаешь, что я никогда по-настоящему и не любила его? Что же касается четырех месяцев, Марианна, то я все это носила в себе все эти месяцы, оберегая вас от удара, который принесет вам горькая правда. Я хотела вас подготовить. Хотя меня к этому известию не готовил никто! Наоборот, Люси со злорадством, как мне кажется, наблюдала мою реакцию. Мне пришлось выдержать не только исповедь этой персоны, но и слушать ее мнение об этом! И не раз… Я выслушивала ее надежды, она просила совета… Я понимала, как мое счастье с каждым днем уплывает от меня все дальше и дальше. Да, он был помолвлен с другой, но при этом был не безразличен и ко мне! Я молча сносила упреки его сестры, пренебрежение его матери и что же?

Я получила достойную награду! И ведь все это свалилось на мою голову, именно тогда, когда, ты мне сказала, что я везучая! Если ты только считаешь меня способной на какое-либо чувство, то ты понимаешь, как я сейчас страдаю! И состояние мыслей, в которое я все привела, чтобы сохранить себя, и соболезнования, которые мне были бы так нужны, — все это было одной нескончаемой душевной болью! Если бы я не дала себе обет молчания, я просто не смогла бы все это выдержать! Ведь даже, когда я находилась только с моими дорогими друзьями, то и тогда мне нельзя было открыться, насколько я несчастна!

Марианна была почти полностью подавлена словами сестры.

— Элинор! — вскричала она, — Я уже почти возненавидела себя! Как же я жестоко относилась к тебе, к той, которая была моим единственным утешением, которая выросла со мной во всех этих иллюзиях и которая только одна могла страдать за меня! Разве это моя благодарность? И есть ли что-то такое, что я могла бы тебе вернуть, потому что ты с достоинством плакала обо мне и не могла оплакать себя!

Растроганная Марианна была готова на все, лишь бы искупить свою вину перед сестрой, и

Элинор попросила ее не обсуждать эту тему с общими знакомыми и друзьями, при встречах с Люси сделать вид, что ничего не произошло, а при встречах с Эдвардом по-прежнему проявлять к нему прежнее дружеское расположение.

Это было волевое решение, но все равно Марианна чувствовала, что она так ранена, что никакие лекарства ей уже не помогут.

Она сдержала свое обещание не подавать виду — смогла выслушать все, что миссис Дженнингс рассказала ей о случившемся, не скрывая от нее ничего, и даже раза три повторила «да, сударыня». Она слушала ее, не обсуждая Люси, только переходила от одного кресла к другому, и когда миссис Дженнингс начала рассказывать о чувствах бедного Эдварда, то едва сдержала нервный ком сдавивший ее горло. Такое самопожертвование сестры сделало Элинор еще более решительной.

На следующее утро сестер ждали новые испытания, с визитом пришел их сводный брат, который спешил поставить их в известность по поводу страшного происшествия, которое стоило бессонной ночи его несчастной супруге.

— Вы уже слышали, я надеюсь, — произнес Джон с драматической скорбью, устраиваясь

поудобнее на стуле, — о весьма шокирующем случае, который имел место быть в нашем доме вчера?

Они все посмотрели на него со вниманием, но никто не проронил ни слова.

— Моя бедная Фанни — он продолжал, — сейчас очень страдает. Миссис Феррарс тоже, сказать вкратце, настолько расстроена, что не сомневаюсь, поднимает бурю, которая, надеюсь, минует многих из нас! Бедная Фанни! Она просто истерзана горем! Но не принимайте всё так близко к сердцу. Доктор сказал, что физически она абсолютно здорова. Но вот душевно… Она преодолевает свои мучения с мужеством ангела и говорит, что никогда теперь не сможет хорошо думать о людях! И это вполне понятно после такого обмана! Встречаться с такой любезностью, с такой показной добротой и с такими доверительными отношениями! Это было против ее воли, но она всё-таки указала на дверь *этим двум* особам. Прежде всего, потому, что решила, девицы *воспользовались* ее добротой! Были такие безобидные, такие смирные воспитанные девочки, такие услужливые! Мы так хотели пригласить тебя и Марианну пожить у нас, пока Ваша добрейшая миссис Дженнингс уделяла внимание

своей дочери. Но были вынуждены пригласить *этих* девиц. И вот теперь все так испорчено! «Уж лучше бы, — сказала бедная Фанни, — мы пригласили бы к себе твоих сестер вместо *этих двух*!..

Здесь Джон Дэшвуд остановился, чтобы его поблагодарили за сделанное в такой форме приглашение, и, получив благодарности, продолжал:

— То, что бедная миссис Фанни так болезненно восприняла данную новость — это понятно. Пока она, со свойственной ей заботой, выбирала ему достойную супругу, он уже был *тайно помолвлен*! Такое никогда не могло прийти ей в голову! Такой удар! Никому нельзя верить! Мы посоветовались между собой и решили, что надо расспросить самого Эдварда. Послали за ним. Он пришел. Но, мне жаль, что приходится все пересказывать. Все, что ему сказала миссис Феррарс, так это то, что надо разорвать помолвку, если ты, мол, хочешь моего благословения! Фанни здесь была беспощадна, — долг, честь, отношения — все растоптано! А его мать объяснила ему свое либеральное решение, если он женится на мисс Мортон, то она отпишет ему имение Норфолк, которое, даже без земель все равно приносит тысячу годового дохода. И если все собрать, то

можно добиться и двенадцати сотен в год! И, наоборот, если он все же будет настаивать на своей низкой связи, то она примет все меры, чтобы вообще его всего лишить! Его две тысячи годового дохода она опротестует полностью не в его пользу, она больше не желает его видеть, и, более того, она лишит его даже малейшей помощи! А, если он постарается как-то заработать деньги, то она уж найдет возможности, чтоб не дать ему этого сделать!

На этом месте Марианна в приливе чувств хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Господи, не верю своим ушам! Этого не может быть!

— Еще как может, Марианна, — ответил брат, — я просто поражаюсь. Вы так спокойно реагируете на всё это.

Марианна хотела что-то сказать, но вспомнила о своем обещании и промолчала.

— Все это, — продолжал Джон, — было сказано из тщеславия. Эдвард молчал, но то, что он потом высказал, было сделано в твердой манере. Ничего не заставит его разорвать его помолвку! Он настоит на своем, чего бы ему это ни стоило!

— Тогда, — воскликнула миссис Дженнингс с нескрываемой искренностью и не в силах мол-

чать, — он поступает, как благородный человек. Я прошу вашего прощения, мистер Дэшвуд, но если бы он поступил иначе, то я бы подумал о нем плохо! Я мало разбираюсь в таких делах, так же как и вы, к тому же, Люси Стиллс — моя кузина, но я не думаю, что есть лучше девушка для него на свете, которая могла бы получит такого мужа!

Джон Дэшвуд был сильно удивлен такой «провокации» со стороны миссис Дженнингс, но желания обижаться на подобное у него не обнаружилось, тем более, если такое резюме звучало от кого-либо, имеющего солидное состояние. Он ответил, не выказывая никаких эмоций:

— Я не хотел бы здесь говорить что-либо неуважительное по поводу кого-либо из ваших родственников. Люси Стиллс, могу сказать, вполне заслуживающая внимания молодая особа, но при настоящем положении дел, все связи должны быть прерваны. Втянуть в тайную помолвку под нажимом своего дяди молодого человека, сына женщины, с чрезвычайно большим состоянием, такой как миссис Феррарс, все это, я думаю, более чем просто экстраординарно! Короче говоря, я не буду обсуждать поведение персон, которых мы назвали. Мы все желаем им счастья, а миссис Феррарс повела себя так, как любая другая мать

при таких же обстоятельствах. Это было тяжело, но весьма справедливо! Эдвард потерял свой шанс в жизни, и, похоже, безвозвратно.

Марианна вздохнула, а у Элинор забилось сердце при мысли о будущем Эдварда. Заниматься бравадой перед своей матерью и терять все, ради женщины, которая того не стоит!

— Хорошо, — сказала миссис Дженнингс, — и как же это все закончилось?

— Мне тяжело говорить, сударыня, об этом. Всё закончилось в одночасье. Мать прогнала Эдварда с глаз долой навсегда. Он покинул свой дом вчера, но вот где он может быть сейчас… Все еще в городе или нет, я не знаю, и мы пока узнать этого не можем.

— Бедный молодой человек, и что же теперь будет с ним?

— Правда! Что теперь будет, сударыня? Это пагубное решение! Родиться для таких событий! Я не могу иначе оценить такую ситуацию, кроме как прискорбной! Интерес в две тысячи годовых! Как бы он мог жить на них! И еще мог бы прибавить к своей удаче в ближайшее время! А мисс Мортон имела бы 30 тысяч годовых! Я не мог представить себе более счастливую картину жизни для него, и вдруг все рухнуло! Но я ничем

не могу ему помочь!

— Бедный молодой человек! — воскликнула миссис Дженнингс, — Я думаю, что ему было бы неплохо получить в моем доме ночлег и стол, если бы я его увидела. Конечно, это не заменит ему того, что он потерял, но хотя бы на первое время.

Сердце Элинор забилось при этих словах, хотя она только смогла улыбнуться.

— Если только он правильно себя поведет, — сказал Джон Дэшвуд, — Так как все друзья советуют ему делать, он сейчас сам решит свою проблему, чтобы потом не о чем не жалеть. Пока время работает только против него. Его мать решительно хочет переписать всю недвижимость на Роберта, и, причём немедленно, чтоб поставить Эдварда на место. Сегодня утром к ней уже приехал адвокат.

— Вот это да, — сказала миссис Дженнингс, — вот это серьезный удар от любящей мамочки! Конечно, каждый идет своим путем, но я не думаю, что я отдала бы все одному сыну, если другой захотел бы стать независимым!

Марианна больше не могла сидеть сложа руки, резко встала и начала молча расхаживать из угла в угол.

— Что может быть ужаснее для молодого муж-

чины, — продолжал Джон, — видеть родного брата наследником всего состояния, которое могло быть его собственным? Бедный Эдвард! Я искренне жалею его!

На этой прискорбной ноте утренний визит был завершен и три леди остались наедине со своими чувствами по поводу Эдварда, миссис Феррарс и Дэшвудов.

Как только брат вышел, Марианна дала волю своим чувствам, Элинор тоже не смогла сдержаться, а миссис Дженнингс и не собиралась сдерживаться, и все трое с жаром принялись обсуждать и осуждать услышанные новости.

Глава 20

Миссис Дженнингс поддерживала поступок Эдварда, но только Элинор и Марианна знали всю правду об этом отчаянном жесте. Они знали, как мало он сделал для того, чтобы стать по-настоящему независимым и по своей вине стал жертвой обстоятельств, которые привели его к потере друзей и наследства. Элинор гордилась его благородством, а Марианна готова была всё ему простить. Но они старались лишний раз не говорить о нем. Элинор чувствовала, с какой теплотой и сочувствием к нему относится Марианна. Это означало, что Эдвард все еще производил хорошее впечатление на ее сестру, и это расшатывало самообладание Элинор. Марианна каждый раз сравнивая себя и сестру в одинаковой ситуации, чувствовала на себе всю силу такого сравнения, и не в свою пользу. Она переживала это со всей болью своего позора, сожалея об этом очень горько и так сильно, как никогда раньше! И это приносило только страдания и муки, без какой-либо надежды на облегчение! Ее ум настолько ослаб, что она воображала все происходит не наяву, а

во сне и это только ухудшало ее состояние!

Ничего нового не было слышно ни на Харлей-Стрит, ни в Бартлетт-Билдингс еще день или два. Поэтому миссис Дженнингс ничего другого не оставалось, как только распространять эту новость дальше. Она даже решила нанести визит утешения, когда только сможет, своей кузине, но серьезное препятствие в виде большого количества приглашений никак не давало ей навестить Люси.

Третий день принес новые подробности. Это было ясное и прозрачное воскресное утро, хотя шла всего лишь вторая неделя марта, поэтому многие отправились в Кенсингтонский парк. Миссис Дженнингс и Элинор были в их числе. Марианна, которая знала, что Уиллингби в городе и ищет встречи с ними, старалась избегать общественных мест и осталась дома.

У ворот парка миссис Дженнингс сразу встретила своих очередных хороших знакомых, и Элинор, не желая выслушивать их разговоры, шла от них чуть поодаль, предоставленная сама себе. В этот день она не встретила ни Уиллингби, ни Эдварда и вообще никого, кто бы привлек ее внимание. Но в конце прогулки ее ждал сюрприз. Мисс Ненси Стиллс, которая выглядела достаточно сияющей,

подошла и радостно приветствовала их. Миссис Дженнингс ответила ей тем же и на минутку оставила своих знакомых и присоединилась к девицам, успев прошептать на ухо Элинор:

— Выпытайте у нее всё, Элинор. Она расскажет вам всё — вы только спросите! Видите, я не могу оставить миссис Кларк.

К удивлению миссис Дженнингс и даже Элинор, Нэнси рассказала все сама, и даже не дождавшись вопроса, видимо, последний случай ее ничему не научил!

— Я так рада вас видеть, — сказала мисс Стиллс, взяв за руку Элинор, как близкую подругу, — я очень хотела увидеть вас, больше всех на свете, — и затем, в полголоса спросила, — А миссис Дженнингс уже знает обо всем? Она очень рассержена?

— Совсем нет, я думаю, нет.

— Замечательно! А леди Миддлтон, она сердита?

— Я только могу предположить, но думаю, что вряд ли.

— Я ужасно рада этому. Боже милостивый! Я перенесла такие времена! Я еще никогда не видела Люси такой взвинченной. Она клялась, что теперь уж точно никогда не купит мне новую

шляпку и не сделает еще чего-нибудь для меня снова, как только она уехала. Но сейчас она достаточно пришла в себя, и мы снова друзья, как и были. Смотрите, она сделала мне новый бант на шляпу, и это перо буквально вчерашним вечером. Теперь вы тоже можете посмеяться надо мной по поводу доктора! Но, почему бы мне и не носить алые ленты, только из-за того, что это любимый цвет доктора! Тем более мне он об этом никогда не говорил. Раз он так не говорил, то мои кузины не должны так подшучивать надо мной. А право не знаю иногда, как с ними обращаться…

Заметив полное равнодушие Элинор к лентам, докторам и кузинам, мисс Стиллс быстро вернулась к прежней теме.

— Да, мисс Дэшвуд, — произнесла он торжествующе. — Злые языки могут твердить, что угодно, о мистере Феррарсе и о его заявлении, что он не хочет жениться на Люси, но это не так! Я могу вам сказать, что наглая ложь! Люси пусть сама решает, как ей быть, но других это дело совершенно не касается!

— Я, право, ничего не слышала о том, что вы только что сообщили, — удивилась Элинор.

— Что, и вправду? Но ведь об этом уже *все* говорят! Я точно знаю это, так как миссис Гольдби

сказала миссис Спарк, что никто в здравом уме не отказался бы от мисс Мортон, с ее тридцатью тысячами годового дохода, ради Люси Стиллс, у которой вообще ничего нет. А я слышала это от миссис Спарк сама. И, кроме того, мой кузен Ричард сказал сам, что когда дошло до дела, он думал, что Эдвард выйдет из игры. Когда Эдварда пропал на три дня, я не знала, что же подумать? И я решила, что и Люси считает, что всё пропало, после того, как нас выгнали от вашего брата в среду, и мы его не видели с тех пор. Сначала Люси хотела написать ему, но передумала. И вот он сегодня утром появился, как только мы пришли из церкви, и все стало ясным. Рассказал нам, как за ним посылали в среду с Харлей-Стрит, и как с ним поговорила его мать, что было решено, и как он заявил, что никого не любит больше, чем Люси, и никогда ни на ком не жениться кроме Люси! И как он боялся того, что за этим последует, и как он уехал из материнского дома. Он вскочил на лошадь и поскакал прочь из города. Все эти дни в придорожной гостинице, четверг и пятницу, и думал, как исправить положение. И после того, как он все обдумал, то пришел к мысли, что раз он теперь ничего не имеет и лишен полностью наследства, то ему не имеет смыс-

ла сдерживать обещание о женитьбе на Люси, так как он имеет только две тысячи и никаких перспектив! Если он пойдет служить, то может рассчитывать только на должность викария, а на это разве можно будет существовать? Поэтому он решил расторгнуть свое помолвку. И он ничего не мог придумать для Люси лучше, чем это. И поэтому молил простить его, если она все еще думает о свадьбе, положить конец всему этому, и предоставить его самому себе! Я сама слышала, как он это сказал так просто, как только можно! И все это было только ради нее, для ее же блага, и она согласилась и ни слова не сказала наперекор! Могу дать слово, что он нисколько не разочаровался в ней и не сделал это, чтоб жениться на мисс Мортон! Только, чтобы быть уверенным в Люси, а она заверила его со всеми словами нежности (ну, вы представляете, как трудно их передавать!), что сколько бы он не получал, она никогда его не бросит и будет существовать на любую сумму! И все в том же роде. Поэтому он был чудовищно счастлив и договорился с ней, что им предпринять, и они решили все сделать быстро и пожениться сразу же, как только он вернется. И больше я ничего не слышала, так как моя кузина позвала меня вниз, так как приехал

экипаж миссис Ричардсон. Мне пришлось войти в комнату и прервать их разговор. Я спросила у Люси, не хочет ли она поехать в Кенсингтонский парк. Но она не захотела оставлять Эдварда, поэтому отказалась, и я быстро вбежала наверх, надела пару шелковых чулок и приехала вместе с Ричардсонами.

— Я не поняла, что вы имели в виду, сказав, что помешали им, — спросила Элинор, — вы же всегда вместе в одной комнате, разве не так?

— Конечно, нет, только не мы! О! Мисс Дэшвуд! Вы что же думаете, люди занимаются любовью при посторонних? О, какой ужас! Уверена, что вы знаете об этом больше, чем я (*громко рассмеялась*)! Нет, же, нет! Они, конечно, заперлись в рисовальной, а все, что я рассказала, я случайно подслушала под дверью.

— Как?! — воскликнула Элинор, — Можете ли вы повторить мне то, что вы только что сказали? Я правильно вас поняла, что вы подслушивали под дверью? Я прошу прощения, что вообще не знала раньше об этом, иначе бы не разрешила вам рассказывать мне все подробности их разговора! Как же вы можете вести себя так непристойно?!

— О! Ну, а что здесь такого? Я всего лишь стояла недалеко от двери и слышала то, что могла

услышать. Я вполне уверена, что Люси поступает точно также. Еще год или два назад, когда Марта Шарп и я имели так много секретов, она нисколько не стеснялась нас подслушивать и для этого обычно пряталась за камином!

Элинор пыталась заговорить о чем-нибудь другом, но мисс Стиллс не могла остановиться и всё время возвращалась к этой паре, судьба которой так волновала ее.

— Эдвард говорил, что скоро поедет в Оксфорд, — сказала она, — а пока он снимает комнату на Пэлл-Мэлл. Какая же она — бессердечная женщина, его мать, не правда ли? Да и ваши брат и невестка тоже не очень-то любезны! Но, все равно, я не буду ничего говорить плохого про них вам! К тому же она нас отправила домой в своем экипаже, что было больше того, что я ожидала! Что же касается меня, то я даже опасалась, что ваша сестрица попросит назад сумки для рукоделия, которые подарила за день или два до того, но как ни странно, ничего о них не говорилось, хотя я на всякий случай и припрятала свою подальше, чтобы о ней и не вспоминали. Эдвард имеет некоторые дела в Оксфорде, он сказал, что поэтому должен уехать на некоторое время, и только после его встречи с епископом, он будет посвящен

в сан. Я только гадаю, как же странно он будет выглядеть! — Боже, милостивый (*подхихикивая при этом*)! Ставлю свою жизнь на кон, что мои кузины скажут на это, как только узнают! Они скажут, что мне необходимо написать доктору, чтобы Эдвард получил там приход и новое место жительства! Я, конечно, знаю, что они так и скажут, но я ни за что не буду ему писать! Да, да, я скажу им прямо! Я поинтересуюсь, как это они могут так думать о таких вещах! А я все равно напишу доктору, точно!

— Хорошо, — сказала Элинор, — Это правильно, что вы подготовились к худшему. И продумали свой ответ.

Мисс Стиллс хотела сказать еще что-то еще, но тут появились Ричардсоны.

— О! Ла-ла-ла! Вот и Ричардсоны! Мне еще много надо сказать вам, но я не могу оставлять их одних так надолго! Я уверяю вас, они очень воспитанные люди. Он делает чудовищные деньги, и они имеют свой выезд. У меня уже нет времени рассказать миссис Дженнингс о себе, но я прошу вас сказать ей, я очень рада узнать, что она на нас не сердится! И Леди Миддлтон тоже! И если что-нибудь произойдет, что заставит вас и вашу сестру уехать, а миссис Дженнингс нужна будет

компания, я уверена, что мы будем рады принять ее приглашение и пожить у нее так долго, как она того захочет! Я думаю, что Леди Миддлтон уже вряд ли попросит нас о такой услуге… До свидания, мне жаль, что мисс Марианны нет здесь. Помните, что я очень хорошо к ней отношусь! Ха! Вы еще не надели ваше платье из муслина в горошек? Удивляюсь, как вы не боитесь, что на нем появятся дыры от моли!

Она отвесила отвесить еще несколько прощальных комплиментов миссис Дженнингс, пока ее в свою компанию не утащила миссис Ричардсон. Элинор попыталась собрать воедино всё услышанное, по правде сказать, многое из того, что она только что услышала, было вполне предсказуемо и, прежде всего, женитьба Эдварда на Люси. Но когда это должно было случиться, оставалось загадкой. Она решила, что это зависит от того, когда он получит должность, на которую при таких условия имел шанс и не малый.

Как только они вернулись к экипажу, миссис Дженнингс сгорала от любопытства, но Элинор решила ничего не рассказывать ей, и не ради Люси, а потому, что полученные таким путем новости не делали чести никому! Нерушимость их помолвки и то, что они скоро поженятся — была

главная новость из всего рассказа мисс Стиллс, которая вызвала у миссис Дженнингс, как всегда, бурную реакцию.

— Подождите, вот когда они начнут жить самостоятельно! Ого! Мы-то знаем, как все это заканчивается! Они будут ждать средств двенадцать месяцев! А когда те не придут, они начнут жить на пятьдесят фунтов в год, на проценты от его двух тысяч фунтов, и то немногое, что мисс Стил и миссис Пратт смогут ей дать! А потом у них пойдут дети каждый год! Господи, помоги им! Как же бедны они будут! Я должна посмотреть, чем могу помочь им обставить их новый дом… Двое слуг и две горничные! Точно, как я и говорила на днях! Нет. Нет, им надо одну хорошую девушку для всех видов работы! Сестра Бетти никак не сможет сейчас на них работать!

На следующее утро Элинор принесли письмо, доставленное городской почтой, ценой всего в два пенни, лично от Люси. В нем говорилось:

«Барлетт-Билдингс, март

Я надеюсь, что моя дорогая мисс Дэшвуд извинит меня за фривольность, с которой я ей пишу! Но я знаю, что Ваше хорошее отношение ко мне и Эдварду раз-

решает написать Вам о том, что после всех проблем, с которыми мы столкнулись за последнее время, все изменилось! Только и можно сказать, Слава Богу! Так как мы очень жестоко страдали, то теперь нам уже двоим хорошо, и мы счастливы, как и должно было быть! У нас были неприятности, судебные и прочие обвинения, но, вместе с тем, все прошло удачно, и у нас остались друзья, среди которых Вы, Элинор, занимаете не последнее место! Вашу искреннюю доброту я буду помнить всегда, также как и Эдвард, который сказал мне об этом. Я надеюсь, что Вам будет приятно услышать, а также миссис Дженнингс, что я провела два счастливых часа с ним вчера поле полудня! Но он и слышать не хочет о нашем разрыве, чего очень хочу я! А я считаю это – своим долгом, для его же блага и готова расстаться, как только он этого захочет! Но он сказал, что этого никогда не будет! Он не поддастся власти своей матери! Если ему не удастся бросить меня, то наши перспективы на будущее не очень радостные! Честно

говоря, нам остается только надеяться и верить в будущее! Он должен скоро принять сан, и, если это в Вашей власти рекомендовать его кому-нибудь, чтоб получить приход и жилье, я очень надеюсь, что Вы не забудете нас! И дорогая миссис Дженнингс тоже! Мы просим передать хорошие пожелания сэру Джону и мистеру Палмеру, и кому-нибудь еще из наших возможных друзей! Бедная Анна очень себя клянет за то, что сделала! Но она это совершила из лучших побуждений, так что мне нечего сказать. Надеюсь, миссис Дженнингс не думает, что ей будет трудно нанести нам визит! Она может для этого выбрать любой день! Это будет проявлением очень большой доброты, и мои кузины с радостью познакомятся с нею! Мое письмо напоминает мне, что надо заканчивать, и я умолять Вас с большим почтением и уважением вспоминать миссис Дженнингс, сэра Джона, леди Миддлтон и их детей! Когда у Вас появится случай, передайте и нашу любовь мисс Марианне!

Я, остающаяся такой-то и такой-

то...»

Как только Элинор закончила читать его, она задумалась над тем, было ли оно написано от души или нет? И планировалось ли, чтобы оно попало миссис Дженнингс в руки, которая, получив его от Элинор, прочитала его громко, со многими комментариями, удовлетворением и похвалой.

— Очень, право, хорошо! Как же мило, она пишет! Ох! Ох! Так и следовало ожидать, что они не окажутся вне общества! Это так похоже на Люси! Бедняжка! Я надеюсь, что помогу им устроиться в жизни, и сделаю это от всего сердца! Она зовет меня «миссис Дженнингс», вы видели! Такая славная девушка, редко сейчас таких встретишь! Уж точно! Какие правильные и грамотные предложения, и какой почерк! Да, конечно, я обязательно навещу их! Как внимательна она, подумала о каждом! Спасибо моя дорогая, что показали его мне! Это самое приятное письмо, которое я когда-либо получала, и делает честь уму и сердцу Люси...

Сестры Дэшвуд гостили в Лондоне уже больше двух месяцев, и желание Марианны поскорее уехать домой росло с каждым днем. Она скучала по простоте и свободе мирной провинции,

и воображала, что если какое-нибудь место и может дать ей облегчение, так это только Бартон. Элинор относилась к отъезду почти также как, и Марианна, но единственное, что ее останавливало, так это то, что дорога была достаточно долгой и трудной, но эти трудности уже пугали Марианну. Она первой начала готовиться к отъезду и даже объявила об этом своей доброй хозяйке, которая принялась ее отговаривать со всем своим красноречием от этого поспешного решения. Когда же всё было решено и до их отъезда домой оставалось всего несколько недель, перед Элинор и Марианной вдруг возникла неожиданная дорога. Палмеры отправлялись в Кливленд в конце марта, на Пасху, и настойчиво приглашали с собой миссис Дженнингс с сестрами Дэшвуд. Это не могло, само по себе, быть принято мисс Дэшвуд, но под нажимом самого мистера Палмера, который уговаривал ее поехать с ними ради младшей сестры, которой необходимо сменить обстановку, она согласилась.

Когда она рассказала об этом Марианне, о том, что согласилась на эту поездку, то ее первая реакция была неожиданной.

— Кливленд! — воскликнула она, — Нет, я не могу ехать в Кливленд!

— Ты забыла, — сказал Элинор мягко, — что там ситуация не… что это не рядом по соседству с…

— Но, это же в Соммерсетшире! Я не могу ехать в Соммерсетшир, куда я собиралась когда-то переехать! Нет, Элинор, я не могу…

Элинор не стала отговаривать ее и только сказала, что это самый короткий путь домой, к их любимой матери, за которой они обе так соскучились. Из Кливленда, который в нескольких милях от Бристоля, расстояние до Бартона было не больше одного дня пути. К тому же, мать могла послать за ними своего слугу, чтобы ускорить их возвращение. Если им не придется оставаться в Кливленде больше недели, то дома они смогут быть уже через недели три. Так как отношение Марианны к матери были искренними, то она согласилась с Элинор, которой пришлось прибегнуть еще к одной хитрости.

Миссис Дженнингс не хотела отпускать своих гостей домой и настаивала, чтобы они вернулись из Кливленда в Лондон вместе с ней. Элинор была благодарна за такое отношение, но это не совпадало с их желанием, и уж точно с желанием их матери. Все, что могло заставить их сюда вернуться, было заранее улажено, и Марианна почувствовала облегчение, считая дни и часы,

которые отделяют ее от Бартона.

— Ах! Полковник, я просто не знаю, что я и вы будем делать, когда они уедут! — вздохнула миссис Дженнингс, когда Брэндон зашел к ним перед отъездом. — Они полны решимости не возвращаться и ехать прямо домой от Палмеров! Как несчастна я буду, вернувшись сюда, домой одна! О! Боже! Мы просто будем сидеть и глупо таращиться друг на друга, как две кошки!

Возможно, миссис Дженнингс, представляя полковнику печальную картину их будущего, подталкивала его к шагу, который избавил бы его от этого. Если всё будет именно так, то ее цель достигнута! Когда Элинор передвинулась поближе к окну, чтоб лучше рассмотреть гравюру, копию которой она хотела сделать своим друзьям, он немедленно последовал за ней и говорил с ней несколько минут.

Эффект, который это произвело на молодую леди, не мог укрыться от глаз миссис Дженнингс. К тому же, она была слишком благородна, чтоб прислушиваться, а только пересела так, чтобы не слышать их, поближе к пианофорте, на котором играла Марианна. Но она не могла не видеть, что Элинор покраснела от волнения и была так увлечена тем, о чем они говорили, что показы-

вало ее явную заинтересованность беседой. И так, как она шла дальше в своих надеждах, то в перерыве игры, когда Марианна переходила от одного урока к другому, некоторые слова полковника все же достигли, пусть и непроизвольно, ее слуха. Судя по обрывкам фраз, он извинялся за то, что его дом для этого не подходит. Это вполне доказывало, что все идет, как надо, безо всяких на то подтверждений. Она удивилась его манере говорить такое, но отнесла это к принятому этикету. Миссис Дженнингс увидела, что Элинор ответила, но уже не расслышала что именно, и, судя, по движению ее губ, разговор шел не о материальных вещах. Миссис Дженнингс мысленно похвалила Элинор за такую правдивость. Затем они поговорили еще несколько минут и разошлись, не сказав более ни слова. Но другая счастливая встреча его с Марианной принесли возможность старой леди услышать последние слова полковника, сказанные тихим голосом:

— Я боюсь, что это не может произойти очень скоро.

Изумленная и потрясенная такой речью, не свойственной влюбленным, миссис Дженнингс едва не разрыдалась.

— О, Боже! — подумала она и, чтобы проверить

свои наблюдения, замерла в тишине, — Это очень странно! Куда еще ему тянуть с предложением!

Но, она заметила, что эта заминка с полковником, похоже, не очень-то оскорбляла или обижала сестер Дэшвуд. По окончании этого совещания, и разойдясь по разным сторонам, миссис Дженнингс очень четко расслышала, как Элинор сказала ему голосом с достаточным чувством:

— Я всегда буду вам очень обязана.

Миссис Дженнингс была обрадована ее благодарностью, но удивлена, тем, что полковник после таких слов благодарности развернулся и молча вышел. А разговор у полковника с Элинор был, на самом деле, вот о чем:

— Я слышал, — сказал он с большим участием, — о несправедливости, которую ваш друг Феррарс терпит от своей семьи. И, если я правильно понял причину всего, то его семья подвергла его этому за то, что он был помолвлен с недостойной на их взгляд девушкой. Правильно ли меня проинформировали? Так ли это?

Элинор рассказала, как все это было.

— Жестоко, какая непростительная жестокость! — ответил полковник в сердцах, — разделять или пытаться разделить двух молодых людей, так давно принадлежавших друг другу!

Это ужасно! Миссис Феррарс, возможно, даже и не знает, что она делает и к чему она подводит своего сына! Я видел миссис Феррарс два или три раза на Харлей-Стрит. И я очень симпатизирую ему! Он, конечно, не из тех людей, с которыми близко можно сойтись за короткое знакомство! Но я достаточно разглядел его, чтобы пожелать ему счастья, а как ваш знакомый, желаю этого еще больше! Я понял, что он собирался принять сан. Не могли бы вы передать ему, что сейчас освободилось место викария в Делафорде, я только что узнал об этом из утренней почты. Вдруг это ему подойдет, хотя я так не думаю, так как это слишком большая разница с тем уровнем жизни, что он сейчас имеет! Хотя, это все же лучшее, с тем, например, что есть у меня. Это ведь и дом приходского священника и около двухсот фунтов годового жалования, и со временем, может, и больше, я надеюсь! Ну, конечно, это не такой доход, чтоб жить очень свободно. Как бы ни было, я с радостью сообщаю ему об этом. Вдруг, это может его заинтересовать.

Реакция Элинор была более сильной, чем Брэндон мог себе предположить. Чтобы полковник *сам* вызвался помочь Эдварду! Положение Эдварда, которое казалось ей безнадежным всего

несколько дней назад, теперь оказывалось весьма удобным для женитьбы Эдварда! И это она, Элинор, из всех людей на земле, возможно, сможет помочь ему в этом! Ее эмоции при предложении Брэндона, были достаточно велики, чтобы миссис Дженнингс приняла их за другое! Конечно, часть чувств, которые вызывали в Элинор любые разговоры об Эдварде, достались и Брэндону, тем более, учитывая его возможное участие в судьбе Эдварда. А ее благодарность за дружбу, которая заставила полковника пойти на такие действия, чувствовалась сильно и выражалась тепло! Поговорили о принципах Эдварда. Она поблагодарила полковника Брэндона от всего сердца за его позицию и обещание принять у себя в доме с такой похвалой, которую он мог воспринять. Сказала, что с радостью берет эту миссию на себя, если он действительно желает решить это дело так! Но в тоже время, Элинор не могла представить, что никто другой не мог бы так вовремя это сделать, как он. Это был тот выход, который давал возможность Эдварду выполнить свое обещание и жениться на Люси, найденный с помощью полковника Брэндона и Элинор, что было бы ей весьма приятно! По мотивам деликатности, решили, чтоб все это исходило от нее. Эдвард,

она верила, был все еще в городе, она, к счастью, слышала его адрес от мисс Стиллс. Элинор могла тогда известить его в течение дня. И после того, как это было сделано, полковник Брэндон начал говорить о своей возможности, получить такого уважаемого и порядочного соседа. Тогда-то и было сказано с сожалением, что его дом мал! Эта фраза и ввела в заблуждение миссис Дженнингс!

— Маленький дом ничего не значит! Все зависит от размера семьи, — подхватила Марианна, — Я не вижу никаких неудобств в этом! Зависит и от размеров семьи, и от доходов!

При этом полковник был удивлен, что она разумно смотрит на эти вещи, и считает возможным жить там на скромные деньги, тогда как другая на ее месте никогда бы не согласилась. Он добавил:

— Этот дом приходского священника дает не больше удобств, чем дом какого-нибудь скотовода. Но он может дать ему возможность жениться. Мне очень жаль, но на этом моя миссия завершена, и мои интересы тоже! Если случиться, что это будет в моей власти, помочь им больше, так как я сейчас более к ним расположен, чем был, то я обещаю оказать помощь! То, что я сейчас делаю для них, похоже, ничего не значит, так как дает

мало для его продвижения по службе и для его жены. Его женитьба состоится, хотя лично я не верю, что это может произойти скоро…

Вот это предложение и было тем, которое и услышала миссис Дженнингс, считая его относящимся к деликатным чувствам мисс Элинор! После того разговора, который действительно произошел между полковником Брэндоном и Элинор, пока они стояли у окна, она испытывала такое чувство волнения и благодарности, как если бы ей, действительно, сделали предложение.

Глава 21

— Хорошо, мисс Дэшвуд, — сказала миссис Дженнингс, проницательно улыбаясь, как только джентльмен вышел, — Я не спрашиваю, что полковник сказал вам. По причине своей гордости я не старалась услышать того, что он говорил. Но не смогла не расслышать то, что было сказано слишком громко в моем присутствии! И могу только заверить, что я еще никогда не была так довольна в жизни и желаю вам радости от всего сердца!!!

— Спасибо, сударыня, — ответила Элинор, — Это, правда, дело большой радости для меня! И я чувствую божественную рассудительность полковника Брэндона! Не так уж много есть мужчин, которые поступили бы так, как он! Не у всех есть такое отзывчивое сердце! Я еще никогда не была так счастлива!

— Боже! О господи, вы так рады! Да я только об этом и мечтала последнее время! И думала, как бы устроить? А это-то и случилось!

— Вы судите по поведению полковника, как он обычно себя ведет, но вы и представить не може-

те, какие возможности могут скоро открыться!

— Возможности? — повторила миссис Дженнингс, — О да! Что касается этого, то как только мужчина однажды об этом подумает, так или иначе он обязательно найдет для этого возможности! Хорошо моя дорогая, я желаю вам радости еще и еще! Если где-то будет счастливая пара на земле, то я точно знаю, где ее искать!

— Вы имеется в виду, поехать в Делафорд за ними, я думаю? — сказала Элинор с неясной улыбкой.

— Да, моя дорогая, именно это! А то, что дом не так уж хорош, то я, право, не знаю, что полковник имел в виду! Это один из самых лучших домов, которые я видела!

— Но было сказано, что он давно не ремонтировался.

— Что ж, а чья это вина? Почему бы ему не отремонтировать его? Кому еще это делать, как не ему?

В этот момент в гостиную вошел слуга, который сообщил, что подали экипаж, и миссис Дженнингс тотчас поднялась.

— Хорошо, моя дорогая, я должна уйти прежде чем, сказала даже половину всего того, что хотела! Но, все же, обо всем поговорим вечером,

так как мы будем одни. Я не прошу вас идти со мной за компанию, к тому же, вам надо остаться и рассказать все вашей сестре.

— Конечно, сударыня, я скажу Марианне об этом, но я не хочу сообщать об этом кому-нибудь еще.

— Ах да. Очень хорошо, — сказала миссис Дженнингс, немного раздосадованная, — тогда я не скажу об этом Люси. Так как я собиралась поехать до самого Холборнна сегодня.

— Нет, мадам, даже Люси, не говорите пока ничего, если вы можете. Один день не играет роли, и пока я не напишу мистеру Феррарсу, я думаю, этого не стоит упоминать никому! Я все сделаю сама. Это очень важно и время терять нельзя! Особенно ему, так как он, конечно, очень хотел видеть родственников на церемонии возведения в сан!

Эта речь более чем удивила миссис Дженнингс. Почему мистеру Феррарсу надо было писать об том, да еще с такой поспешностью? Но через некоторое время ее посетила мысль, и она просияла:

— О! О! Теперь я поняла! Мистер Феррарс, похоже, тоже мужчина! Что ж тогда лучше для него! А я и не сомневалась, что он рано или поздно примет сан, я рада, что вы так дружны. Но, моя

дорогая, по-моему, это не совсем в рамках приличия? Разве полковник не должен был написать ему сам? Вы уверены, что вы сама должна это сделать?

Элинор не совсем поняла, что она имела в виду в начале фразы, что она подразумевала в ее середине и абсолютно непонятно, что значил такой конец?!.

— Полковник Брэндон так деликатен и поэтому хотел, что бы кто-то другой объявил его намерения по отношению мистера Феррарса, чем он сам.

— И потому вы должны сделать это сами? Что ж, это лишняя деликатность! Но раз так, то я не буду мешать вам (*видя, что Элинор собирается писать!*). Вам виднее. Поэтому до свидания, моя дорогая, Я ничего не слышала приятней с тех пор, как Шарлота родила!

И она вышла за дверь, но тут же возвратилась:

— Я только что подумала о сестре Бетти, моя дорогая. Я была бы очень рада, найти для нее хозяйку. И чего только она не сможет делать для своей госпожи! Она очень хороша в работе по дому и очень хорошо шьет! Поэтому, подумайте об этом на досуге.

— Естественно, сударыня, — ответила Элинор,

не слыша и половины того, что проговорила миссис Дженнингс, и, желая скорее остаться одной, чтобы написать Эдварду.

Как же начать? Как представить себя в письме к Эдварду? Она не знала с чего начать, так как не поняла до конца, кем они были друг друга и кем теперь стали. Просто друзьями, хорошими знакомыми или между ними всё-таки осталось чувство? Она боялась выдать себя и сказать в первых строках слишком много, но и начинать письмо сдержанно-официально тоже было несправедливым по отношению к Эдварду. Она сидела в задумчивости над белым листом, с пером в руке, когда вошел сам Эдвард.

Он хотел оставить свою прощальную карточку, но встретил миссис Дженнингс в дверях. С извинениями, что не может вернуться сама, она сказала, что миссис Дэшвуд желает его видеть по очень серьезному делу.

Элинор обрадовалась такому стечению обстоятельств. Иногда проще сказать, чем написать. И это был как раз такой случай. Удивленная и смущенная, она невольно приподнялась со стула, когда он вошел в гостиную. Она ничего не знала о нем, с момента публичной огласки его помолвки. Несмотря на то, что он знал о ее осведомленности

в этом деле, было неизвестно, как она относится ко всему этому, что и делало эту встречу сразу чуть напряженной. Он тоже был изумлен, от того, что они остались наедине, и оба стояли друг против друга и молчали. Эдвард первым нарушил тягостную паузу.

— Миссис Дженнингс сказала мне, — начал он, — что вы хотите видеть меня, насколько правильно я понял. Я все равно не мог покинуть Лондон, не попрощавшись с вами и вашей сестрой! Так как не уверен, что скоро буду иметь удовольствие видеть вас снова. Я еду в Оксфорд завтра.

— Вам вообще не нужно туда ехать, — сказала Элинор, беря себя в руки и стараясь перейти к главному известию, как можно быстрее, — если вы сами этого не пожелаете… Миссис Дженнингс была права в том, что сделала сейчас. У меня есть некоторая информация, касающаяся вас, которую я и хотела вам передать на бумаге. Я могу обрадовать, что есть очень подходящее место (*ее дыхание участилось, при этих словах!*). Полковник Брэндон, который был здесь только десять минут назад, предложил мне сказать вам, что понимает, как важно для вас принять сан. Он имеет большое удовольствие предложить

вам жить и служить в Делафорде. Правда, пока только викарием, но уверен, что потом вы обязательно пойдете на повышение. Разрешите мне поздравить вас с таким респектабельным справедливым другом и присоединиться к его пожеланию, что это место — около двухсот фунтов в год — вполне подходит для вас, для начала самостоятельной жизни.

Эдвард что-то пробормотал про себя, но не повторил вслух, и можно было только догадываться о содержании этой фразы. Если бы кто-то ему это рассказал, то он не поверил! Эдвард все еще глядел на нее с таким удивлением, которое показывало, что вся информация как бы прошла мимо него. И смог только сказать:

— Полковник Брэндон?!

— Да, — продолжала Элинор, получив какой-то ответ, — Полковник Брэндон считает, что это выход из той ужасной ситуации, в которую вы попали из-за семьи. Он надеется, что я, Марианна и другие ваши друзья разделяют его точку зрения. Как доказательство понимания вашего положения, и было предложено это место.

— Полковник Брэндон дает мне жилье?! Как это все возможно?

— Недоброжелательность ваших собственных

родственников, заставляют вас искать друзей на стороне.

— Нет, — твердо сказал он, — только не у вас, так как я не могу быть невежественным по отношению к вам. О! Боже! Я весь в долгу! Я это чувствую, и постараюсь выразить словами, хотя я и не оратор, вы знаете.

— Вы очень ошибаетесь. Я могу вас заверить, что вы чувствуете свой долг внутри, и только внутри! Я к этому делу не приложила даже рук, всё продумал и предложил Брэндон. Пока я даже не знаю, свободно ли жилье или нет, собирается он просто его подарить вам или нет? Как мой друг и друг моей семьи, он, возможно, сделает именно так, но я, право, не знаю… И поверьте, вы мне ничем здесь не обязаны!

Эдвард начинал понимать, как мало и в то же время много значила в этом деле Элинор! В нужный момент вдруг появилась, как добрая фея, перед Эдвардом, принося спасение, хотя и не была уверена до конца, благо ли она совершает для себя. Он замолчал и присел на край стула, собравшись с мыслями, он сказал:

— Полковник Брэндон, похоже, великодушный человек! Многие мне говорят об этом. И ваш брат, я знаю, ценит его очень высоко. Он, несомненно,

здравомыслящий человек, и в своем роде, настоящий джентльмен!

— Совершенно верно, — заметила Элинор, — Я верю, вы найдете при дальнейшем знакомстве, подтверждение тому, что вы о нем слышали, тем более, вы теперь будете близкими соседями, насколько я поняла, приходский дом достаточно близко находится от главной усадьбы.

Эдвард ничего ей не ответил, но когда она отвела взгляд, очень внимательно посмотрел на нее, как будто хотел, чтоб это расстояние между домами было как можно больше…

— Полковник Брэндон остановился на Сант-Джеймс-стрит? — спросил он, быстро поднимаясь с кресла.

Элинор назвала ему адрес.

— Я должен спешить, чтоб выразить свою благодарность, которую вы не примете от меня, и заверить его в том, что он сделал в один миг меня очень и очень счастливым человеком!

Элинор не дала ему возможности перейти к деталям, и они расстались с очень большими надеждами с ее стороны на его счастье в любой ситуации, а с его — иметь возможность отплатить тем же.

«Боже! Когда я еще увижу его? — спросила Эли-

нор себя, как только дверь закрылась за ним, — Я ведь увижу его теперь только мужем Люси!»

Она опустилась на небольшой диван в углу гостиной и, закрыв глаза, с теплотой вспомнила их прошлое, нежные чувства, которые так не к чему и не привели.

Миссис Дженнингс в этот вечер засиделась в компании старых знакомых, которых не видела давно и приехала домой поздно. Но как только она вошла, то с порога спросила Элинор:

— Ну, моя дорогая, — воскликнула она, — Я послала вам молодого человека. Может, я была не права? Но, у вас были какие-то затруднения? Или вы не нашли его заинтересовавшимся вашим предложением?

— Нет, мадам. Это было не совсем так.

— И как быстро он будет готов? Потому, что все это зависит от этого.

— Да вы правы, — сказала Элинор, — я так мало знаю о церковном укладе и всех необходимых приготовлениях… Но думаю, что два или три месяца будут достаточно.

— Два или три месяца? — воскликнула миссис Дженнингс, — Боже мой, милостивый! Как спокойно вы об том говорите! И как только полковник Брэндон сможет ждать два или три

месяца! Господи благослови! Я уверена, что это выведет меня из моего нормального состояния! Я думаю, что кто-нибудь поможет бедному мистеру Феррарсу! И нет необходимости ждать эти два или три месяца! Уверена, что кто-нибудь другой ему поможет! Найдутся такие….

— Моя дорогая мадам, — сказала Элинор, — О чем это вы? Почему полковник Брэндон не подходит для этого?

— Господи, благослови тебя, моя дорогая! Уж не хочешь ли ты меня убедить, что полковник Брэндон женится на тебе только из-за того, чтоб подарить десять гиней мистеру Феррарсу?!

Дальнейший разговор стал невозможен без объяснений. И обе стороны узнали, что ошибались! Хотя она обманулась или была обманута, миссис Дженнингс просто перевела свою радость на другой предмет и подумала, что лишь немного поторопила события.

— Да, да! Да, дом приходского священника действительно маловат, — сказала она после того, как всё встало на свои места, — но после ремонта может быть неплох! Я была так удивлена, когда вы сказали, что полковник недоволен своим особняком, в котором только на первом этаже пять комнат, и в котором, как говорила экономка,

можно поставить пятнадцать кроватей! И жаловался перед вами, живущей в Бартон-Коттедж! Моя дорогая, мы должны встретиться с полковником Брэндоном, чтобы он привел в порядок этот дом до приезда Люси!

— Но, полковник Брэндон, похоже, не считает, что этот дом подойдет для молодоженов. Насколько я поняла, это домик для Эдварда на первое время, встать на ноги…

— Полковник Брэндон просто дурачок, моя дорогая! Потому что, сам имеет две тысячи фунтов годового дохода и считает, что никто не может жениться, не имея такого же! Помяните мое слово, что если я буду жива, то обязательно нанесу им визит в Делафорд, на день святого Михаила, но только, если там будет жить Люси!

Элинор ничего не высказала против, наверное, потому, что другого и не ожидала.

Эдвард, поблагодарив полковника Брэндона, отправился сообщить о своем счастье Люси, и к тому времени, когда он добрался до нее, оно настолько било через край, что Люси, как она сама призналась на другой день миссис Дженнингс, никогда еще не видела его таким счастливым.

Люси теперь тоже жила в предвкушении долгожданного счастья и с восторгом разделила

надежды миссис Дженнингс, что еще до Михайлова дня они все встретятся в их уютном домике в Делафорде.

Но, впрочем, сама Люси далека была от того, чтоб отблагодарить Элинор так, как этого хотел бы Эдвард за то, что она была его верным другом, и в трудную минуту оказалась рядом. А вот, что касается полковника Брэндона, то здесь она не только боготворила его как святого, но и считала, что с ним следует обращаться, как с самым близким другом их будущей семьи, поэтому обязательная «подать» ему должна быть увеличена до предела, и в тайне надеялась воспользоваться, насколько это, конечно, позволят приличия, его слугами, экипажами, скотным двором и птичником.

Прошла уже почти неделя с тех пор, как Джон Дэшвуд приезжал на Беркли-Стрит, и с тех пор не было никаких известий о здоровье его жены, и Элинор чувствовала, что надо нанести ей визит. Это обязательство не только было несовместимо с ее собственными желаниями, но и не нашло поддержки и со стороны ее компании. Марианна, которая наотрез отказалась от такого визита, пыталась отговорить и сестру. А миссис Дженнингс, чей экипаж был к услугам Элинор, все же

совсем не хотела ехать и смотреть, как миссис Дэшвуд выглядит после последнего скандала, а, уже встав на сторону Эдварда, не могла пересилить нежелание оказаться опять в обществе миссис Фанни. Обстоятельства сложились так, что Элинор пришлось ехать одной и оказаться тет-а-тет с женщиной, с которой она хотела бы общаться меньше всего на свете.

Миссис Дэшвуд вообще никого не принимала, но до того, как экипаж отъехал от дома, ее муж случайно вышел. Он обрадовался, увидев Элинор, и сказал ей, что сам на днях собирался заглянуть к ним на Беркели-Стрит, и, сказав, что Фанни будет очень рада ее видеть, пригласил сестру в дом.

Они поднялись наверх в художественную гостиную, где никого не оказалось.

— Фанни в своей комнате, я думаю, — сказал он, — Я пойду обрадую ее, так как думаю, что она тоже будет рада такой встрече. Она и раньше всегда была вам рада, а теперь особенно вам и Марианне. А почему Мариана не приехала?

Элинор как смогла, извинилась за нее.

— Ну, что ж. Я не очень разочарован увидев вас одну, — заметил он, — У меня есть, что вам сказать. Это жилье, которое вдруг нашлось у полковника Брэндона… Это правда? Он, правда,

может Эдварду его предоставить? Я услышал об том вчера случайно, и собирался к вам узнать подробнее об этом.

— Да, это совершенная правда! Полковник Брэндон дал приют Эдварду в Делафорде.

— Правда! Это просто удивительно! Ведь они едва знакомы! А теперь, это жилье еще и доход дает! Сколько там выходит?

— Около двух сотен в год.

— О! Совсем неплохо для новичка, который займет этот пост! Предполагаю, что последний викарий на нем уже стар, болен и готов уступить его скоро! Он, должно быть, получил… я могу предположить, четырнадцать сотен фунтов! И как он мог уладить это дело до смерти предыдущего священника на этом посту?! Теперь, право, было бы уже поздно продавать его. Но полковник Брэндон, с его умом! Он, должно быть, был очень предусмотрителен в этом деле! Хорошо, я убедился, что у каждого человека бываю промахи! Я могу предположить, что дело может выглядеть и так. Эдуард только занимает пост, пока этот человек, которому полковник действительно, продал это место, очень стар, чтоб занять его! О! Да-да, это именно так, очень похоже…

Элинор твердо возразила ему, что никакой

корысти у Брэндона в этом деле нет, как и у нее самой, принимавшей в нем непосредственное участие, ими двигали лишь чувства. Чувства жалости и сострадания к другому человеку.

— Тогда, всё это весьма странно, — воскликнул Джон, — Какой смысл? Какие же у полковника Брэндона намерения?

— Очень простые — сделать доброе дело мистеру Феррарсу!

— Ну, хорошо-хорошо, что бы там полковник Брэндон не думал, Эдуарду уж точно повезло! Но лучше не рассказывайте ничего Фанни, так как я уже рассказал ей в двух словах, что знал, и она вынесла это стойко, поэтому не надо ее травмировать ее этим еще раз!

Элинор могла бы возразить, что Фанни вообще не стоило нервничать из-за того, что ее брат получил некоторое состояние и ни она, ни ее ребенок при этом не обеднели.

— Миссис Феррарс, — добавил он, понизив свой голос, чтоб подчеркнуть важность сообщения, — ничего пока не знает об этом, и было бы лучше сохранить в тайне это от нее. И как только возможно дольше! А когда женитьба состоится, я думаю, кто-нибудь другой скажет ей об этом.

— Но, зачем скрывать? Разве она не обрадуется,

что ее сын получил возможность самостоятельно жить? При том, что она все уже сделала для своего сына: лишила его всего наследства и еще отреклась от него! Да, не стоит ей говорить, потому что его судьба теперь ей безразлична. Разве может так поступить мать?

— Элинор, — вздохнул Джон, — ваши доводы верны, но вам не хватает житейской мудрости. Пока Эдвард чувствует себя неуверенно, мать присматривает за ним и заботиться о нем. Но как только он оперился, и рядом появилась женщина, которая тоже готова опекать его, мать отталкивает сына, так как теряет свое влияние на него. Но она никогда не забывает, что он ее сын!

— Вы меня удивили! А я-то решила, что она уже забыла, как была когда-то матерью.

— Вы всё неправильно поняли. Миссис Феррарс одна из самых заботливых матерей на земле!

Элинор растерянно молчала.

— Мы теперь думаем, — продолжал мистер Дэшвуд, после небольшой паузы, — Роберт должен жениться на мисс Мортон.

Элинор улыбнулась в душе и, повторяя тон ее брата, ответила:

— У леди, я так понимаю, мнения никто не спрашивает?

— Мнения? Что это вы имеете в виду?

— Я только имею в виду, судя по вашей манере говорить, это значит, что для мисс Мортон все равно, будь то Эдвард или Роберт!

— Естественно! Здесь нет никакой разницы, так как теперь Роберт рассматривается как старший сын. Помимо всего прочего, они оба очень покладистые молодые люди, и я даже не знаю, чем один лучше другого!

Элинор ничего на это не сказала. Мистер Джон помолчал немного, затем он продолжал:

— Только в одном, моя дорогая сестра, — сказал он, вежливо взяв ее за руку и произнося шепотом, — я могу вас заверить и это сделаю, что должно вас порадовать. У меня появилась причина подумать, право, я знаю это из очень надежного источника, иначе я бы это и не повторял. Конечно, не то, чтобы мне сказала сама миссис Феррарс, но ее дочь говорила, а я узнал это от нее, что, вкратце, прежняя претендентка была бы более предпочтительнее, чем нынешняя. Ну, вы понимаете, о чем я? Я был чрезвычайно доволен услышать, что миссис Феррарс рассматривает это событие именно в таком свете. Очень удовлетворительные обстоятельства, вы знаете, для всех нас! «Это произошло вне наших решений, —

сказала она, — Из двух зол выбрано меньшее». И она теперь придет к компромиссу, что это лучше, чем худшее. Но все это, пока, вне всякого обсуждения. Но уже не стоит говорить или даже думать об этом, все уже ушло безвозвратно. Но я, все же, скажу вам кое-что, так как знаю, что это вам понравиться, чтоб вы не имели основания сожалеть, моя дорогая Элинор. Здесь нет даже мысли, что вы поступили не так, как надо. Впрочем, для вас обстоятельства складываются весьма благополучно, и даже лучше, чем можно было предположить. Давно вы видели полковника Брэндона?

Элинор уже наслушалась всего этого предостаточно, если не для успокоения своего самолюбия, то для перенапряжения нервов и рассудка. И она обрадовалась, что ей не придется отвечать на это или услышать еще что-либо, так как вошел мистер Роберт Феррарс. После нескольких мгновений болтовни, Джон Дэшвуд узнал, что Фанни еще не доложили, что ее золовка здесь, в соседней с нею комнате, и Элинор оставили, чтоб укрепить её знакомство с Робертом, напичканным пустой радостью и самолюбованием собственной персоны. В эти дни он вовсю наслаждался внезапно свалившимся на него материнским обожанием,

напротив отвергнутого за душевное благородство брата. Он сообщил, что теперь ему досталась вся материнская любовь и щедрость, несправедливо большая доля материнской любви и щедрости, которые он заслужил, по видимому, своим распущенным образом жизни, недалеким умом и ветреным сердцем.

Они с трудом провели две минуты вместе прежде, чем брат прямо задал интересующий его вопрос о том, где теперь будет жить Эдвард, неужели в коттедже? Элинор в деталях повторила ему все тоже, что сказала и Джону. Но ее рассказ произвел на Роберта совсем другое впечатление. Роберт смеялся до слез при мысли, что Эдвард будет священником, и поселится в скромном приходском домишке. А когда он живо представил, как Эдвард, надев белоснежный стихарь, будет венчать какого-нибудь Джона Кузнеца с его Мэри Обветренной, то не мог остановиться от хохота.

Элинор, хотя и ждала в молчании, когда Роберт, наконец, успокоится, все же не смогла сдержать своего пристального взгляда, который был достаточно красноречив, так как отражал ее чувства, и полностью отказывал ему в уме. Наконец, его ум был все же пробужден мудростью, не потому, что этого хотела она, о просто сам по себе.

— Простите меня, Элинор, это всего лишь безобидные шутки, — сказал он вполне серьезно, — Бедный Эдвард! Он уничтожен навсегда! Я очень жалею об этом, так как знаю, что у него были хорошие перспективы, как не у многих в этом мире. Вы не должны жалеть о нем, мисс Дэшвуд, по причине вашего мимолетного знакомства. Бедный Эдвард! Его манеры, естественно, не самые лучшие в мире. Но мы не рождены все одинаковыми. Бедный Эдвард! Вы вскоре увидите его в кругу бродяг! Можете поверить, это будет жалостное зрелище! Но, по-моему, он имеет очень доброе сердце, как никто в нашем Королевстве! Я заверяю вас и объявляю вам, чтоб никто не был так шокирован этим, как я, когда все это вырвалось наружу! Я не мог этому верить! Моя мать рассказала мне обо всем. Я, чувствуя, что медлить нельзя, сказал ей: «Моя дорогая! Я не знаю, что вы намерены предпринять! Но я, если Эдвард женится на этой женщине, я не хочу его вообще видеть, никогда!» Это то, что я сразу и сказал. Я был просто потрясен, правда! Бедный Эдвард! Он разрушил самого себя полностью, лишив себя навсегда такого великолепного общества! Но, как я прямо сказал своей матери, я нисколько этому не удивлен по причине его воспитания! Этого

всегда можно было ожидать! Моя бедная мама была почти не в себе!

— А вы когда-нибудь видели его избранницу?

— Да, однажды, она была в гостях в этом доме. Я зашел на десять минут и достаточно насмотрелся на нее. Ужасная провинциалка, без всякого стиля и элегантности, и почти дурнушка. Я помню ее превосходно. Как раз тот тип девушек, которые рады поймать такого, как Эдвард. Я захотел, как только моя мать рассказала мне все, тут же поговорить с ним и переубедить его. Но было уже слишком поздно что-то менять. К сожалению, я узнал обо всем последним и даже не догадывался о помолвке, пока все не вскрылось. Возможно, если бы я узнал об этом первым или хотя бы на несколько часов раньше, всё можно было бы изменить. Я бы представил ему все в истинном свете: «Мой дорогой друг, — сказал бы я ему, — подумай, что ты собираешься делать! Ты вступаешь в самую порочащую связь, как раз такую, которую твоя семья не признает никогда! Я не думаю, что можно было быстро найти какое-либо решение. Но сейчас уже поздно. Он, должно быть, голодает, вы знаете! Это так естественно, что голодает.

Он еще раз подчеркнул этот момент с выразительностью, когда дверь отворилась для жены

мистера Джона Дэшвуда, что и положило конец этому разговору. Так как она раньше ни с кем не говорила об этом событии, кроме как у себя в семье, то теперь Элинор могла наблюдать, как это отразилось на ее поведении — к надменности примешивалось смущение и попытка держаться уверенно. Но при этом она стала мягче с золовками. Узнав, что Элинор и ее сестра собираются вскоре покинуть столицу, Фанни предложила им как-нибудь навестить ее с мужем в Норланде, а Джон с любовью слушал ее прямолинейные выражения, казавшиеся ему эффектными и изящными…

Глава 22

Перед отъездом из Лондона Элинор нанесла еще один короткий визит на Харлей-Стрит, где получила последнее благословение своего брата перед дальней дорогой. Он был доволен, что сестры доедут почти до Бартона и при этом не потратят ни цента, а также тем, что влиятельный полковник Брэндон отправится вслед за ними через день или два. На этой оптимистичной ноте брат и сестра распрощались. Что же касается туманного приглашения Фанни навестить их в Норланде, если он попадется им по пути, то оно так и растворилось в придорожном тумане. Впрочем, Джон объявил Элинор, что он обязательно приедет к ней в Делафорт. Что несколько удивило ее, но она восприняла этот недвусмысленный намек просто как символ возможных «родственных встреч» за пределами Лондона.

Ей было интересно наблюдать за тем, как все друзья направляют ее в Делафорт, где она меньше всего хотела бы остановиться или жить, и уж никак не видеть там своего брата и его жену. Даже Люси, когда они прощались, умоляла Элинор

заглянуть к ним, когда она будет в Делафорте.

Ранним апрельским утром две группы пассажиров выехали из своих домов на Ганновер-стрит и на Беркли-стрит, чтобы встретиться на проезжей дороге в условленном месте. Шарлотта с младенцем предполагала ехать медленнее остальных — больше двух суток, чтобы ребенка меньше укачивало в пути. Ее супруг мистер Палмер пообещал прибыть сразу в Кливленд, так как уезжал в деловую поездку с полковником Брэндоном.

Марианна покидая Лондон все же не могла спокойно проститься с домом, в котором за последние месяцы пережила столько волнений, надежд и разочарований, и предательство Уиллингби, который теперь уже был для нее потерян навсегда! Особенно тяжело ей было уезжать теперь, оставляя здесь Уиллингби с его новой удачной помолвкой, новыми планами на будущее, в которых для нее не было отведено никакой роли, кроме как проливать слезы и наблюдать чужое счастье со стороны.

Элинор собиралась в дорогу с радостью. С Лондоном ее не связывало ничего. Здесь у нее не было объекта воздыхания и никого, о ком бы она сожалела, прощаясь навсегда! Она была рада освободиться от навязанной Люси дружбы, увез-

ти свою сестру подальше отсюда, от женитьбы Уиллингби, и полна надежды на то, что несколько месяцев в тихом в Бартоне вернут ее сестру к жизни.

Их путешествие было продумано до мелочей и шло по плану. На второй день пути они проехали через мертвенно-бледную заповедную местность Сомерсета, во всяком случае, такой она представлялась Марианне. А к полудню третьего дня достигли Кливленда.

Особняк в Кливленде красовался на пригорке и выглядел с иголочки. Новый и просторный, он еще не обзавелся собственным парком, но живописная равнина вокруг прекрасно компенсировала этот недостаток. Тем более в усадьбе были аллеи, открытые и закрытые, тенистые уголки, и каменистая дорога, проходящая сквозь посадки и ведущая прямо в лес. К самому же дому, как часовые, были приставлены высокие пушистые ели, гигантские ясени и ветвистые акации. На их фоне стройные ломбардийские тополя, смотрелись как корабельные мачты, на которых совсем скоро будут подняты бледно-зеленые паруса.

Марианна вошла в дом со смутным чувством волнения, ощущая, что находится всего в восьми

милях от своего дома в Бартоне, и в тридцати милях от Комб-Магна. Не прошло и пяти минут, а она уже опять грезила, проплывая вперед по аллеям, только начинающими зеленеть, и все дальше и дальше, через Греческий храм прямо, прямо… Пока все остальные были заняты тем, что показывали малыша Шарлоты экономке, перед глазами Марианны ясно предстала картина, как она прямо по дороге уходит отсюда всё дальше на юго-восток, немного отдохнув на склоне зеленого холма на горизонте, поднимается выше и с его высоты видит Комб-Магну.

В самый «счастливый» миг она внезапно очнулась от своих сладостных грез и еще раз осознав, что в Комба-Магна уже беззвучно зарыдала из-за того, что очутилась здесь, в Кливленде, а не у себя дома! Прочувствовав все «радости» кочевой жизни и утомительных переходов из дома в дом, она предпочла бы теперь проводить последующие дни не в обществе Палмеров, а в своем собственном уединенном местечке.

Смахнув слезы, девушка вернулась в дом, и как раз вовремя, пока все остальные осматривали его. Этому увлекательному занятию, казалось, и целого дня мало. Путешественницы осмотрели все уголки усадьбы, начиная со своих комнат,

которые подготовили им хозяева, заглянули в огород, полюбовались вьюнами на стенах, выслушали жалобы садовника по поводу болезни саженцев. Проходя сквозь оранжерею, Марианна отметила свои любимые цветы, а на птичьем дворе, где к разочарованию птичницы куры не сидели на яйцах, потому что были унесены лисой, она с восторгом наблюдала за выводком цыплят и даже немного развеселилась.

Утро было замечательное, прозрачное и ясное, и Марианна после обеда хотела осмотреть окрестности за пределами усадьбы, но погода резко испортилась, пошел дождь. Она была готова пойти на прогулку даже под дождем, надеясь еще раз дойти до Греческого храма, даже вечерняя сырость не смущала ее, но вот проливной дождь никак не мог стать хорошим попутчиком в низинах и на лугах, и ей пришлось остаться дома.

Этот вечер пролетел для леди незаметно. У миссис Палмер был ее ребенок, а у миссис Дженнингс — ее коврик для вышивания. Увлеченные каждая своим делом, они обсуждали оставленных лондонских друзей, вспоминали приглашения леди Миддлтон, и гадали, доедут ли полковник Брэндон и мистер Палмер в этот вечер дальше, чем до Ридинга. Элинор, которую все это мало занимало,

все же участвовала в их разговоре. А Марианна, которая всегда, где бы она ни была, первым делом находила библиотеку, хотя сами владельцы ее избегали, вскоре нашла нужную книгу.

Чтобы все гости чувствовали себя как дома, со стороны миссис Палмер не требовалось ничего, кроме хорошего чувства юмора. Ее откровенная и сердечная манера общения была больше, чем просто вежливость. Ее лицо светилось добротой. Ее шутки, даже колючие, не обижали никого, а Элинор могла простить ей все, даже ее бесконечный смех.

Оба джентльмена, к огромной радости всех присутствующих, приехали на следующий день к самому позднему обеду и привезли с собой много новостей, которые в долгое дождливое утро следующего дня были как нельзя кстати.

Элинор мало знала мистера Палмера, и за короткое время их знакомства он каждый раз представал в таком неожиданном ракурсе, что теперь она даже не предполагала, как он поведет себя в кругу семьи. Но, вместе с тем, он вел себя как истинный джентльменом по отношению ко всем гостям, и только иногда был не сдержан по отношению к жене и теще. Он был прекрасный собеседник, когда был в настроении, но как все

прагматичные люди не строил фантастических проектов и реалистично смотрел на вещи, чем противопоставлял себя миссис Дженнингс и Шарлоте. Что касается остальных черт его характера, то внешне он мало отличался от многих джентльменов его возраста и статуса. Он прекрасно держался за обеденным столом, хорошо сидел в седле, любил своего ребенка, хотя был немного непоследователен в этом, и, конечно, не позволял себе никаких утренних игр на бильярде, посвящая всё свободное время делам. Мистер Палмер теперь нравился Элинор даже больше, чем она могла предположить до приезда в Кливленд. Но в душе она понимала, что не сможет глубже проникнуться его миром, окружением. Образом жизни. Ей было чуждо его эпикурейство, его эгоизм, его манера общения, весьма своеобразная, и невольно сравнивала его с Эдвардом, простым и искренним, каким она запомнила его.

Ах, Эдвард, Эдвард! Наконец-то некоторые его эгоистические черты открылись ей, благодаря полковнику Брэндону, который вернулся из Дорсетшира. Он был очень рад встреч с Элинор, впрочем, как и всегда: он соскучился по ней за десять дней разлуки и, казалось, был готов согласиться с любым ее мнением, которое его очень

интересовало. Все это подтверждало рассуждения миссис Дженнингс о его симпатии к Элинор. Возможно, этого было бы достаточно и для самой старшей мисс Дэшвуд, чтобы поверить в его любовь к ней, если бы она не верила с первого дня их знакомства, что его сердце полностью принадлежит только Марианне. Но тем не менее она стала присматриваться к этой паре и заметила, что сестра ловит каждый взгляд полковника, но миссис Дженнингс как будто не замечала этого, а когда он участливо интересовался самочувствием Марианны, ее головой и горлом, которое начало болеть, видимо от холодной погоды, то Элинор находила во всем этом симптомы начинающейся любви.

На третий и четвертый день после приезда они совершили две вечерние прогулки в весенних сумерках по утоптанным дорожкам аллей и нехоженым уголкам сада. Особенно замечательным было пробираться по самым отдаленным местам, более диким, чем все остальные! Деревья там были самые старые, а трава уже начала пробиваться и была свежая и сырая! Все меры предосторожности, о которых предупреждали все, Марианной были отброшены. Мечтательное сидение в весеннем саду в мокрых ботинках и чулках для нее не

прошло даром и через день или два дало о себе знать. В результате, ей становилось все хуже и хуже, температура росла, появились боли в легких, кашель и сухость в горле. Хороший сон мог стать одним из лекарств, и по настоянию Элинор, которая пыталась применить хоть простые и нехитрые методы лечения, Марианна слегла в постель.

На следующий день Марианна проснулась как обычно рано, спустилась в гостиную и на все вопросы о самочувствии отвечала, что ей уже лучше. Чтобы доказать правоту своих слов, она пыталась заняться своими обычными делами. Но, увы, весь день ей пришлось провести у камина в кресле с книгой в руке, которую она не могла даже листать, или полулежала на диване, утомленная и вялая, она не в силах была говорить даже о своем состоянии. И, наконец, вечером она пораньше легла в кровать, чувствуя все большую и большую слабость. Полковник Брэндон был удивлен спокойствием и деловитостью ее сестры, которая сама ухаживала за больной, не смотря на протесты Марианны. Элинор давала ей лекарства только на ночь, веря, как и сама больная, в исцеляющую силу сна, и не придавала болезни большого значения.

Но после бессонной и лихорадочной ночи, измотавшей обеих, когда Марианна попыталась встать, не смогла даже сесть на кровати и окончательно слегла, Элинор на утро была, наконец, готова последовать совету миссис Дженнингс и послать за аптекарем Палмеров.

Он пришел, осмотрел свою пациентку и приободрил мисс Дэшвуд, сообщив, что через несколько дней ее сестра поправится. Но при этом, сказал, что болезнь имеет тяжелое течение и скорее всего это «инфекция». Услышав это слово, всегда веселая миссис Палмер запаниковала, переживая из-за своего ребенка, а миссис Дженнингс, которая с самого начала смотрела на болезнь Марианны куда серьезнее, чем Элинор, теперь выглядела очень мрачной. Она выслушала сообщение мистера Харриса и разделила предосторожность Шарлоты относительно немедленной изоляции больной от ее дитя. Мистер Палмер, хотя и считал их опасения напрасными, с удивлением обнаружил у своей жены волю и силу противостояния. Ее отъезд, между тем, был уже назначен, и в течение часа после приезда мистера Харриса, она уже собралась со своим маленьким сыном и своей няней на другой конец местечка Баф. Там проживали даль-

ние родственники мистера Палмера, и он сам обещал присоединиться к ним через день-другой, и туда ее мать была готова сопровождать внука. Но миссис Дженнингс, в тоже время, проявила свою сердечность, чем и заслужила еще большую любовь Элинор, заявив, что никуда не уедет из Кливленда, пока Марианна не поправится, и сама позаботиться о ней, почти как ее родная мать. Элинор убедилась, что в некоторых случаях она была ей очень полезна, разделяла с ней тяжесть и усталость, а в некоторых вещах по уходу за больными разбиралась даже лучше ее.

Бедная Марианна, вялая и слабая, чувствовала себя совершенно разбитой и не очень-то верила, что через пару дней выздоровеет. Мысль о том, что день грядущий ей готовит. Кроме болезни, была невыносимой, поскольку именно завтра они собирались вернуться домой в сопровождении слуги миссис Дженнингс, чтобы сделать своей матери приятный сюрприз. Марианна переживала, что из-за нее отъезд пришлось отложить, Элинор постаралась подбодрить ее и сказала, что это ненадолго, во что сама верила тогда.

Следующий день не принес никаких улучшений в состоянии больной. Ей, действительно, не становилось лучше, но кроме отсутствия улуч-

шений, не было и ухудшений! Вся компания уехала похоже надолго. Что же касается мистера Палмера, который вообще не желал уезжать, не столько из-за человеколюбия, сколько избегая общества своей жены, вдруг согласился на уговоры полковника Брэндона выполнить данное жене обещание и последовать за ней. А пока он готовился к отъезду, полковник Брэндон с еще большим усердием начал поговаривать и о своем отъезде… Здесь доброта миссис Дженнингс проявилась с еще более желанной стороны. Попросить полковника уехать прочь, пока его любовь была очень занята болезнью своей сестры, означало лишить их обоих общения. Тогда она подумала и для большего удобства попросила его остаться в Кливленде, так как ей не с кем было больше играть в карты по вечерам. Она просила очень сильно его остаться, и он не смог долго возражать, особенно когда доброта миссис Дженнингс сопровождалась просьбами мистера Палмера, который был бы спокоен, если б полковник Брэндон оставался в доме и мог, в случае чего, заменить его и помочь мисс Дэшвуд.

Марианну, естественно, никто не ставил в известность обо всех этих приготовлениях. Она даже не знала, что явилось причиной отъезда

всех из Кливленда всего через неделю после их приезда. Она не высказывала удивления, что не видит миссис Палмер, так как это вообще не приходило ей в голову, и никогда не спрашивала о ней.

Прошло два дня с того времени, как уехал мистер Палмер, а состояние больной оставалось все таким же, лишь с небольшими изменениями. Мистер Харрис, который теперь каждый день ее навещал, все еще говорил о быстром выздоровлении, поэтому мисс Дэшвуд ожидала этого, но не так уверенно, как раньше. Миссис Дженнингс первой заметила, что Марианна никогда уже не поправится, и полковник Брэндон, который слушал ее мрачные предсказания, был не в состоянии опровергать их. Он и сам, по некоторым причинам, начал считать, что оптимизм аптекаря — полный абсурд. А постепенное, многочасовое дежурство у постели больной наводило его на грустную мысль о том, что скоро, похоже, он больше не увидит Марианну.

Но, на утро третьего дня, грустные мысли обоих рассеялись в один миг, мистер Харрис после очередного осмотра Марианны заявил, что ей стало лучше. Ее сердцебиение пришло в норму, и всё идет к выздоровлению. Элинор обрадовалась

этой слабой надежде и сообщила матери в письме, что эта новость обрадовала весь Кливленд и их приезд домой не за горами.

Но день не закончился также хорошо, как и начался. К вечеру Марианне стало еще хуже, чем было. Элинор все еще надеялась, что это связано с усталостью от сидения в кресле сразу после долгого лежания в кровати, и была рада, когда сестра заснула, так как связывала со сном большие надежды. Она осталась присмотреть за сестрой, если та проснется среди ночи и села около кровати. Миссис Дженнингс, не зная об ухудшении в состоянии больной, очень рано пошла спать. Ее служанка, которая была одной из сиделок, тоже спала в комнате экономки, и Элинор осталась одна с Марианной.

Она спала всё беспокойнее и беспокойнее. Элинор даже хотела разбудить ее, когда сестра вдруг заговорила о чем-то неразборчиво во сне и начала металась по кровати. Марианна сама проснулась от какого-то непонятного шума в доме, и, озираясь по сторонам с каким-то испугом спросила:

— Что, мама приехала?

— Пока нет, — ответила Элинор, понимая ее состояние и пытаясь уложить ее снова, — Но она

будет здесь очень скоро, я надеюсь. Это все-таки неблизкий путь из Бартона, ты же знаешь.

— Но, ей не следует ехать через Лондон, — воскликнула Марианна в такой же спешной манере, — Я никогда не увижу ее больше, если она поедет через Лондон!

Элинор с тревогой поняла, что Марианна в бреду, и пощупала ее пульс. Он был слабый и учащенный, как никогда, а Марианна все еще говорила и говорила о матери… Тревога Элинор росла, и она решила тут же послать за мистером Харрисом и отправить письмо своей матери. Но первым делом она разбудила сиделку и, усадив ее у постели сестры, побежала в художественную гостиную, где в этот поздний час еще можно было застать полковника Брэндона.

Он сразу догадался, в чем дело, но всё же выслушал ее опасения, которые не смог опровергнуть. Через несколько минут полковник решение отправиться в Бартон и лично привезти миссис Дэшвуд. Элинор не стала сопротивляться и поблагодарила его со вздохом и, пока он будил слугу и отправлял его за мистером Харрисом, потребовала письменные принадлежности и быстро написала несколько строчек своей матери.

Каким надежным другом в трудную минуту

оказался полковник Брэндон! Он был хорошим советчиком, чье мнение было чрезвычайно важно для нее, и чья поддержка была сейчас так необходима ей! Особенно, в преддверии того, что возможно могло произойти, его присутствие, его сдержанность и его помощь внушали ей надежду на благополучный исход.

Он, между тем, невзирая на то, что испытывал сам, действовал решительно и без промедления, и точно назвал час, когда вернется назад в Кливленд. Не было потеряно ни минуты. Лошадей подали даже раньше, чем ожидали. Уезжая, полковник Брэндон только слегка прижал ее руку к своей груди, нежно посмотрел в глаза, сказал ей тихо на ухо несколько слов и сел в экипаж. Была почти полночь, когда она вернулась к своей сестре в комнату дожидаться приезда аптекаря и наблюдать за ее состоянием весь остаток ночи. Это была ночь, полная страданий для обеих. Часы тянулись один за другим, наполненные бессонницей. Марианна была в беспамятстве и бредила, Элинор из последних сил успокаивала ее, а мистер Харрис всё не появлялся. Ее мрачные опасения, мелькнувшие раз, вдруг совершенно спокойно выразила вслух служанка, которая сидела рядом, сказав, что «девушка отдает Богу

душу». Еще служанка предложила Элинор разбудить миссис Дженнингс и сообщить ей о тяжолом состоянии Марианны, но Элинор запретила ей делать это.

Марианна, тем временем, продолжала бредить, бессвязно сквозь забытье взывая к матери. И каждое упоминание сестрой матери Элинор воспринимала как укор себе, стыдила себя за бездействие последних дней и за то, что не восприняла болезнь Марианны всерьез. Ведь пока она беспечно ждала скорого выздоровления сестры, болезнь только усугублялась, и теперь Элинор с тоской представляла свою несчастную мать, которая возможно может приехать слишком поздно, чтобы увидеть свое дитя или застать ее в здравом рассудке.

На рассвете Элинор была готова уже послать заново за мистером Харрисом или, если он не сможет приехать, за кем-нибудь еще, когда аптекарь, наконец, появился, на часах пробило пять утра. Его заключение, как специалиста, все же несколько извинило его опоздание, хотя он признал, что не ожидал такого течения болезни. Он заявил, что ухудшение связано исключительно с побочным действием новых лекарств, которые он давал Марианне, что немного успокоило Элинор.

Он обещал заехать еще раз, через три или четыре часа, и оставил двоих сестер, свою пациентку и ее сиделку успокоенными.

Наутро миссис Дженнингс, расстроившись, что ее не разбудили и не вызвали к Марианне ночью, с тревогой выслушала все, что произошло. Ее прошлые страхи опять вернулись, теперь не оставляя сомнений в том, что надежд на выздоровление Марианны нет. Хотя она и пыталась говорить спокойно с Элинор, ее сердце уже скорбело. Такое ранее увядание, возможная безвременная смерть юной и милой Марианны, могла потрясти кого угодно, но жалость миссис Дженнингс усиливалась еще и тем, что с Марианной они прожили душа в душу последние три месяца, что несчастная девушка еще не оправилась от любовной драмы, развернувшейся на глазах пожилой дамы. Она питала к ней почти материнские чувства, как и к Элинор, которая ей тоже была близка по духу, и страдания которой также были очевидны миссис Дженнингс. Что же касается их бедной матери, то когда миссис Дженнингс представляла себе, насколько Марианна близка своей матери, она невольно сравнивала их отношения с отношениями её самой и Шарлоттой, и это всегда вызывало в ее сердце новую волну сочувствия.

Во второй раз мистер Харрис появился вовремя, но, похоже, только для того, чтобы разочароваться в своих надеждах, которые высказал еще несколько часов назад. Его методы лечения провалились. Температуру сбить не удавалось, и Марианна находилась теперь просто в глубоком оцепенении. Элинор понимала, что лекарства не помогли, и беззвучно плача она ждала трагического исхода. Но аптекарь не разделял такой возможной скорой развязки и продолжал пытаться что-нибудь сделать для Марианны, что-нибудь «абсолютно новое», хотя и его ещё не оставляли сомнения в успехе его лекарств. Теперь его визиты носили скорее поддержку для слуха, чем для сердца мисс Дэшвуд. Элинор была молчалива, кроме тех моментов, когда думала о своей матери, почти потеряв надежду на ее приезд. В таком состоянии она пребывала до полудня, переходя в мыслях от постели своей сестры к различным образам надвигающегося несчастья, от одного страдающего друга к другому. Она была подавлена недавним разговором с миссис Дженнингс, которая видела причину всего происходящего не только в болезни, сколько в нескольких предыдущих неделях мятежного беспокойного состояния Марианны, которое и подготовило благодатную

почву для болезни. Элинор понимала правильность таких рассуждений, и это заставляло ее страдать еще сильнее.

Около полудня Элинор, опасаясь ухудшений, которые на некоторое время погрузили весь дом в скорбное молчание, решила, что ей необходимо еще раз проверить слабый пульс сестры. С большим волнением девушка сообщила затем присутствующим, что, по ее мнению, пульс немного стабилизировался. Миссис Дженнингс тоже пощупала пульс больной и внезапно заявила что «грядет скорое улучшение состояния больной». Когда через полчаса Элинор вновь пошла проверить свою сестру, она вдруг ощутила уверенность, что Марианне стало лучше. И правда. Положительные симптомы начали проявляться. Остальные присутствующие подтвердили это. Дыхание больной, ее цвет лица, ее губы — все убеждало в том, что кризис миновал. Еще через полчаса Марианна открыла глаза, посмотрев на сестру ясным взглядом. Сомнения и надежды продолжали бороться в душе Элинор, не давая друг другу выйти наружу, пока в четыре часа в доме вновь не появился мистер Харрис. Его удивление по поводу происходившего окончательно убедило Элинор в произошедшем улучшении со-

стояния Марианны, и она, не в силах сдерживать свои чувства, заплакала от радости.

Марианне становилось всё лучше и лучше, и к вечеру аптекарь во всеуслышание заявил, что кризис миновал. Миссис Дженнингс, учитывая хроническую неточность его диагнозов и предположений, на этот раз поверила эскулапу, воспряла, и с нетерпением отдалась ожиданию полного выздоровления своей подопечной.

Элинор же просто не могла нарадоваться. Для нее это была не только хорошая новость, что Марианна возвращалась к жизни, здоровью, друзьям, и к своей нежно любимой матери. Это было то, что наполняло сердце Элинор состоянием удовлетворенности и чувством искренней благодарности провидению, но которое никак не проявлялось внешне, ни радостью, ни улыбкой, ни словом. В груди Элинор теснились блаженное успокоение и воспрявшая сила духа.

Она провела рядом со своей сестрой, с некоторыми перерывами, весь день, отзываясь на каждый вздох, радуясь каждому признаку выздоровления, стараясь предугадать каждое ее желание и внимательно следя за каждым ее взглядом и движением. Сестра крепла на глазах, и лишь некоторые симптомы еще напоминали

о ночном кошмаре, который они все пережили. Но когда Элинор увидела, как Марианна в шесть часов впала в тихий, спокойный, и судя по всем признакам, нормальный сон, она отбросила всякие сомнения.

Приближался час, когда полковник Брэндон должен был бы уже вернуться. В десять часов она подумала, что они еще в пути и ее мать измучена тревожным ожиданием. Да и полковник тоже, возможно, не находит себе места! О! Как же медленно тянется время, как мучительны ожидание и неведение!

В семь часов, пока Марианна еще спала, Элинор спустилась к миссис Дженнингс в художественную гостиную, чтобы выпить чая. Сегодня она не смогла ни позавтракать, ни хорошо пообедать, так как всё время была занята хлопотами у постели больной сестры. Теперь, успокоившись, она почувствовала легкий голод. После чая, миссис Дженнингс посоветовала ей немного отдохнуть перед приездом их матери, и предложила подежурить у постели Марианны, вместо нее. Но Элинор не смогла бы ни отдыхать, ни уснуть и предпочла остаться рядом со своей сестрой пока есть силы. Миссис Дженнингс все же проводила ее наверх, отдохнуть, в небольшую комнату,

оставив Элинор наедине со своими мыслями и переживаниями, пока не было никакой необходимости в ее присутствии, а сама вернулась в свою комнату, чтобы написать несколько писем перед сном.

Ночь была холодная и дождливая, северный ветер, завывал за окнами, по стеклам барабанил дождь, но Элинор, переполненная внезапным чувством успокоения, ничего не замечала… Марианна крепко спала, не вздрагивая при каждом раскате грома… А миссис Дэшвуд и полковник Брэндон тряслись в экипаже, не подозревая о вознаграждении, которое они скоро получат за этот временный дискомфорт!

Часы пробили восемь. Еще через два часа Элинор услышала звук подъезжающего к дому экипажа. Она не могла ошибиться, это были самые дорогие для нее люди. Хотя она и не ждала их так рано, но быстро зашла в маленькую гардеробную, открыла крохотное окошечко и выглянула наружу. Она тотчас поняла, что слух ее не подвел. Дрожащие огни экипажа были отчетливо видны. В слабом освещении она разобрала упряжку из четырех лошадей, что еще раз доказывало, как сильно переживала их мать и торопилась к Марианне.

Никогда еще в жизни Элинор не находилась в таком состоянии, она не могла сдерживать нахлынувших чувств. Зная то, что испытывает ее мать в этот момент, ее волнения и ее страхи, которые могло навеять письмо Элинор, зная всё это, она не могла больше контролировать себя. И все, что за этим теперь последовало, произошло так быстро, как только было возможно, она оставила служанку миссис Дженнингс со своей сестрой и устремилась вниз…

Суматоха, которую она застала внизу в вестибюле и в первых приемных комнатах, доказывала, что они уже в доме. Элинор бросилась вперед в художественную гостиную, вошла в нее и увидела… только мистера Уиллингби!

Глава 23

Увидев Уиллингби, Элинор отступила назад в ужасе и едва не бросилась вон из комнаты, хлопнув дверью. Ее рука была уже на ручке двери, когда незваный гость твердым голосом, без мольбы и тревоги, потребовал:

— Мисс Дэшвуд, на полчаса, на десять минут я прошу вас остаться.

— Нет, сэр, — сказала она жестко, — Я не останусь! У вас не может быть со мной никаких дел! Слуга возможно забыл сказать вам, что мистера Палмера нет дома.

— Да, если бы он и сказал, что мистера Палмера со всей его семьей забрал дьявол, то и это, все равно, не отвратило бы меня! Мое дело касается только вас и исключительно вас!

— Меня? — переспросила она почти потрясенно, — Хорошо, сэр, но быстро и, если можно, без лирических отступлений.

— Садитесь, тогда будет и то, и другое!

Она замялась, не зная, что делать. Возможность полковника Брэндона приехать и застать ее здесь с ним, не входила в планы Элинор. Но она пообе-

щала выслушать Уиллингби, и ее любопытство пересилило все приличия. После небольшого замешательства, решив, что доказательства требуют быстроты действия и что свое слово надо сдержать, она молча подошла к столу и села. Он сел напротив, и оба молчали.

— Прошу поторопиться, — сказала Элинор нетерпеливо, — У меня нет времени.

Но гость сидел в каком-то полусне и казалось ее не слышал.

— Ваша сестра, — сказал он внезапно, — теперь вне опасности, я слышал это от слуги. Слава Богу! Но, правда ли это?

Элинор не ответила ни слова. Он повторил свой вопрос с еще большей настойчивостью.

— Ради бога, скажите же мне, лучше ей или нет? Она уже вне опасности?

— Мы надеемся, что ей лучше.

Он поднялся, и начал расхаживать по комнате.

— Если бы я только знал об этом полчаса назад! Но, раз я здесь… — продолжал он с живостью, сев на свое место, — Что это означает? Прежде всего, мисс Дэшвуд, возможно, это в последний раз, разрешите быть нам обоим откровенными друг с другом, — сильная краска залила его щеки, — Вы считаете меня негодяем или дураком?

Элинор посмотрела на него с большим удивлением, чем прежде. Она начала думать, что он пьян. Такой странный визит и такие странные манеры! Но выглядело все именно так, и с такими впечатлениями она немедленно встала, сказав:

— Мистер Уиллингби, я вам убедительно советую отправляться назад в Комбе. У меня нет никакого настроения оставаться с вами здесь еще. Если у вас есть какое-то дело ко мне, то давайте поговорим об этом завтра!

— Я вас понимаю, — ответил он, с выразительной улыбкой и достаточно спокойным голосом, — Да, я очень пьян сегодня. Пинты пива Портер с холодным мясом в Мальборо было достаточно для этого…

— В Мальборо?! — воскликнула Элинор, все более и более не понимая, что же он хочет такого.

— Да, я покинул Лондон этим утром в восемь часов, и только десять минут я потратил, чтобы перекусить в Мальборо.

Его настойчивость и весьма трезвый взгляд, когда он говорил, убедили Элинор в том, что, похоже, не алкоголь привел его сюда и заставил так бестактно приехать в это время в Кливленд. Через несколько мгновений она сказала:

— Мистер Уиллингби, я надеюсь, вы понима-

ете, что после всего происшедшего, ваш визит сюда должен быть настолько важным, чтоб заставить вас нанести его без вашего желания. Это только одно может извинить вас! Так, что же вы хотели?

— Я хотел, — сказал он серьезно, — чтобы, вы ненавидели меня меньше, чем сейчас! Я хочу сделать чистосердечное признание, частично объяснить того, что произошло в прошлом, открыть вам свое сердце и убедить вас, что я не всегда был болваном и мошенником. Все это, чтобы получить прощение Ма…, вашей сестры!

— Это и есть истинная цель вашего визита?

— По правде говоря, да, — был его ответ, с теплотой в голосе, которая напомнила ей того, старого Уиллингби из их прошлого, и, несмотря на предубеждение, она подумала, что он не лжет.

— Если это все, то вы можете быть полностью удовлетворены. Марианна уже простила вас и достаточно давно.

— Она это сделала?! — воскликнул он таким же искренним тоном, — Тогда она простила меня еще до того, как должна была это сделать! Но теперь она меня опять простит, без всякой причины! Теперь вам надо меня выслушать!

Элинор кивнула головой.

— Я не знал, — начал он после небольшой паузы, изучая ее реакцию и собираясь с мыслями, — как вы оцениваете мое поведение по отношению к вашей сестре, или какие дьявольские мотивы вы мне приписываете. Возможно, вы вряд ли подумали лучше обо мне и осудили меня, поэтому вы должны выслушать все. Когда я в первый раз появился в вашей семье, у меня не было никакого другого желания кроме, как просто хорошо провести время. Я должен был остаться в Девоншире и сделать пребывание там более приятным, чем делал это раньше. Ваша сестра, милая девушка, и ее наивная манера поведения не могли оставить меня равнодушным, и ее внимание по отношению ко мне, почти с самого начала, было так удивительно! Потом я понял, что это за чувство и кем для меня стала она! Но мое сердце было таким расчетливым! Я не скрою, что на первых порах ее любовь льстила моему тщеславию. Безразличный к ее счастью, заботящийся только о своем собственном развлечении, я давал волю своему чувству, которое было лишь снисхождением, увлекал ее в любовные сети и даже не думал отвечать ей взаимностью.

Тут мисс Дэшвуд подняла свои глаза и, посмотрев полным ненависти взглядом, прервала его:

— Это невыносимо, мистер Уиллингби! Для вас — все это говорить, а для меня — все это выслушивать! Такое начало нашего разговора ни к чему хорошему не приведет! Не заставляйте меня выслушивать с болью то, что вы сейчас смакуете!

— Я настаиваю на том, чтобы вы выслушали все полностью, — ответил он. — Мое наследство не было большим, а я всегда был расточителен, особенно в обществе людей, имеющих большие доходы, чем мои. Каждый год, после того, как я стал самостоятельным или даже раньше, я думаю, прибавлял мои долги. И только смерть моей кузины миссис Смит, освободила бы меня от них. Хотя это все еще не было утверждено и, возможно, было далеко от действительности. Поэтому было решено, что мне надо жениться на состоятельной женщине с большим приданым. Но мои отношения к вашей сестре не были отношениями такого рода. Поэтому с эгоизмом, пустотой и жестокостью, без внимания к окружающим, даже, несмотря на ваши пристальные взгляды, мисс Дэшвуд, которые многое говорили, я вел себя так, что привлекал ее к себе, не собираясь отвечать взаимностью. Но одно только можно было сказать про мое тогдашнее состояние, что я и представления не имел, что такое настоящая

любовь! Но разве я знал вообще ее? Конечно, в этом можно усомниться, но если бы я, хоть раз любил по-настоящему, разве бы я пожертвовал своими чувствами ради тщеславия и алчности? Или вообще, мог ли я пожертвовать ею? Но, я это сделал, и женился на другой! Вырвавшись из сравнительной бедности, которую она и ее общество избегали всеми средствами, я поднялся до богатства, но потерял при этом все, что могло его сделать счастливым и благословенным!

— Но вы… сделали это…, — сказала Элинор, немного помедлив, — несмотря на свою привязанность к ней…

— Противостоять такому очарованию и противится такой нежности!!! Есть ли не свете человек, которой способен был бы хоть раз отказаться от этого! Да, я обнаружил себя в ужасном состоянии, искренне полюбив ее! И счастливейшими часами моей жизни были те, которые я провел с ней, когда я чувствовал, что мои желания были чистыми и благородными, а мои чувства искренними!!! И даже потом, как бы ни было, когда полностью понимал уже свое отношение к вашей сестре, я позволил себе различные уловки, ото дня ко дню отодвигая момент, когда надо было бы сделать предложение о помолвке, хотя

мои чувства и заставляли меня это сделать! Я не буду ничего доказывать, но остановлюсь здесь, чтобы подчеркнуть нелепость, или еще хуже, чем нелепость, когда добровольно не помолвил свою судьбу с той, с которой честь уже связала. События показали, что я был просто ловким дураком, избегавшим с большой осторожностью возможности объявить о своих чувствах миссис Смит, что могло сделать меня презренным и навсегда лишить ее наследства! Но, наконец, мое решение было принято. Я решил, что как только застану ее одну, то расскажу ей о своих отношениях с Марианной. Но именно за это время, за эти два часа, которые я провел, ожидая возможности видеть ее одну, так получилось, что несчастные обстоятельства перечеркнули все мои решения, и с ними все мое спокойствие. Ей рассказали о нашей тайне, — здесь он замешкался и опустил глаза, — Миссис Смит как-то узнала обо всем сама! Или другие ей нашептали! Я могу только предположить, кто это сделал, зная чьи интересы были в том, чтобы лишить меня ее милости, дел и связей! Но, здесь мне нет необходимости объясняться дальше, — он добавил, глядя на нее с преувеличенным значением и с вопросом во взгляде, — ваши близкие отношения с сестрой…

вы, возможно, уже слышали всю эту историю?

— Да, — подтвердила Элинор, покраснев и вместе с тем, удерживая свои чувства, от новой жалости к нему, — Я уже все это слышала. А вот, какое объяснение могли бы вы предложить, чтобы чуть уменьшить свою вину в этом ужасном деле, я могу узнать? Это — выше моего понимания!

— Помните, — воскликнул Уиллингби, — только от кого вы «получили счета»! Является ли он беспристрастным к этому делу? Я знаю, что ее состояние и ее характер должен быть уважаем мною. Это не значит, что я сам собираюсь судить обо всем, но в то же время не хочу, оставлять вас с мнением, что мне не в чем оправдаться! Только потому, что она пострадала, она была безукоризненна, и только потому, что я был безнравственным, она должна быть обязательно святой!!! Если есть здесь насилие над ее бурным взрывом чувств или слабость ее понимания, то я, вместе с тем, не собираюсь защищать себя! Ее отношение ко мне заставляло меня лучше с ней обращаться, и я часто, с большим самобичеванием, вызывал нежность, которая за очень короткое время имела уже силу ответного чувства. Я желал, я искренне желал, чтоб этого никогда не

случилось! Но, я сам пострадал не меньше, чем она! Я поранил другую, в отношениях которой ко мне (могу я это сказать?) было не меньше теплоты, чем у нее! А чей ум и душа… О! Насколько прекраснее!

— Ваше неравнодушие, вместе с тем, по отношению к этой несчастной девушке, я должна заметить, мне неприятны! А также и обсуждение подобного вопроса! Ваше неравнодушие к одной не может служить оправданием жестокости по отношению к другой! И не думайте, что вы прощены потому, что имеете какие-то слабости. На одной чаше весов не могут уместиться ее сомнительное неведение и ваша безнравственная жестокость, такая явная! Вы должны знать, что пока вы развлекались в Девоншире, строя новые планы, всегда веселы, почти счастливы, она была доведена почти до полного изнеможения!

— Но, клянусь, я ничего не знал об этом! — страстно ответил он, — Я не могу вспомнить, чтобы обнадеживал ее в отношении себя! А знание общественного мнения должно было показать ей, как выйти из такого положения самой!

— Оставим это сэр. Так что же сказала миссис Смит?

— Она тут же страшно обиделась на меня, и мое смятение можно только предполагать. Ее непорочность жизни, патриархальность взглядов, отказ от мирской суеты, — все это было против меня. Сам факт таких отношений я не мог отрицать, а тщеславие было слишком слабым оправданием всего этого. Она и раньше, я думаю, не особенно была уверена в моих моральных качествах в общем, и, более того, была недовольна недостаточностью моего внимания к ней. Я почти не видел ее во время своего последнего визита. В общем, всё это привело к полному разрыву. Но только одной мерой я мог спасти себя. Вершиной своей морали! Добрая женщина считала, что я могу быть прощен, если женюсь на Элизе! Но этого не могло быть! Тогда я официально был выпровожен из дома и лишен ее расположения! Последняя ночь, которую я провел в ее доме накануне своего отъезда, прошла в размышлениях о своем будущем. Борьба была суровая, правда, закончилась очень быстро. Мое отношение к Марианне, мои мысли о ее любви ко мне, показались ничтожны по сравнению со страхом бедности. Я почувствовал свою ответственность за будущую жену, если я сделаю выбор. Я убедил сам себя и посчитал, что ничего другого мне не

остается сделать в свете общественного мнения, как согласиться. Но тяжкая сцена все же ожидала меня, до того, как я покинул Девоншир. Я был приглашен пообедать с вами на следующий день, и поэтому какие-то извинения следовало вам принести, при разрыве наших отношений. Но как бы я не старался написать свои извинения, или послать их с кем-либо, это, все равно, было неприемлемо. Увидеть Марианну! Я чувствовал, что это будет ужасно, сомневался, следует ли мне ее видеть, и приходил к этому желанию снова и снова. В этот момент я полностью обесценил свое великодушие! Как события показали, я приехал, увидел ее жалкой и оставил ее в таком состоянии, надеясь никогда больше не видеться с ней…

— Но почему вы приехали тогда сами, мистер Уиллингби? — спросила Элинор укоризненно — Ваша записка полностью бы объяснила все. Зачем же было приезжать лично?

— Это было необходимо для моей собственной гордости. Я не хотел уехать и оставить вас так, чтобы вы неправильно подумали, или чтобы кто-нибудь из соседей по-своему не изложил того, что произошло между мной и миссис Смит. Поэтому я все же заехал в Бартон по пути в Хонитон. Увидеть вашу дорогую сестру было для меня

право же невыносимо! К своему ужасу я застал ее одну, вы все куда-то уехали. Мы расстались всего лишь за день до этого! Как глупо было в тот момент мое твердое решение поступать только согласно чувствам! Нескольких часов не хватило, чтобы мы стали связанными между собой раз и навсегда, и я помню, как счастлива, как весела была моя душа! И я помню, как шел от коттеджа до Алленхэма, довольный собой и всем вокруг! Поэтому-то во время нашей последней встречи я и предстал перед ней с чувством вины, которая всегда лишала меня силы притворства. Ее печаль, ее разочарование, ее глубокое сожаление, когда я сказал, что я обязан покинуть Девоншир так внезапно! Я этого никогда не забуду и нашу связь, с таким доверием и уверенностью во мне, тоже! О боже! Какой же я чудовищный негодяй!

Они оба молчали несколько минут. Элинор заговорила первой.

— Обещали ли вы ей, что вы скоро вернетесь?

— Я уже и не знаю, что я ей обещал, — ответил он немедленно, — мало о прошлом, несомненно, но больше, чем о будущем. Я не мог о нем думать! Это было невозможно! Затем приехала ваша дорогая мать, со всей своей добротой и заботой. Слава богу, что это принесло мне страдания! Я

был жалок. Мисс Дэшвуд, вы не представляете, какое успокоение мне дает сейчас взгляд на мое тогдашнее жалкое состояние! Я все еще не могу простить самого себя за ту глупость! Самоуверенную глупость моего собственного сердца, перед которой все мои другие страдания представляются теперь просто радостью и восхищением! Итак, я продолжаю. Я покинул ту, которую любил, и приехал к той, к которой в лучшем случае был безразличен. Мое путешествие в город — это скачки верхом на своей лошади. Поэтому оно было очень скучное, так как не с кем сказать и слово. Мое собственное состояние приободрилось, когда я представил будущее таким привлекательным! А, когда я обернулся назад, глядя на Бартон, то картина была такая спокойная! О! Это были незабываемые дни!

Он умолк.

— Итак, сэр, — сказала Элинор, которая немного жалела его и не могла слушать о его отъезде, — и это все?

— Все? Нет! Разве вы забыли то, что произошло в городе? Это бесчестное письмо! Она показала вам его?

— Да, я видела каждое послание.

— Когда первое ее письмо принесли мне, (а про-

изошло это сразу же, так как я был в городе все это время), то, что я должен был почувствовать? Говоря общими фразами, я не был очень потрясен, а попросту, просто прочитал его и постарался быть сдержанным, поскольку мои чувства были очень болезненными. Каждая строчка, каждое слово говорили, что их дорогой автор уже здесь, что видеться не запрещено, и что отсрочка свидания — «кинжал в мое сердце». Узнать, что Марианна в городе, говоря таким же языком, было, «как удар молнии»! «Удары молнии с кинжалом»! Какие выговоры она могла мне делать?! А ее вкус, ее мнение, ее чувства! Я думаю, что они были мне даже лучше известны, чем свои собственные, и я уверен, что они мне и теперь дороги!

Элинор, мнение которой претерпело несколько изменений за время этого разговора, вновь смягчила свой гнев, так как считала своей обязанностью разобраться во всем этом до конца.

— Это лишнее, мистер Уиллингби. Помните, что вы уже женаты! Упоминайте только о том, что ваша совесть требует мне сказать!

— Записки Марианны убедили меня, что я для нее также дорог, как и прежде. И, несмотря на то, что мы расстались много недель назад, она была также постоянна в своих чувствах, и также

полна веры в мое постоянство, как никогда. Это и пробудило мои раскаяния. Я сказал «пробудила меня» потому, что время и Лондон, дела и легкомысленные увеселения — все это как-то затмили мои воспоминания! Я превратился в закоренелого мерзавца, представляя мое отношение к ней безразличным, и стараясь думать, что она тоже стала безразлична ко мне. И уверял сам себя, что наше прошлое знакомство уже ничто и сейчас дело обстоит так, что я буду спокоен только тогда, когда услышу, что она удачно вышла замуж! Но эта записка льстила мне. Я чувствовал, как она по-прежнему предана мне, как ни одна женщина в мире, а я ее бесчестно использовал! Но в то время все уже было оговорено между мисс Грей и мной. Отказаться было невозможно. Все, на что я был способен — это избегать встречи с вами обеими. Я не посылал ответов Марианне, намереваясь таким образом избежать получения дальнейших посланий от нее, и какое-то время даже не появлялся на Беркли-Стрит. Но вылилось все это в самое невозможное — в случайную встречу на балу, что же еще! Я проследил, когда вы все уехали из дома однажды утром, и специально оставил свою визитную карточку.

— Вы следили за нами?!

— Да, Элинор. Вы будете удивлены, когда узнаете, как часто я следил за вами, и однажды чуть не столкнулся с вами. Я забегал во многие магазины, чтоб вы меня не увидели из окна экипажа. Следить за вами, как на Бонд-Стрит, здесь было трудно. Я потерял вас из виду и ничего не получалось, кроме моего усиленного внимания и розыска, что и привело к решению прекратить это. Это еще больше отдалило нас друг от друга. Я избегал встреч с Миддлтонами как только мог, как и все, для кого такое знакомство было просто мимолетным. Не будучи осведомленным, что они в городе, я совершил грубую ошибку, заехав к сэру Джону в первый день его приезда, на следующий день после моего визита к миссис Дженнингс. Он пригласил меня на бал в своем доме. Если бы он не завлек меня, сказав, что вы и ваша сестра не будете там, я был бы более осторожен. На следующее утро принесли другую короткую записку от Марианны, такую же откровенную, чувственную, правдивую. Все это меня заставляло вести себя более противно. Я не мог ответить на нее. Я пытался, но не мог даже построить предложение. Но я думал о ней весь тот день! Если бы вы могли пожалеть меня, мисс Дэшвуд, пожалеть мое состояние в тот день!

Полностью увлеченный вашей сестрой с головой и сердцем, я должен был изображать человека, влюбленного в другую женщину! Эти три или четыре недели, которые мы провели вместе, были хуже всего! Итак, наконец, хоть я и не должен вам этого говорить, но вы начали морально давить на меня! Какую прелестную статую я испортил! А еще этот бал — вечер в агонии! С одной стороны, Мариана, красивая как ангел, говорила со мной, Уиллингби, в таком тоне! О! Боже! Протянула мне навстречу руку, спрашивая объяснений у меня, когда каждый ясно увидел бы ответ на моем лице и без слов! И с другой стороны, София, ревнивая как дьявол, видела все это! Да, это уже не важно, это все прошло! Такой вечер! Я постарался убежать от вас, как только смог, но все же успел увидеть лицо Марианны, бледное как смерть. И последнее, что я видел, это ее вид, который я запечатлел. Он был ужасен! И теперь, когда я думаю о ней, умирающей, то ясно представляю, как она сейчас выглядит в свой последний час! Ее образ постоянно стоит передо мной все это время, и даже, когда я ехал сюда, я видел то же лицо и такое же бледное и прекрасное!

Последовала короткая пауза. Уиллингби первым поднялся, и нарушил молчание:

— Разрешите мне поспешить и удалиться. Вашей сестре действительно лучше? Она, правда, вне опасности?

— Мы надеемся на это.

— Ваша бедная мать тоже очень сильно любит Марианну…

— Но письмо, мистер Уиллингби, ваше собственное письмо. Вы что-нибудь расскажете о нем?

— Да, да, конечно. Ваша сестра написала мне снова на следующее утро, вы знаете об этом. А вы догадываетесь, что я тогда выслушал? Я завтракал у Элисоннов, и ее письмо, вместе с другими принесли туда из моего жилища. И его увидела София до того, как оно попало ко мне, а его размер, элегантность бумаги, почерка и прочее сразу же зародили у нее подозрение. Некоторые слухи достигли ее ушей и она знала, что некая молодая девушка их Девоншира имела со мной какие-то отношения. Что последовало в тот вечер, не трудно догадаться, расспросы, кто она такая, да что и т. д., что только возбудило ее ревность. Почувствовав, что здесь что-то есть, она как любая любящая женщина, открыла письмо сразу и была очень вознаграждена за свое любопытство. Прочитав его, она наполнилась негодованием.

Ее сердитость я мог переносить, но приступы ее злобы. Во всяком случае, ее надо было ублажать. И, вкратце, что вы думаете о стиле письма моей жены?

— Вашей жены? Но, письмо было написано вашим почерком!

— Да, но мне пришлось только переписать его слово в слово и поставить свою подпись. Но что еще я мог сделать? Мы были уже обручены, все было готово для свадьбы, день почти назначен… но я говорю как дурак! Приготовления! День! Честно говоря, ее деньги были мне необходимы. Поэтому и в такой ситуации, как моя, все должно было быть так, чтоб предотвратить разрыв. И после всего этого, какого еще отношения ожидать к себе от Марианны и ее друзей, каким языком можно было изложить мой ответ? Это могло быть только в такой форме, окончания всего. После такого дела я сам признал себя негодяем, а был ли я при этом очень гибким или бушующим не имело уже никакого значения! «Я полностью потерян в их глазах» — сказал я сам себе, — Вычеркнули навсегда из списка своих знакомых и считают меня беспринципным провинциалом, а это письмо заставило думать обо мне еще и как о мерзком человеке!». Таково было мое мнение в то время,

когда в преступном легкомыслии я переписывал письмо своей жены, расставаясь с Марианной. Ее три записки, к несчастью, все были в моей записной книжке, или мне надо было отрицать их наличие и спрятать где-нибудь навсегда. Меня заставили их достать и отправить, я даже не смог их поцеловать. И локон волос, который я всегда носил с собой в том же портмоне, и на который невеста не могла смотреть без ярости, такой дорогой для меня локон — все мгновенно было отнято у меня!

— Вы очень ошибаетесь, мистер Уиллингби, очень вините себя, — сказала Элинор голосом, который вопреки ее желаниям выдавал сочувственные эмоции, — вам не следует далее говорить так ни о мистере Уиллингби, ни о моей сестре. Вы сами сделали свой выбор. Вас никто не неволил. Ваша жена имеет право на ваше расположение, или уважение, в крайнем случае. Она должна испытывать к вам сильное чувство, иначе она не вышла бы за вас замуж. Обращаться с ней невежливо или говорить о ней неучтиво — все это ничего не даст ни Марианне, ни мне, и, думаю, что и вам!

— Не говорите со мной о моей жене! — сказал он и тяжело вздохнул — Она не стоит вашего со-

чувствия. Она знала, что я не уважаю ее, когда мы женились. Хорошо, поженились мы, и приехали в Комб-Магну, чтобы счастливо там жить. А, в результате всего, вернулись в город для прошлых развлечений. Вы жалеете меня, мисс Дэшвуд, сейчас? Или я все это рассказал просто так? Может, это небольшой плюс для меня. Может, теперь я не так виновен в ваших глазах, чем раньше? Мои намерения не были всегда плохими. Разве, я не объяснил теперь вам все причины своей вины?

— Да, вы кое-что прояснили, немного. Вы доказали, что вы не так уж виноваты во всем, хотя я вам и не верю. Вы доказали, что ваше сердце не такое безнравственное, точнее, менее безнравственное. Но, я с трудом поняла о тех невзгодах, которые вы принесли. Я с трудом понимаю, что еще может быть хуже этого?

— Могли бы вы повторить все это вашей сестре, после того как она поправиться? Позвольте, мне быть в ее глазах тоже немного обеленным, как в ваших. Вы сказали мне, что она уже простила меня. Позвольте же мне представить, что лучшее знание моего сердца и моих истинных чувств вызовет в ней более естественное и более нежное желание простить меня. Расскажите ей мою историю, мое покаяние, скажите ей, что мое сердце

никогда не предавало ее, и, если вы хотите, сейчас она мне милей, чем когда-либо.

— Я расскажу ей все, что сочту нужным, чтобы правильно оценить ваши действия. Но вы мне так и не объяснили ни те частные причины, которые заставили вас приехать сейчас к нам, ни как вы узнали о ее болезни.

— Прошлым вечером в кулуарах Драри-Лане я повстречался с сэром Джоном Миддлтоном, и когда он узнал меня, то заговорил со мной. Мы не общались с ним два месяца. Он игнорировал меня с момента моей женитьбы, я это все наблюдал без удивления или негодования. Сейчас де, его добрая, честная, но глупая душа, полная возмущения против меня и сочувствия вашей сестре, не смогла сдержать свой пыл и сказала мне, что он все знает. Хотя, я не думаю, что он знал все, но ужасно мне досадил и рассказал все тупо, как только он мог. Все же я понял, что Марианна Дэшвуд умирает от гнилой лихорадки в Кливленде. Письмо, которое утром доставили от миссис Дженнингс, сообщало, что Марианне стало хуже, что Палмеры все уехали от нее подальше, и т. д. Я был так потрясен, чтобы сказать что-либо, даже на оскорбления сэра Джона. Его сердце немного оттаяло, когда он увидел мою

реакцию на его новость, и не смотря на то, что так много злонамеренно хотел сделать, мы расстались почти пожав друг другу руки, во время чего он не преминул напомнить мне о щенке легавой, которого я ему когда-то обещал. Что я только не испытал, услышав что ваша сестра умирает, и умирает, видя во мне самого страшного негодяя на земле и ненавидя меня всей душой! Как я мог ей передать, что не все планы можно вменять в вину? И только один человек смог бы меня представить меня способным на все! То, что я испытывал, было ужасно! Я тотчас решил ехать к вам, и в восемь часов утра был в экипаже. Теперь вы знаете все.

Элинор ничего не ответила. Она думала о том, как пагубны слишком ранняя неограниченная свобода, доступность и роскошь для неокрепшего ума молодого человека, даже для достаточно развитого и талантливого, отзывчивого и доверчивого, честного и чувствительного. Свет сделал его экстравагантным и тщеславным, а экстравагантность и тщеславие превратили его в циника и эгоиста. Тщеславие, когда ищет свои победы за счет других, и вовлекло его в это приспособленчество, которое экстравагантность или, наконец, ее некоторая необходимость, заставляют существо-

вать в ущерб себе. Все его недостатки, которые вели его к преступлению, ведут и к наказанию. Он и оставил ее сестру со всеми невзгодами, был счастлив, и снова обрек себя на несчастье и жизнь, более не свойственную для его натуры. От всех этих размышлений она мысленно перешла к Уиллингби, который уже поднялся сам и со скорбным видом стал прощаться:

— Дольше оставаться здесь, мне нет необходимости. Пора в дорогу.

— Вы возвращаетесь в город?

— Нет, нет, в Комб-Магну, у меня дела там, а потом в город через день или два. Прощайте же!..

Он держал руку. Она не могла не протянуть свою, и он пожал ее с чувством.

— И вы тоже теперь думаете обо мне уже не так плохо, как прежде? — сказал он в ожидании ответа, облокотившись на камин.

Элинор заверила его, что да, она простила его, даже жалеет его, желает ему счастья в жизни и всего, чего обычно желают хорошим знакомым. Его ответ не был таким уж бодрым.

— Что касается этого, — сказал он, — мне предстоит пробираться через этот мир так, как только я смогу сам. Тихая провинциальная жизнь отпадает. Если я когда-нибудь узнаю, что ваши

чувства проявляют интерес к моей особе и моему бытию, то я с радостью займусь им, так как это может единственное, ради чего я буду жить. Марианна, естественно, потеряна для меня навсегда. Хотя, если вдруг у меня появится шанс опять стать свободным….

Элинор остановила его с укором.

— Хорошо, — ответил он, — тогда еще раз, до свидания. Теперь я ухожу, и буду жить, боясь, только одного события.

— Что это вы имеете в виду?

— Женитьбы вашей сестры.

— Напрасно. Для вас она теперь потеряна уже навсегда.

— Но ее сможет получить кто-нибудь другой! И даже, если этот другой будет самый такой… каким он должен быть из всех… то я этого не стану выносить! Я не позволю ему обокрасть меня, даже со всеми вашими благими пожеланиями, покажу что там, где более всего ранен, там я ничего не забыл. Прощайте. И храни вас Бог!..

При этих словах он почти выбежал из комнаты.

Глава 24

Элинор некоторое время после того, как он вышел и даже после того, как отъехал его экипаж, сидела неподвижно, потрясенная откровенностью Уиллингби и переполненная противоречивыми мыслями и чувствами, совсем позабыв про свою покинутую сестру.

Уиллингби, которого только полчаса назад она считала самым жестоким злодеем в мире, не смотря на все свои недостатки, был достоин некоторого сожаления, так как сам являлся жертвой своих же пороков, и о котором она теперь думала, как о человеке, навсегда разлученным с ее семьей. Думала о нем и с нежностью, и с сожалением, пропорционально его желаниям и возможностям. Она чувствовала, что это его состояние, переполнившее ее мысли, было вызвано обстоятельствами, которые сами по себе ничего такого и не значили, но, представленные им самим, в такой откровенной манере, чувственно и очень живо, стали такими подкупающими. И еще его, по-прежнему, сильное чувство к Марианне, тоже было немаловажным для его прощения.

Когда, наконец, она вернулась погрузившейся в забытье Марианне, то увидела, что она уже проснулась и посвежела после такого долгого и целебного сна. Сердце Элинор было переполнено. Прошлое, настоящее, будущее, визит Уиллингби, выздоровление Марианны и ожидаемый приезд ее матери — все это закружилось роем в ее голове и привело к выводу о том, что она предала саму себя ради своей сестры. Эта мысль, мучила ее недолго, около получаса после ухода Уиллингби, так как снова послышался шум подъезжающего экипажа, и Элинор спустилась вниз, чтобы избавить свою мать от напрасных первых минут томительного ожидания. Она пробежала холл и подошла к входной двери как раз тогда, когда та вошла.

Миссис Дэшвуд, для которой последние минуты приближения к дому были невыносимо мучительны ожиданием самого страшного, что Марианну она может уже не застать, не могла произнести ни звука от волнения. Элинор тоже была лишена дара речи, но по тому искреннему и радостному ее виду, с которым она приветствовала свою мать, та и безо всяких слов поняла радостную для обеих весть, и, не говоря ни слова, обе залились слезами. Элинор и полковник про-

вели миссис Дэшвуд в художественную гостиную. Там обе женщины выплакались вволю. Элинор могла только время от времени молча пожимать руку полковника Брэндона, ее взгляд был полон благодарности. Брэндон стоял в молчании, даже более величественном, чем ее собственное.

Как только миссис Дэшвуд пришла в себя, она сначала захотела взглянуть на Марианну, и через две минуты была у своего возлюбленного чада, рассказывая ей все о своем отсутствии, несчастиях и опасностях.

Элинор была рада, когда наблюдала за ними, и только позаботилась о том, чтоб эта встреча не лишила Марианну положенного сна, но миссис Дэшвуд могла быть и молчаливой и разумной, когда дело касалось здоровья ее ребенка. И счастливая Марианна, зная, что ее мать здесь с ней и что у них еще будет много времени для разговоров, спокойно заснула. Мисс Дэшвуд предстояло просидеть у ее постели всю ночь, и Элинор по настоянию своей матери, пошла спать. Но отдых, который должен был наступить после бессонной ночи и многих часов непрерывного волнения, не пришел. Уиллингби, бедный Уиллингби, так она его позволяла себе теперь называть теперь, был постоянно в ее мыслях. Она почти снова и снова

слышала его слова и теперь осуждала саму себя за то, что осуждала его раньше! Но ее обещание все рассказать сестре стало тяжким грузом. Она думала, как это лучше сделать и как поведет себя Марианна. Она мучилась, сомневалась, искренне желала Уиллингби овдоветь, затем вспоминала полковника Брэндона, и его трепетные чувства к ее сестре… И она уже не знала, что для всех них будет лучше. Но уже точно не пророчила смерти Уиллингби.

Известие, с которым явился в Бартон полковник Брэндон, поразило миссис Дэшвуд меньше, чем можно было ожидать, ибо миссис Дэшвуд предчувствовала что-то неладное. Она так переживала за Марианну, что готова была сама уже выехать в Кливленд на следующий день, не ожидая никаких других новостей.

Между тем Марианне становилось все лучше и лучше каждый день, и блестящее настроение миссис Дэшвуд и ее вид доказывали это. И она о себе говорила, что является самой счастливой женщиной в мире! Элинор не могла заметить всех этих доказательств и только боялась, как бы мать не вспомнила Эдварда. Но миссис Дэшвуд, помня о своем тяжком ожидании, из которого ее вывела Элинор, не скрывала радости. Марианна

возвращалась к ним. Сама она теперь оценивала всё произошедшее с Марианной, как последствия несчастной любви и разрыва с Уиллингби. Но для ее материнской радости был еще один повод, о котором ни Марианна, ни Элинор пока не догадывались.

Впрочем, в неведении Элинор оставалась лишь до той минуты, пока им с матерью не выпал случай поговорить наедине. И вот что она услышала:

— Наконец, мы одни, моя Элинор, — прошептала миссис Дэшвуд. — Ты и представить себе не можешь всей моей радости. Полковник Брэндон *любит* Марианну, он мне так и сказал!

Элинор, и довольная и огорченная, удивленная и не удивленная, молча слушала мать.

— Ты никогда не была эмоциональна, как я, дорогая Элинор, и даже сейчас я теряюсь в догадках, почему ты так спокойна? Не скрою, я была бы счастлива, выдать одну из вас за полковника Брэндона. И я думаю, Марианна будет вполне счастлива с ним.

Элинор была готова даже спросить ее, почему же она так думает. Потому ли, что не нашла себе объяснение в разнице их возрастов, характерах, чувствах и прочем? Но ее мать всегда имела свои

собственные виды на все вокруг, и вместо того, чтобы что-то разузнать у нее побольше, Элинор только молча улыбалась.

— Он полностью открыл мне свое сердце вчера во время путешествия. Это получилось само собой. И я могу в это поверить, потому, что все было так естественно и не наигранно, потому, что ты веришь, я могла говорить только о своем ребенке, а он не мог скрыть своего расстройства. Я видела, что наши переживания похожи, и что он, возможно, даже думает о дружбе. А так как весь мир теперь перевернулся, то почему бы ему и не выразиться в такой симпатии! Я так подумала и познакомилась с его чувствами, честными, нежными и постоянными к Марианне. Он ее любит, Элинор, с первого знакомства!

Вот здесь Элинор и поняла, ни слова, ни намерения полковника Брэндона не имеют отношения к тому, что ее мать пытается увидеть в нужном ей свете.

— Его чувства к ней, совсем не похожи на те, которые Уиллингби когда-либо испытывал или изображал! Они более искренние и надежные! Мы можем только жалеть, что они проявились только благодаря несчастьям Марианны с этим молодым человеком! Он ведь любил ее безо вся-

кой надежды! Мог ли он увидеть ее счастливой с другим? Такой благородный человек! Такой откровенный и такой разумный! Никто не может ошибиться в нем!

— Полковник Брэндон исключительный человек, — наконец заговорила Элинор, — Порядочный и основательный.

— Я это знаю, — ответила ее мать серьезно, — после стольких переживаний, я, наконец, одобряю такой выбор, и даже очень рада ему. И его приезд ко мне, такой искренний, и такой ясный, показывает, что на этого человека можно положиться!

— Его репутация вместе с тем, — продолжала Элинор, — основывается не только на одном разовом проявлении доброты, при котором его отношение к Марианне, всего лишь могло быть проявлением гуманизма. Его хорошо знают и миссис Дженнингс и леди Миддлтон, и достаточно долго. Они одинаково и любят, и уважают его. И, как в последнее время стало ясно, он очень рассудительный человек. Поэтому, я его очень ценю сейчас, и, если Марианна будет счастлива с ним, я считала бы такой союз большой удачей в жизни. Какой ответ ты ему дала? Оставила ли ему какую-нибудь надежду?

— О моя девочка, я тогда не могла и говорить о надежде, да и он тоже! Марианна могла в то время умереть. А он даже не спрашивал о надежде на что-либо. Он просто рассказал, как близкому другу свои чувства, а не как матери. Позже я сказала ему, что если случится так, что все обойдется, а я верю, что так и будет, то величайшим счастьем для меня было бы ее замужество с ним. Я потом повторила это ему, и ободрила его ещё не раз. Время, слишком мало времени, время излечит все! Сердце Марианны не стоит тратить на таких, как Уиллингби! И он того же мнения!

— А что же полковник, ты ведь не ожидала, что он будет торопить события?

— Нет. Он думает, что чувства Марианны формировались так долго и так глубоки, что сразу ее сердце не может быть свободно. Тем более, что он сам понимает, что с такой разницей в возрасте и положением, он едва ли сможет произвести на нее впечатление. Но здесь, все же, он ошибается. Его возраст, как раз то, что надо для Марианны, чтобы иметь будущее спокойным, со сложившимися принципами и характером. Что касается его расположения, то думаю это как раз тот, кто сделает твою сестру счастливой! А его личность, его манеры, его учтивость! Мое чувство не делает

меня слепой, он, конечно, не такой красавчик, как Уиллингби, но в тоже время в его чертах есть что-то более правильное. Помнишь, в глазах Уиллингби всегда было что-то такое, что мне не нравилось?!

Элинор не могла вспомнить этого, но ее мать, не дожидаясь ответа, продолжала:

— А его манеры? Манеры настоящего полковника! Они ведь не только мне приятнее, но они более приятны, я знаю, и Марианне. Его нежная забота, его уважительное отношение к другим людям, и многое другое, что намного лучше для нее, чем живость, частая наигранность и дурной характер других. И я уверена, что если бы Уиллингби вдруг переменился полностью и появился вновь, она не была бы счастлива с ним так, как это будет с полковником Брэндоном.

Она замолчала. Ее старшая дочь не была полностью согласна с ней, но ее точка зрения вряд ли могла быть понята матерью, поэтому она промолчала.

— В Делафорде, она будет со мной рядом, — сказала миссис Дэшвуд, — даже если я перееду в Бартон. Но, в любом случае, я слышала, что это довольно немаленькое поселение, и, думаю, для нас там всегда найдется маленький домик или

коттедж, не хуже нынешнего!

Бедная Элинор! Роковой Делафорд снова замаячил на ее горизонте! Но ее дух был крепок!

— Его состояние тоже играет не последнюю роль. В моем возрасте все уже серьезно начинают об этом задумываться. Поскольку я не знаю, да и не очень хочу знать, какое оно, но думаю, что достаточно велико.

На этом их разговор тет-а-тет был прерван появлением третьей персоны, и Элинор перестала над этим думать, считая это личным делом, пожелала успеха своему дорогому другу и подумала, какую боль это причинит Уиллингби.

Болезнь Марианны, хотя и тяжелая, все же тянулась недолго, и девушка быстро шла на поправку. А природная сила молодости и материнская любовь оказались настолько действенными средствами, что больная уже через четыре дня смогла самостоятельно подняться и появиться в гостиной миссис Палмер. Куда, по ее собственной просьбе, был приглашен полковник Брэндон, которого ей не терпелось поблагодарить за его неоценимый поступок.

Когда он вошел в комнату, то сразу переменился в лице при виде усталых глаз Марианны. Он с нежностью принял ее бледную руку, которую она

тотчас протянула ему, и Элинор показалось, что такое поведение свойственно мужчине, которому больше незачем скрывать свою любовь. Она не могла не заметить противоречивых чувств на его печальном лице, полковник поднимал на ее сестру глаза полные грусти и нежности, и она решила, что он невольно сравнивает Элизу и Марианну. В благодарном взгляде ее впалых глаз, в бледности кожи и бессилии, он, несомненно, улавливал их сходство и чувствовал, что еще совсем немного, и Марианна поправится, и его заветное желание исполнится.

Миссис Дэшвуд, не менее внимательно следившая за этой сценой, но совсем с другими мыслями, не увидела в поведении полковника того, чего так страстно желала. Неужели она опять вообразила себе больше, чем было на самом деле?

Прошло еще два дня, Марианне становилось заметно лучше и миссис Дэшвуд начала поговаривать об отъезде в Бартон. От ее решения сейчас зависели дальнейшие планы двух ее друзей. Миссис Дженнингс не могла оставить Кливленд, пока Дэшвуды были здесь, да и полковник Брэндон, задержавшийся в именье из-за них, прочно обосновался в комнате наверху, так как не мог оставить дам в это трудное время одних. Они

оба поддерживали решение миссис Дэшвуд вернуться в Бартон и предлагали ей каждый свой экипаж, но она выбрала экипаж полковника, как более комфортный для ее приболевшей дочери. Полковник с благодарностью принял приглашение миссис Дэшвуд и миссис Дженнингс, которая также гостеприимно приглашала его в коттедж Дэшвудов, как к себе домой, и пообещал навестить их в Бартоне через несколько недель.

И вот долгожданный день отъезда настал.

Марианна, которая так ждала его, в это утро никак не могла распрощаться с миссис Дженнингс, они расставались так радушно и трогательно, как два очень близких человека, которых теперь многое связывает, затем она тепло и быстро, в надежде на скорую встречу, простилась с полковником Брэндоном. Тот осторожно помог ей подняться в экипаж, и усадил так, чтобы она занимала его добрую половину и чувствовала себя уютно в дальней дороге. Миссис Дэшвуд и Элинор поднялись следом. Взволнованные они говорили между собой о предстоящем путешествии, когда экипаж тронулся. Миссис Дженнингс и полковник Брэндон провожали их взглядом и грустно стояли вдвоем, пока карета не скрылась из вида. Затем пожилая дама отправилась домой, а пол-

ковник Брэндон — в одиночестве в Делафорд.

Дэшвуды пробыли в пути два дня, и Марианна хорошо чувствовала себя в дороге. Возможно, потому, что рядом были мать и сестра. Элинор, глядя на выздоравливающую Марианну, не скрывала радости. Еще совсем недавно она видела ее такой измученной и страдающей, с болью в сердце, о которой она из гордости не хотела говорить, теперь же перемена в ней была очевидна — Марианна, наконец, похоже обрела спокойствие души. И в этом была немалая заслуга Элинор.

Как только они въехали в Бартон — сразу узнали родные просторы, где каждый луг и каждое дерево, казались знакомыми, но почему-то пробуждали печальные воспоминания. Марианна загрустила, смолкла и, повернувшись к окну, так чтобы мать и сестра не могли видеть ее лица, и задумчиво смотрела на проплывающие мимо весенние пейзажи сквозь пелену слез. Элинор не осуждала ее за эту душевную слабость. Помогая Марианне выйти из экипажа, она вдруг заметила, что сестра плачет, и искренне посочувствовала ей. Когда они, наконец, вошли в свою маленькую гостиную, то Марианна обвела ее нежным и печальным взглядом, как будто замечая каждый предмет, напоминающий ей о Уиллингби. И

постаралась быть сильной. Она говорила о нем мало, но всякий раз с иронией, а если вдруг с ее губ срывался вздох, он тут же сменялся улыбкой. После обеда она попробовала сыграть на своем пианофорте. Она уверенно подошла к инструменту, но первые попавшиеся ноты оказались оперой, подаренной ей Уиллингби. Несколько любимых партий, которые они с удовольствием исполняли дуэтом, а сверху красовался этот проклятый подарочный лист с ее именем, которое он вывел своей трепетной рукой. Это оказалось свыше ее сил. Она покачала головой, убрала ноты на место, пробежалась несколько раз по клавишам и закрыла инструмент, сказав, с некоторым смущением, что ее пальцы потеряли прежнюю гибкость, но со временем она вернет им былое мастерство.

Следующий день стал новым уверенным шагом к выздоровлению. Марианна проснулась бодрая духом и телом и с нетерпением стала ждать возвращения их маленькой Маргарет, которая на время была отправлена к знакомым. Она с теплотой вспомнила о тихих семейных вечерах, которые теперь снова вернуться в их уютный летний дом.

— Как только погода установится, а мои силы

восстановятся, — уверенно сказала она, — то снова буду совершать ежедневные пешие прогулки. Мы будем спускаться к подножию холмов, и видеть проходящих там детей, дойдем до новой плантации сэра Джона в Бартон-Кросе, и в Аббей-Лэнде, и навестим древние руины в Приори, поросшие мхом и лебедой, и как раньше будем бродить среди них и представлять какими были эти священные стены. Совсем скоро я буду просыпаться не позже шести и каждое утро до обеда посвящать музыке и книгам. Я уже даже составила кое-какой план своих занятий. Правда, все книги в нашей библиотеке я уже перечитала от корки до корки, но еще очень много хороших книг есть в Бартон-парке, а некоторые новинки я возьму почитать у полковника Брэндона. Занимаясь чтением хотя бы шесть часов в день, я пройду целый курс за двенадцать месяцев. А это огромное количество советов, которые мне, я чувствую, так нужны.

Элинор нравился настрой сестры и ее планы, хотя она улыбалась в душе, возвращение Марианны в ее привычные розовые мечты, которые теперь были направлены на рациональное использование времени и самовоспитание. Элинор улыбалась, но ее улыбка иногда переходила в

тягостный вздох, так как она все еще не выполнила обещание, данное мистеру Уиллингби, так как опасалась, что такое напоминание может причинить вред Марианне, и разрушить все ее последние проекты по самообразованию. Желая все же отложить этот час печали, она решила подождать, пока здоровье ее сестры окрепнет, позволяя перенести все это намного легче.

Но это решение, как и многие другие благородные решения на свете, было принято только для того, чтоб его нарушить.

Марианна, терпеливо просидевшая дома еще три дня в ожидании теплой погоды, в первое же погожее утро решила пройтись одна. Поддавшись искушению поздней весны, мать разрешила ей небольшую прогулку, но только под руку с Элинор и только на лужайке около дома.

И обрадованные сестры неспешной легкой походкой, как только позволяла слабость Марианны, которая не совершала подобных прогулок с того самого сырого апрельского вечера в Кливленде, когда она заболела, наконец, вышли из дома. Они пошли вперед и оказались достаточно далеко от дома, чтобы увидеть весь холм, когда Марианна тихо сказала:

— Здесь, точно здесь, — и показала рукой, —

именно там на этой насыпи я и упала. Я и увидела впервые Уиллингби!

Ее голос сорвался и резко затих. Но вскоре она добавила:

— Я так искренне рада, что теперь могу смотреть на это роковое место, и мне почти не больно! Сможем ли мы когда-нибудь спокойно говорить о нем, Элинор? — неуверенно спросила она, — Или этого не следует делать? Я могу говорить об этом хоть сейчас, я надеюсь, нет, я просто обязана это сделать!

Элинор осторожно попросила ее быть откровенной.

— Что касается сожалений, — сказал Мариана, — Я уже прошла через это и теперь всё для нас обоих так далеко. Я не собираюсь рассказывать тебе, какими были мои чувства к нему, но скажу какие они сейчас. В настоящее время, если я и могу быть довольна, то только одной вещью. Если бы я только знала, что он не всегда меня обманывал, не всегда играл мной… Но кроме этого, если бы я могла быть уверена, что он никогда не был таким плохим, каким его представляет мое воображение, с тех пор, как эта несчастная девушка…

Она остановилась. Элинор обрадовалась, кажется, сама судьба предоставила им удачный

повод поговорить о раскаянии Уиллингби.

— А если бы ты была в этом уверена, стало бы тебе легче?

— Да, потому что я всё время думаю только об этом! Это ужасно подозревать человека, который был таким, каким он был со мной, но и иметь еще как-то неуправляемое чувство, которое меня охватывает…

— А, что сейчас? — спросила ее сестра, — Как ты сейчас оцениваешь его поступки?

— Я его считаю… О нет! Я считаю его всего лишь непостоянным, всего лишь непостоянным! Не больше!

Элинор молчала в нерешительности, не зная, рассказать ли ей все сейчас или подождать, пока Марианна совсем окрепнет. Они провели еще несколько минут в тишине.

— Я боюсь думать о том, что он совсем невиновен в этой ситуации, — сказала Марианна со вздохом, — Я хочу, чтобы он тоже страдал в душе. Как страдаю я, это было бы справедливо. Я хочу, чтобы он тоже мучился!

— Ты хочешь сравнить его чувства со своими?

— Нет, поздно сравнивать с тем, что было. Я сравниваю с твоими.

— С моими? Но ведь наши положения едва ли

похожи между собой.

— Наши ситуации достаточно похожи, но переживаем мы их по-разному. Нет, моя дорогая Элинор, не давай твоей доброте защищать то, что твоя справедливость хочет осудить. Моя болезнь дала мне возможность подумать и оценить все то, что произошло. Я считаю прошлое, я сужу по своему собственному поведению, с самого начала нашего знакомства с прошлой осени, и не нахожу ничего больше, как просто бесстыдство по отношению ко мне, и желания доброты к другим. Я вижу, что мои собственные желания подготовили мои собственные страдания, и что мое собственное желание стойкости при таких обстоятельствах и подвели меня к самой могиле. Моя болезнь, я это хорошо знаю, была медленно подготовлена мной самой из-за небрежности по отношению к собственному здоровью. Если бы я умерла, то это было бы простое самоуничтожение! Я не понимала всей опасности, пока не выздоровела, но по тем чувствам, которые это мне принесло, я догадываюсь, что в своем выздоровлении основой было только мое желание выжить! Мое ж искреннее желание — не оставить вас и моего Бога — все это и не убило меня сразу! Если бы я сейчас умерла, то какими ни-

чтожными я бы вас всех оставила, моих сиделок, моих друзей, мою сестру!

Тебя, которая могла видеть всю раздражительность моих последних дней, которая знала все каждый тайный шепот моего сердца! Как я могла оставить о себе такое воспоминание! И наша мать, тоже! Как ты смогла бы ее утешить! Я не могу передать свое отвращение тогда бы к себе! И, когда бы я не смотрела назад, я вижу некоторые обязанности невыполненными. Похоже, что все, чем-то обижены мной! Доброта, такая искренняя доброта со стороны миссис Дженнингс, а я ответила ей своим неуважением! А Миддлтоны, а Палмеры, а Стилс, с каждым, кто был знаком со мною, я была не права, пусть в малом, но была не права! И по отношению к Джону, к Фанни, даже и к ним. Я дала всем им меньше, чем должна была дать. Но ты больше чем все, больше чем моя мать, ошиблась во мне! Я, и только я, знаю твое сердце и его печаль. И какое это оказало влияние на меня? Никакого, что могло бы разделить твою печаль! Твой пример должен быть всегда передо мной, но чем он был полезен для меня? Была ли я более внимательна к твоему состоянию и положению? Разве я пыталась немного приободрить тебя, сделав вид, что я понимаю тебя, и что от этого мне

становится будто лучше? Нет! Нет, хотя я знала, что ты также несчастна. Когда я даже верила, что тебе лучше, разве я старалась не говорить с тобой о беде? Нет, я разрешала своей печали делиться с тобой, и сожалеть о том, что тоже могло очень уколоть тебя. Вот поэтому, я не могла позволить себе покинуть тебя в таком состоянии жалости ко мне!

Здесь она резко остановилась, чтобы перевести дух. Элинор не стала ее перебивать, хотя эти слова и льстили ее гордости. Затем Марианна продолжала:

— Ты такая славная. И будущее докажет справедливость моих слов. Я разработала свой план, и, если он удастся, я и мои чувства будут управляемы, а мой дух тверд. Они все больше не будут так беспокоиться обо мне. Я теперь буду жить только ради своей семьи. Ты, моя мать и Маргарет — это теперь весь мир для меня, и вы разделите мои чувства между собой. От вас, и из этого нашего дома я теперь никуда уже не уеду, а если я и уйду в другое общество, то это только будет значить, что мой дух сломлен, мое сердце изменилось, и что я пользуюсь добротой и прелестью жизни, не отдавая ей должное! Что же касается Уиллингби, то рано или поздно я обязательно прощу его.

Воспоминания о нем со временем можно пережить, без всяких особых условий или стечений обстоятельств! Мне необходимо время, чтобы всё понять и принять.

Она замолчала, и добавила с нежностью:

— Если бы я только могла заглянуть в его душу, все стало бы намного легче!

Элинор в это время все еще сомневалась, надо ли или не надо всё рассказать сестре именно сейчас. И, наконец, решилась.

Она начала этот разговор издалека, осторожно, взвешивая каждое слово. Чтобы ненароком не ранить Марианну и преподнесла всё так умело, что в ее рассказе было много сказано о его искреннем раскаянии и почти ничего о его сильных душевных муках и о том. Что он по-прежнему любит Марианну.

Взволнованная Марианна не могла произнести ни слова, она опустила глаза и боялась взглянуть на сестру, ее бледные губы дрожали. Казалось, она боится даже дышать, чтобы громким вздохом не спугнуть откровенность. Каждый звук, каждый слог, она ловила с жадностью, наконец, ее руки сами собой потянулись к руке сестры, и тихие слезы покатились по щекам.

Элинор, крепче обняв Марианну, решила, что

первая прогулка и история Уиллингби утомили ее сестру. Она осторожно повела ее по направлению к дому, и пока они не подошли к дверям, они всё время говорили только о Уиллингби. Можно было только представить, какие мысли и какое любопытство овладевали ею, но ни один вопрос не был задан и не продолжил беседу, и эти славные минуты взаимопонимания были самыми приятным за все время прогулки. Когда они зашли в дом, Марианна произнесла только два слова: «Скажи маме». Эти слова были произнесены в слезах. Она отошла от сестры и поднялась медленно наверх.

Элинор не пыталась ей возражать, так как заранее была готова почти к такому восприятию своего рассказа, и направилась к матери, чтобы до конца выполнить свое предназначение.

Глава 25

Миссис Дэшвуд не могла спокойно слышать ни слова в оправдание своего бывшего протеже. Она согласилась снять с него обвинения в некоторых его преступлениях, пожалела его и даже пожелала ему счастья. Но ее прежнее доверительное отношение к нему ушло безвозвратно. Ничто не могло оправдать его предательства доверчивой и наивной Марианны. Ничто не могло заставить забыть те последние страдания, которые он принес ее дочери и далекой Элизе. Теперь ничто не могло возвратить ему прежнее место в их жизни и хоть как-то поколебать шансы полковника Брэндона.

Если бы только миссис Дэшвуд услышала эту историю от самого Уиллингби, то, возможно, это произвело бы на нее большее впечатление, чем то, которое оказала эта история из уст Элинор. Но Элинор не пыталась защищать Уиллингби, да и это ей было не под силу. Она не собиралась навязывать кому-либо свое собственное мнение о нем, а лишь пыталась рассказать правду и только правду, не давая поводов для новых несбыточных мечтаний.

Вечером, когда они снова собрались все вместе в гостиной, Марианна первой заговорила о нем, но это произошло самой собой, без какого-то умысла, судя по тому беспокойству, с которым она сидела, ее яркому румянцу, когда она говорила, и ее меняющемуся голосу, выдающему волнение.

— Я хочу заверить вас обеих, — сказала она, — что я всё поняла правильно, как вы того и хотели.

Миссис Дэшвуд постаралась прервать ее с мягкой осторожностью, чего не стала делать Элинор, которая, действительно, хотела услышать искреннее мнение.

Мариана медленно продолжала:

— Это такой камень с души, спасибо тебе, Элинор, что ты всё рассказала мне этим утром. Теперь я действительно услышала то, что я хотела услышать! — ее голос сорвался, но через несколько минут зазвучал в гостиной снова. — Теперь я спокойна. Я не хочу никаких перемен. Я никогда не была бы счастлива с ним, после того, как узнала все то, что вы мне рассказали. У меня лучше пусть не будет ни доверия, ни уважения к нему, но ничто и никогда, все равно, не изменит моих чувств!

— Я знала, я знала это! — воскликнула ее

мать, — Быть счастливой с таким непостоянным и ненадежным человеком? С тем, кто сломал жизнь самого дорогого для меня человека и едва не уничтожил нашего лучшего друга? Нет, моя Марианна ты никогда не была бы счастлива с таким мужем!

Марианна вздохнула и повторила:

— Я не хочу перемен!

— Сейчас ты правильно оцениваешь то, что произошло, — сказала Элинор, — так, как это предполагает здравый смысл. Даже, если бы ваш брак состоялся, он был бы обречен. Вы были бы невероятно бедны и не смогли жить на те гроши, которые он будет получать. Его желания и твои мечты никогда не осуществились бы, и вы оба стали несчастными. Твое чувство гордости и собственного достоинства не позволит тебе сидеть сложа руки, ты бы начала отчаянно экономить на себе, чтобы хоть как-то исправить ваше положение, но ограничить его расходы, повлиять на его интересы тебе бы вряд ли удалось, он начал бы злиться на тебя и, в конце концов, разлюбил, так как ты невольно посягнула бы на его гордость, его эгоизм…

Губы Марианны дрожали, и она повторила:

— Эгоизм? — и далее спросила, — ты и вправду

думаешь, что он эгоист?

— Все его поведение, — сказала Элинор, — от начала и до конца — эгоизм, да и только. Эгоизм заставил его сначала вызвать в тебе чувство, в которое он сам потом поверил, эгоизм не дал этому развиться и закончиться естественно, и, в конце концов, только эгоизм изгнал его из Бартона. Его собственное удовольствие, и только для него одного, — вот единственный принцип, которым он руководствуется в жизни.

— Да, это совершенная правда, я никогда не была бы счастлива с ним.

— А сейчас, — продолжала Элинор, — он жалеет о том, что он сделал. И снова только из собственного эгоизма. Потому, что он убедился, что получил в браке не то, что хотел. Его страдания не вызваны каким-либо злом, он страдает, от того, что женился на женщине не с таким характером, как у тебя! Но означает ли это, что женись он на тебе, что он был бы счастлив? А, замени он сейчас свою жену на ту, которая будет соответствовать всем его требованиям, но с которой он будет вынужден жить в бедности и в глуши, не придет ли он со временем к мысли, что лучше было иметь не совсем подходящую жену, но жить в роскоши, чем иметь тихую провинциальную

семейную жизнь?

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, — сказала Марианна, — и я ни о чем не жалею, кроме как о своей собственной глупости.

— Точно так же, как и о недальновидности твоей матери, — добавила миссис Дэшвуд.

Марианна не позволила ей возобновить ту тему, а Элинор была рада, что каждый признает свои собственные ошибки, и, желая, чтобы больше не было таких разговоров, которые вряд ли добавят здоровья матери и сестре, Элинор сказала:

— Все беды Уиллингби начались из-за того, что он обманул несчастную девочку — Элизу Уильямс! Это преступление кажется самым серьезным из всех других его бед!

Марианна замолчала, а ее мать начала восхвалять прелести и достоинства такого человека, как полковник Брэндон, нисколько не обращая внимания на то, что Марианна ее не слушает.

В ближайшие несколько дней после этого разговора, как и опасалась Элинор, Марианна выглядела утомленной. Видимых улучшений в здоровья не было, но она, невзирая на это, продолжала улыбаться, чтобы никто из домочадцев не сомневался, что она идет на поправку.

Маргарет вернулась, и вся семья снова была в сборе. Все дружно жили в своем маленьком коттедже, и если не так уж прилежно занимались своими обычными занятиями, но все также были веселы, как и раньше. Элинор с каждым днем всё чаще вспоминала Эдварда. Она ничего не слышала о нем с тех пор, как он уехал из Лондона. Ничего о его планах и нынешнем положении. Сводный брат, приславший им несколько писем по поводу здоровья Марианны, ни словом не обмолвился о нем, кроме одной фразы. «Мы ничего не знаем о нашем дорогом Эдварде, похоже, что он все еще в Оксфорде, куда он так стремился, больше мы ничего не слышали о нем», — писал Джон в первом письме.

И вот однажды их слуга Томас отправился в Экзетер по хозяйственным делам, и, стоя у прилавка, вдруг услышал знакомое имя и еще кое-что. Вернувшись домой, слуга с порога объявил своим хозяйкам радостную новость:

— А, знаете ли, сударыни, в городе поговаривают, что мистер Феррарс женился?

Марианна, в испуге посмотрела на Элинор, побледнела и бессильно опустилась в кресло. Миссис Дэшвуд была крайне удивлена, таким поведением Марианны при этих словах, но потом

поняла и даже не знала, кого из дочерей в первую очередь утешать после этой радостной новости.

Слуга, встревоженный поведением мисс Марианны, побежал за служанкой, и они вместе отнесли барышню в комнату. Только когда Марианне полегчало, мать оставила ее под присмотром служанки и Маргарет, а сама спустилась вниз к Элинор, которая тоже все еще была не в себе, и даже засомневалась в умственных способностях их Томаса.

— Кто сказал тебе это, что мистер Феррарс женился? — строго спросила она.

— Я видел мистера Феррарс сам, сударыня, этим утром в Экзетере, и его жену тоже, мисс Стиллс, кажется. Они остановились в дверях гостиницы «Новый Лондон», а я был там, заносил записку от Салли из Парка ее брату, который там служит. И как только я узнал молодую мисс Стиллс, я снял шляпу и поздоровался. Она меня узнала, подозвала меня и спросила о мадам и о вас, особенно о мисс Марианне, еще сказала, что я должен их поздравить, и что она очень сожалеет, что не может приехать и увидеться с вами, они спешили куда-то. И сказали, что как только они вернутся, то обязательно навесят вас.

— Но, разве она сказала тебе, что они поже-

нились?.

— Да, сударыня. Она смеялась, и сказала, как она сменила фамилию и впервые посещает наши края под новым именем. Она выглядела очень довольной и счастливой, такая общительная, оказывается, женщина. Поэтому, я тоже не растерялся и позволил себе пожелать ей счастливого путешествия.

— А мистер Феррарс был в одном экипаже с ней?

— Да, госпожа, я просто видел его откинувшегося на спинку назад, но он не смотрел на нас, он ведь никогда не любил говорить.

Элинор немного удивило, что он не проявил себя никак.

— А был ли кто-нибудь еще в экипаже?

— Нет, госпожа, они были вдвоем.

— А они не сказали ли откуда едут?

— Они ехали прямо из Лондона, как мисс Люси… миссис Феррарс сказала.

— И они ехали прямо на Запад?

— Да, сударыня, но они сказали, что долго там не задержатся. И обязательно на обратном пути заедут сюда к вам.

Миссис Дэшвуд теперь внимательно посмотрела на свою дочь, но Элинор знала лучше ее,

что Люси могла говорить все, что угодно. Они не приедут к ним, так как Эдвард постарается держаться подальше от этого места, и добавила, что вероятно, они поедут южнее около Плимута, как мистер Палмер.

На этом все познания Томаса были исчерпаны.

— Видели ли вы их до отъезда еще?

— Нет, госпожа, подали лошадей, и я боялся опоздать.

— А что, миссис Феррарс? Она хорошо выглядела?

— Да, госпожа, она сказала, что чувствует себя просто великолепно. А я так вообще всегда считал ее просто красавицей!

Миссис Дэшвуд не могла больше думать ни о чем другом, кроме этого, а Томас и скатерть, которую он менял, беззвучно исчезли из гостиной. Марианна уже послала служанку предупредить, что сегодня она обедать не будет. У миссис Дэшвуд и Элинор аппетит тоже пропал и даже Маргарет, которая всегда была довольна жизнью, в этот день впервые осталась без обеда!

Когда же подали вино и десерт, миссис Дэшвуд и Элинор спустились вниз и долго молча сидели за столом. Миссис Дэшвуд была потрясена этим известием! Она поняла, что в Элинор она также

ошиблась, как и в Марианне! Наблюдая за реакцией своей дочери, она думала, что реальность намного сложнее, чем она предполагала, наивная Марианна пострадала из-за своих фантазий и грез, а разумная Элинор пострадала не меньше, хотя всегда была очень рассудительна и просчитывала каждый шаг.

В эти дни Элинор впервые ощутила разницу между ожиданием неприятного известия и самим таким известием. Она слышала о его помолвке и предстоящей свадьбе не раз, но где-то в глубине души тайно надеялась, что Эдвард всё-таки останется холостяком, что что-то помешает его женитьбе на Люси, может быть его внезапное решение, или его друзья или стечение обстоятельств. Но чуда не произошло.

Раз он так быстро женился, рассуждала она, значит, он должен был уже получить сан, и видимо, уже ехал получать место. И теперь она увидела, как всё удачно сложилось для Люси, которая устала от всяких отсрочек. И теперь они ехали к ее дяде, и что Эдвард должен был сейчас чувствовать, находясь всего в нескольких милях от Бартона!

Они, видимо, скоро поселятся в Делафорде. Делафорд — это как раз то место, где им будет

хорошо вдвоем. Элинор представила их в собственном доме, как они устраиваются, и видела Люси, которая, всегда такая суетливая, расставляет мебель и посуду. Потом она подумала о полковнике Брэндоне и миссис Дженнингс, с которыми Люси будет поддерживать знакомства, как с людьми полезными и обеспеченными. Теперь в Эдварде она не видела ничего: ни приятного, ни отталкивающего, и она мысленно полностью отвернулась от него. Элинор перестала себя мучить и подумала, что кто-нибудь из их друзей или знакомых наверняка должен был известить их о таком значимом событии. Но день шел за днем, а письма все не было. И Элинор впервые пожалела, что у них так мало надежных друзей, с которыми они переписываются.

— А когда вы писали полковнику Брэндону, мама? — спросила она.

— На прошлой неделе. И я не удивлюсь, если сейчас увижу его идущим по аллее, поскольку прошли как раз те две недели, когда он собирался приехать к нам.

Это было кое-что, что давало повод для надежды. Полковник Брэндон уж точно бы знал об этой свадьбе.

А когда в подтверждение последних слов вдали

появилась фигура всадника, она его сразу узнала, и когда он спешился и направился к ним, уже почти не сомневалась: это он — полковник Брэндон. Теперь уж она наверняка узнает больше. Но, к ее удивлению, это не был полковник Брэндон. Гость приближался, но что это? Другая походка, другие жесты. Господи, возможно ли, чтоб это был сам Эдвард? Она посмотрела внимательнее. Теперь она не могла ошибиться, да, это был Эдвард. «Наверное, он приехал к нам от мистера Пратта», — подумала она. — Я буду молчалива и не скажу ему ни слова».

Через минуту, она увидела, что другие тоже удивлены его приездом. Она увидела свою мать и Марианну, которые удивленно переглянулись и пошептались между собой. Затем они замолчали и замерли в ожидании своего гостя, чьи шаги громко отдавались в тишине дома.

Никто не проронил ни слова, и когда он вошел в комнату. Выглядел он неважно, также, как и Элинор. Он сразу почувствовал напряжение в гостиной, но миссис Дэшвуд первой нарушила молчание и поздравила его и пожелала счастья в личной жизни.

Он нервно покраснел, и вместо ответа удивленно посмотрел на нее. Элинор, чьи губы дрожали,

когда, пришла ее очередь, тоже протянула ему руку, поздравила его и заговорила о погоде.

Марианна, как могла, справилась со своим волнением, и Маргарет, понимая только некоторые части разговора, а не все в целом, села на всякий случай подальше от него и молча наблюдала за происходящим. Когда Элинор закончила рассказ о необычно сухой весне в этом году, наступила долгая неловкая пауза. Миссис Дэшвуд, стараясь соблюсти приличия, попыталась поддержать разговор и спросила, как чувствует себя миссис Феррарс. Он поспешно ответил, что миссис Феррарс чувствует себя хорошо.

Другая пауза.

Элинор, удивляясь тому, как звучит ее собственный голос, сказала:

— А миссис Феррарс в Лонгстэпле?

— В Лонгстэпле? — повторил он с некоторым удивлением, — Нет, моя мать сейчас в городе.

— Я имею в виду, — сказала Элинор, нервно взяв вышивание со столика, — здоровье вашей жены — миссис Эдвард Феррарс.

Она предпочитала не смотреть на него, но ее мать и сестра обе уставились на гостя. Он еще больше покраснел, похоже, от волнения, посмотрел с сомнением и потом после некоторой

нерешительности сказал:

— Может, вы имеете в виду моего брата? Вы говорили о миссис Роберт Феррарс?

— Миссис Роберт Феррарс? — в один голос переспросили Марианна и ее мать, а Элинор не могла говорить, и только ее глаза потрясенно смотрели на него. Он резко поднялся со своего места, подошел к окну, по дороге машинально взяв ножницы для рукоделия и тканевый чехол от них, и пока говорил, разрезал его, не замечая, на мелкие кусочки.

— Возможно вы не знали, что мой брат недавно женился на той миленькой… мисс Люси Стиллс.

Его слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Элинор, которая делала вид, что занята своим рукоделием, конечно, слышала каждое слово.

— Да, — повторил он, — они поженились на прошлой неделе в Даулише.

Больше Элинор не могла усидеть на месте. Она почти выбежала прочь из комнаты, и как только дверь за ней закрылась, она, прислонившись к стене, разразилась слезами. Эдвард, который не смотрел в этот момент куда угодно, но только не на нее увидев ее смятение, тоже не говоря ни слова, быстро вышел из комнаты. Он шел от летнего домика прочь по направлению к ближайшей де-

ревне, оставляя трех дам в коттедже в состоянии радостном и волнительном.

Глава 26

Это фантастическое стечение обстоятельств говорило лишь об одном, что Эдвард теперь свободен, и как он хочет распорядиться этой свободой, всем тоже было ясно. Однажды он уже был помолвлен без всякого согласия своей матери, поэтому теперь, четыре года спустя, он решил обойтись без лишних церемоний, ничего хуже, чем произошло с Люси, он уже сделать не мог, поэтому все только и ожидали, что их счастливого союза.

И причина его приезда в Бартон была очень проста. Он приехал просить Элинор выйти за него замуж, а так как он уже имел какой-то опыт в данном вопросе, то его замешательство сейчас казалось немного странным.

Нет необходимости описывать здесь, как долго он собирался это сделать, и как быстро он это сделал и в каких выражениях. И как его предложение было принято. Одно следует сказать, что когда они сели за стол около четырех часов по полудню, всего через три часа после его приезда, он уже сидел между своей невестой и будущей

тещей и ощущал себя уже не просто героем-любовником, а самым счастливым человеком в мире. Его ситуация и правда была удивительной. Он добился успеха и теперь был со своей возлюбленной, что и переполняло его душу. Его освобождение от женщины, с которой он сам связал себя очень давно, произошло как-то само собой, и его движение от горя к счастью было так живо и с такой неподдельной искренностью рассказано присутствующим дамам, что они были даже удивлены, так, как никогда прежде его таким не видели.

Его сердце теперь было полностью открыто для Элинор, вся слабость его души, все его ошибки и его юношеская влюбленность в Люси виделись иначе теперь, с высоты двадцати четырех лет.

— Это была моя нелепая ошибка, — сказал он. — Если бы моя мать дала мне какую-нибудь профессию, я бы в восемнадцать лет поехать учиться и не оказался бы у мистера Пратта. Я думаю, что тогда, уж точно, до помолвки бы дело не дошло! Так как я попал туда в том возрасте, когда особенно проявляется интерес к молодым девушкам. Если бы у меня была цель — учиться, которую бы я перед собой поставил, то не особенно бы связывал свое будущее с нею. Но так

как я поступал в Оксфорд только в девятнадцать лет, а до этого не был ничем занят, то и все внимание свое сосредоточил на ней. Это было самое беззаботное время моей жизни с восемнадцати до девятнадцати лет. Люси казалась всем, что только можно было тогда желать! Она была и миленькая к тому же, а я, зная мало других девушек, посчитал, что она и есть та самая, моя единственная. Теперь, рассуждая здраво, я вижу, как глуп я был, тогда и время доказало мне это.

Перемены, которые произошли с ними в течение этих двух часов и внезапно свалившееся счастье, которым они наслаждались, предсказывали им еще и бессонную ночь. Миссис Дэшвуд слишком счастливая, чтобы быть спокойной, не знала, ни как обращаться с Эдвардом, ни с Элинор. И как быть благодарной за то, что после стольких страданий, она получила спокойствие и радость, от них двоих.

Марианна не могла говорить, так как всё время плакала от радости за сестру.

А Элинор, как она могла теперь описать свои чувства? С того самого момента, как узнала, что Люси вышла замуж за другого, что Эдвард свободен, и до того момента, когда он разрешил все ее сомнения, и которого она ждала все это долгое

время. Поэтому, несмотря на ее спокойствие, она была и подавлена и счастлива одновременно, и требовалось несколько часов, чтоб принести покой душе и спокойствие сердцу.

Эдвард провел в коттедже почти неделю, и как не зазывали его в гости общие знакомые, он не мог расстаться со своей милой Элинор, потому что не сказал ей и половины того, что хотел сказать.

Трудно выразить в словах то, что уже связало их и давало возможность быть еще ближе. Между ними все еще только начиналось, как будто и ничего не было до этого.

Замужество Люси, такое странное и такое неожиданное, было естественно первой темой их разговоров. Для Элинор, которая знала почти все обстоятельства этого дела, было странным и невероятным, что эти двое могли сойтись. Как они могли встретиться вместе, и почему Роберт женился на ней, девушке, о чьей красоте и внешности он отзывался не так уж лестно, девушке, уже помолвленной с его братом, и ради которой его брат был выдворен из семьи. Это было вне ее понимания. Для ее сердца, конечно это было радостное известие, если не сказать, смешное.

Эдвард смог только предположить, что при какой-нибудь случайной встрече на балу, тщесла-

вие одного было так хорошо обработано лестью другой, что шаг за шагом и привело к такому концу.

Элинор теперь вспомнила все, что говорил Роберт неприятного в отношении Люси, и поделилась этим с Эдуардом.

— Да, это вполне в манере моего брата, — сказал Эдвард, — И именно это могло быть в голове его в то время, а Люси, возможно, просто старалась произвести на него нужное впечатление, чтобы понравиться ему, как будущему деверю. Все остальное могло произойти потом и перевернуть их отношения.

Как долго длился их роман, никто не знает. Эдвард был в Оксфорде. И письма Люси, сначала такие пылкие и полные любви и чувства, постепенно начали приходить все реже и реже. Потом их долго не было. И вдруг, однажды, все вырвалось наружу. Люси сама написала ему это прощальное письмо, в котором первая разрывала отношения с ним. Сначала он не знал, что и подумать, чувствуя и гнев, и радость от такого неожиданного известия.

И Эдвард протянул Элинор то самое письмо.

«Сударь, будучи почти уверенной в том, что уже давно потеряла Вашу привязанность, я считаю себя свободной, чтобы предложить свои чувства другому, с которым я рассчитываю быть так же счастлива, как прежде надеялась быть счастлива с Вами, но я могу лишь презреть руку, ежели сердце отдано другой. Искренне желаю Вам найти свое счастье в будущем с другой избранницей, так как наши отношения не всегда были правильными, хотя и не по моей вине. Я надеюсь, что Вы не станете сердиться на меня, как я не сержусь на Вас. Ваш брат покорил мое сердце, и мы теперь не можем жить друг без друга, и только что вернулись от алтаря. Теперь мы находимся по пути в Девоншир, где Ваш дорогой брат не ожидал так скоро очутиться. Больше не буду Вас беспокоить своими строчками. Остаюсь искренне Ваша, подруга и сестра

Люси Феррарс»

Элинор прочитала и вернула его без комментариев.

— Я не спрашиваю вашего мнения по поводу

его содержания, — сказал Эдвард, — такого письма я уже давно не получал от нее, наверное, с тех времен, когда мы еще не были знакомы. Для сестры оно достаточно плохое, а что касается жены… И как только я мог умиляться тем, что она писала раньше, и читать все, что она пересылала за это время нашей с ней… наших с ней деловых отношений. Это единственное письмо, в котором содержание компенсирует ошибки стиля.

— Как бы там ни было, все это прояснилось, — сказала Элинор. — И ваша мать теперь наказала сама себя, так как, лишив одного своего сына благосклонности в пользу другого, она теперь не может быть спокойна. К тому же такая невестка, как Люси, которую она так не хотела видеть, и поэтому лишила вас всего, все-таки досталась ей, благодаря Роберту.

— Ее это еще больше ранило, так как Роберт всегда был ее надеждой и любимцем, и по той же причине она простит его скоро.

Что именно произошло и какие сейчас между ними в действительности отношения, Эдвард не знал. Предпоследнее письмо от Люси, которая была единственной связью, было получено давно, а с остальными членами семьи он давно не поддерживал отношений. Получив ее про-

щальное послание, он думал только об одном — найти ближайшую дорогу до Бартона, отбросив все условности, даже мимолетную ревность к полковнику Брэндону и правила приличия, он понесся туда, где мисс Дэшвуд приняла его достаточно холодно. Что он скажет потом об этом месяцев двенадцать спустя, будет касаться только мужа и его жены.

Теперь Элинор не сомневалась, что Люси намеренно ввела в заблуждение их слугу Томаса, чтобы досадить Элинор. Эдвард тоже не ожидал от Люси такого коварства, так как до недавнего времени видел в ней только лучшие стороны. Да, он признавал, что ей немного не достает образованности, и даже подумывал со временем восполнить этот недостаток, но до последнего письма считал ее, девушкой, добросердечной, и нежно привязанной к нему. И ничто не помешало бы ему жениться на ней, если бы сама невеста вдруг не передумала идти с ним под венец.

— Я в свою очередь думал, — сказал он, — что не зависимо от моих чувств, следует предоставить ей самой решать разрывать со мной помолвку или нет. Когда моя мать лишила меня всего, и друзья отвернулись от меня, в такой ситуации, что меня могло ожидать в будущем, и она так

горячо принимавшая участие в моей судьбе и готовая разделить все невзгоды, на что бы она рассчитывала? И даже сейчас, я не знаю, что ее побудило так поступить: выйти за человека, с которым почти нет ничего общего, или за того, с которым есть, но у которого только две тысячи фунтов всего. Она не могла предвидеть, что полковник Брэндон предоставит мне кров.

— Нет, но она должна была предвидеть, что что-то должно было произойти хорошего в вашей жизни! Да ей и делать ничего не надо было, только просто поддерживать вашу помолвку. Предложение его видимо было очень весомым, и ее друзья посоветовали, что если это не выйдет, то лучше стать потом вашей женой, чем остаться одинокой.

Эдвард, разумеется, тотчас ответил, что ничего не могло быть более предсказуемым в этих обстоятельствах, чем поведение Люси.

Элинор побранила его, тихонько, как только это умеют делать настоящие леди, делая себе же комплимент, что он слишком много времени видно проводил в Норланде, хотя мог его проводить и с ней.

— Ваши взаимоотношения, право, были двусмысленные, — сказал она, — потому, что

— независимо от моего расположения к вам, наши отношения строились только на иллюзиях и не могли дальше продолжаться, тогда как ваши с ней уже имели серьезные основания — помолвку.

Он мог оправдать себя лишь тем, что обманулся в своих чувствах и сделал ошибку, объявив о помолвке.

— Я не боялся встречаться с вами, так как считал, что мое сердце находится далеко от того рокового места, и что я достаточно привязан к ней. Я чувствовал, что я начинаю благотворить вас, но я повторял сам себе, что это всего лишь дружба, и только, когда я начал сравнения между вами и Люси, я понял, как далеко я зашел! После этого, я сделал другую ошибку, слишком много проведя времени в Сассексе, и решение, которое мне тогда пришло, означало, что я никому не причинил вреда, и что мои страдания — это мое личное дело.

Элинор улыбнулась и покачала своей головой.

Эдвард воспринял с радостью известие, что полковник Брэндон должен на днях приехать в коттедж, так как хотел не только получше познакомится с ним, но и иметь возможность убедить полковника его в том, что не обижается на усло-

вия, на которых он получает домик в Делафорде, вопреки некоторым слухам.

Теперь он крайне удивил всех, что еще ни разу не был там. Но его слабый интерес ко всему этому означал, что он во всем надеется на Элинор, которая больше знала о состоянии земли сада, дома, аренды и прочего, так как слышала это от полковника Брэндона.

Только один вопрос после этого остался нерешенным, у них было взаимопонимание и чистое чувство, они прошли сквозь трудности и победили, но так и не нашли, на что же они будут жить? Эдвард имел только две тысячи фунтов, а Элинор — одну, что вместе с жилищем в Делафорде и составляло их собственность. Миссис Дэшвуд не имела возможности им чем-либо помогать, а на три сотни и пятьдесят фунтов годовых доходов с капитала, они не могли рассчитывать на достаточный уровень жизни.

Эдвард в тоже время не терял надежду на какие-то изменения в настроении его матери, что могло немного улучшить их материальное положение. Элинор же не имела такой надежды, так как считала, что тем, что Эдвард выбрал ее, а не мисс Мортон, было, говоря языком его матери «из двух зол меньшее» и не считала, что и Роберт

постарается помириться со своей матерью.

Через четыре дня после приезда Эдварда появился полковник Брэндон, к полному удовольствию миссис Дэшвуд, впервые с момента возвращения домой, она принимала общество, насколько ее дом позволял. Эдвард имел привилегию первого гостя и оставался в коттедже, так как полковник Брэндон каждый вечер уходил в свои апартаменты в Бартон-Парке, откуда он возвращался каждое утро рано, так что мешал первому тет-а-тет'у влюбленных за завтраком.

Три недели, проведенные в Делафорде, где у него, похоже, не было другого занятия, кроме как вычислять разницу между тридцатью шестью и семнадцатью годами, привели его в растерянность, поэтому в Бартоне, чтобы рассеять его унылость, потребовалось всё очарование Марианны, вся ее доброжелательность и гостеприимство ее матери. Поэтому среди таких друзей и такого внимания он не мог не повеселеть. Слухи о браке Люси до него не дошли, он не имел ни малейшего представления о произошедшем, потому первые часы после приезда ему оставалось только слушать и удивляться. Миссис Дэшвуд рассказал ему всё в мельчайших подробностях и напомнила, что его услуга мистеру Феррарсу в конечном сче-

те привела к благополучию Элинор.

Нет необходимости объяснять, что джентльмены, имеющие хорошее мнение друг о друге, сейчас сблизились еще больше. Одного сходства в благородстве помыслов, здравом смысле, характерах и взглядах на вещи, возможно, было бы предостаточно, чтобы они стали друзьями. Но к тому же оба были влюблены в родных сестер, а потому между ними мгновенно возникло родство душ, которое при других обстоятельствах потребовало бы долгих лет.

Наконец, пришли письма из Лондона, которые еще несколько дней назад так ждала Элинор, но теперь они стали ей безразличны. Миссис Дженнингс описала восхитительную сказку о том, как одна замечательная девушка теперь живет далеко-далеко, а ее воздыхатель мистер Эдвард с разбитым сердцем, утирает слезы в Оксфорде.

— Я думаю, что ничто не бывает в мире таким лукавым, — продолжала она, — как Люси. Всего за несколько дней до этого она заехала ко мне на пару часов. Никто ничего не понял о том, что произошло, никто, даже Ненси, бедняжка, которая пришла ко мне на другой день вся в слезах. Она оплакивала бедного мистера Феррарса, собиралась немедленно уехать домой в Плимут,

но не знала, как добраться туда из Лондона… А Люси, разумеется, перед свадьбой одолжила у нее все деньги, чтобы принарядиться к венчанию, и наивная Ненси осталась ни с чем в кармане, поэтому я была рада дать ей пять гиней, чтоб добраться до Бургасса, в надежде, что ей снова по пути встретиться тот самый доктор. А неблагодарность Люси, которая никого не взяла с собой в экипаж, обидела ее больше всего!

Но, Боже мой! Бедный Эдвард! Я не могу не думать о нем, но ты должна послать за ним и привезти его в Бартон, и мисс Марианна должна постараться утешить его.

Мистер Дэшвуд писал им об этой скоропостижной свадьбе сдержанно и печально. Он беспокоился о многострадальной миссис Феррарс, которой не повезло с невесткой, о несчастной Фанни, которая снова переживает горе от собственного ума. Говорил о том, что предательство Роберта непростительно, но еще более безобразно поведение Люси, и умолял ни о ком из них не упоминать в присутствии миссис Феррарс. Секретность, с которой они вели все эти приготовления к свадьбе, чтобы не помешать браку, еще больше усугубляли их преступление. И наконец, брат искренне жалел, что Эдвард всё-таки не

женился на Люси, так как это избавило бы семью от нового горя. И далее он продолжал:

«Миссис Феррарс до сих пор не упоминает его имени, и не говорит о нем, что вполне понятно. Но он и сам виноват, так как за это время ни написал ни строчки домой, вероятно, боясь ответных мер. И я ему намекнул, про весточку из Оксфорда, что было бы неплохо для него. Как считаем я и Фанни, в которой он все напишет, и пошлет как будто сестре, а та при случае покажет ее матери. Возможно, что гнев миссис Феррарс сменится на милость по отношению к Эдварду, так как она все же любит своих детей.

Это место было особенно интересно Эдварду. Так как речь могла идти о попытке возвращения его части наследства.

— Посылать письмо с подробным описанием ситуации! — повторил он — неужели оно поможет мне вернуть назад мою мать и средства. И лишить всего такого Роберта! Я не буду такого писать! Я родился гордым, и счастливым, но возвращать все таким низменным способом, не хочу! Рассчитывая на вспышку гнева моей матери против Роберта в аналогичной моей неудавшейся женитьбе?!

— Вы можете лишь попросить прощения и всё

объяснить, — сказала Элинор, — потому, что от вас отреклись, и я, думаю, что кроме того, вы уже помолвлены с другой, которая может быть и не так сильно станет раздражать вашу мать.

Он согласился.

— И когда будет получено прощение, — продолжала Элинор, — возможно и малая доля того наследства, которого вы лишены вернется к вам по случаю новой помолвки.

Он ничего не мог возразить против этого, но все же был против письма. Он считал, что ничто не сможет так хорошо и убедительно показать все, кроме его личного визита в Лондон к ним.

— И если они действительно заинтересованы лично, — сказала Марианна, — визит может исправить дело, так, как я думаю, что и Джон и Фанни порядочные и мудрые люди.

Вскоре после приезда полковника Брэндона в Бартон, двое джентльменов отправились в Лондон вместе, чтобы по пути заглянуть в Делафорд, где Эдвард, наконец, увидит их будущий дом и обсудит со своим другом и без пяти минут родственником, что необходимо там доделать к переезду. В Делафорте они планировали пробыть несколько дней и отправиться в столицу.

Глава 27

После такого упорного и властного противостояния желаниям своего сына миссис Феррарс, смягчилась. Она не только пустила Эдварда на порог, но и снова провозгласила его своим сыном.

За последнее время несчастья одно за другим преследовали ее семью. Она почти одновременно потеряла двух своих любимых сыновей. Всё началось с отречения от Эдварда.

Затем она отреклась и от Роберта. Так почтенная мать семейства осталась сразу без двух своих мальчиков. Теперь же Эдвард вернулся, и она вздохнула с облегчением и надеждой, что всё еще станет на круги своя.

Не смотря на свое восстановление в качестве сына, Эдвард все же не чувствовал себя в безопасности, пока его вторая помолвка не превратится в женитьбу. Потому он хотел сделать всё как можно быстрее. Миссис Феррарс сначала старалась, как могла отговорить его от женитьбы, а мисс Дэшвуд, подумать и жениться на мисс Мортон, милой девушки из очень хорошей семьи с тридцатью тысячами годового дохода, в то время

как мисс Дэшвуд была всего лишь милой девушкой из простой семьи с доходом не больше трех тысяч. Но когда миссис Феррарс узнала, какое участие эта девушка из простой семьи принимала в судьбе ее сына, только ради него, то больше не сомневалась и дала свое согласие на этот брак с мисс Элинор Дэшвуд.

Нерешенным для нее оставался лишь один вопрос — денежный. Как выяснилось, Эдвард опять является ее сыном, пусть единственным, то зато не старшим, впрочем, и он не может быть обделен ее материнской любовью. Раз Роберт, изгнанный из дома, получает завидную тысячу фунтов годового дохода, то она нисколько не возражала против того, чтобы Эдвард принял сан ради двухсот пятидесяти фунтов, и, многого не обещая, вручила ему те же десять тысяч фунтов, какие дала в приданное Фанни.

Этого было предостаточно для Эдварда и Элинор, миссис Феррарс только одна, пожалуй, удивлялась, что не дала им больше.

С доходом, который вполне подходил им для жизни, и ничего не ожидая более, Эдвард был готов к переезду, но их дом в Делафорте требовал капитального ремонта, во всяком случае, так считал его владелец — полковник Брэндон. В

итоге Элинор первой приняла решение отложить свадьбу, пока все не будет завершено. Церемония состоялась в Бартонской церкви в начале осени.

Первый месяц после своей свадьбы молодые провели в главной усадьбе со своими друзьями, откуда они могли наблюдать за реконструкцией приходского дома, проверять чертежи и контролировать строительство. Полностью выполненными оказались лишь смелые проекты миссис Дженнингс, так как она смогла навестить Эдварда и Элинор в день Святого Михаила, и с удивлением обнаружила, что они самая счастливая пара во всем Королевстве! Им нечего было еще желать, разве поскорее обвенчать полковника Брэндона и Марианну, да, и «лучше пасти свою паству».

На новоселье к ним приехали почти все друзья и родственники, и прежде всего, миссис Феррарс прибыла лично, чтобы своими глазами лицезреть пару, чье счастье было когда-то позором для нее. И даже Дэшвуды раскошелились на приезд из Сассекса, чтобы оказать им внимание.

— Я не скажу, что разочарован, моя дорогая сестра, — сказал Джон, когда они прогуливались однажды утром перед воротами усадьбы Делафорд, — Могу сказать одно, ты самая удачливая

молодая женщина в мире! И еще мне было бы приятно называть полковника Брэндона братом. Его собственность, его дом, его земли — все так респектабельно и в таком хорошем состоянии! А его леса! Я еще не видел нигде в Дорсетшире такой древесины. И если Марианна, пока и не видит в нем того человека, которого стоит полюбить, то я думаю, что все это теперь зависит от тебя, так как полковник Брэндон похоже очень занят домом, и никто не знает, что может произойти, когда люди находятся рядом и видят часто друг друга в обычной жизни — это в твоей власти дать ей шанс. Ты меня понимаешь?

Хотя миссис Феррарс и приехала, чтоб высказать им свое внимание, они не были ни разу оскорблены ее отношением к себе. За это надо было благодарить повесу-Роберта и его хитрую жену, которые продумали пути примирения задолго до этого. Зная ее чадолюбие и особое расположение к нему даже после его изгнания, Роберт искал возможность возвратить доверие матери, и когда обнаружилась малейшая возможность, не преминул ею воспользоваться. Примирил мать со своей женитьбой, и восстановился в правах.

Таким образом, ловкая Люси, которая, прак-

тически потеряв все, в том числе и последнюю надежду, опять получила и положение, и почет, и состояние, а ее роковая встреча с Робертом может показаться перстом провидения или удивительным стечением обстоятельств.

Дело было так. Когда Роберт впервые приехал в Барлетт-Билдинг, то он хотел отговорить Люси от этого брака. Но она приняла его с подчеркнутым вниманием, ловила каждое его слово, и он поверил, что еще визит-другой и дело легко будет улажено. Это была его роковая ошибка. В следующий раз они начали разговор за здравие и тут же перешли к личности Роберта. Об этом предмете он мог говорить больше, чем о каком-либо другом — и в котором она скоро нашла интерес, не меньший, чем он находил сам! И им стало ясно, что он достойная замена своего брата. Он гордился своей победой, и тем, что его обошел. Что за этим последовало теперь известно. Они провели несколько месяцев в Даулише, так как ей надо было навестить много знакомых и приятелей, а он нарисовал несколько планов приятных коттеджей. Вернувшись в город, они стали добиваться прощения миссис Феррарс простым методом — вымаливая его. Прощение, естественно, прежде всего, должен

получить только Роберт, а Люси, которая была никем и ничем для его матери, долго еще оставалась непрощенной. Но постоянные страдания ее сына, и контакты, и некоторые услуги, сначала разрешили ей медленно, а потом все больше и больше завоевать расположение миссис Феррарс, и постепенно Люси стала также незаменима, для миссис Феррарс, как Фанни и Роберт, и в то время, как Роберт не был полностью прощен за пытку жениться против ее воли, а Элинор не была ею выбрана и являлась неполной партией для сына, то Роберт опять стал любимым сыном. Они с Люси перебрались в Лондон, получая достаточно большое содержание от миссис Феррарс, и были, куда в лучшем положении, чем Дэшвуды. И если не считать злобные и ревностные выпады между Люси и Фанни, в которых их мужья играли не последнюю роль, и не считать частые домашние разногласия между Робертом и Люси, ничего не омрачало счастья этой безоблачной пары!

Что Роберт совершил такого, что был лишен права наследия старшего сына, для многих людей, так и осталось головоломкой, а что он сделал, чтоб вернул себе его, было еще большей головоломкой для них. Вместе с тем его стиль и размеренность жизни были так построены, что

ущемление в своих доходах никак внешне не проявилось на его манерах и речи, что заставляло сомневаться о его сожалениях о наследстве, или потери отношений со своим братом, или наоборот радости получения слишком многого и, если бы его попытались обвинить в изменении своего отношения к жене и дому, и своего хорошего настроения, то он, похоже, был бы не менее доволен, как своей судьбой, так и возможностью перемен.

Замужество Элинор не разлучило ее со своей семьей, как и следовало ожидать. Не отказываясь от коттеджа в Бартоне, мать и сестра подолгу гостили у нее в Делафорте. Миссис Дэшвуд совмещала полезное с приятным, отдыхала у старшей дочери и пыталась сосватать среднюю. Выдать замуж Марианну за полковника Брэндона теперь было ее самым заветным желанием. Эдвард и Элинор со своей стороны также видели Марианну хозяйкой главной усадьбы, каждый из них хотел этого и сожалел, что это не происходит. И Марианна, видя все это, пришла к главному решению, обрадовать их всех.

После того, что они все, и каждый в отдельности, сделали для нее, что еще она могла им сделать в ответ?

Мариана Дэшвуд была рождена для необыч-

ной судьбы. Она была рождена, чтоб узнать всю ложность своих представлений, и в противоположность этому, своим поведением добиться в жизни всего. Она была рождена, чтобы переступить через свое чувство, которое возникло так всего лишь в семнадцать лет. Без всякой надежды на большое уважение или на настоящую дружбу, она протянула свою руку человеку, который страдал не меньше чем она сама от ее прошлой влюбленности, человеку, которого она два года назад посчитала слишком старым, чтоб жениться вообще, и который до сих пор прикрывал грудь фланелевым жилетом!

Вот так это было. Вместо того, чтобы после почти падения спрятаться в глуши, где-нибудь подальше, не видеть никого, кроме своей матери, и находить радость жизни в уединении и чтении, она вдруг поняла в девятнадцать лет, что способна на новое большое чувство, с радостью приняла свои новые обязанности, и новый дом, стала женой, матерью семейства, и благодетельницей для местных деревень.

Полковник Брэндон был теперь так счастлив, как давно того заслуживал, по мнению его многочисленных друзей. Ее близость и нежность растопили его, и его характер, такой стойкий и

жизнедеятельный стал опорой и для самой Марианны. Они оба нашли друг в друге своё счастье. А так как Марианна никогда не могла любить наполовину, то все ее сердце принадлежало теперь только ее мужу, как когда-то и Уиллингби.

Уиллингби не мог слышать о ее замужестве без боли, и его наказание было неотвратимым. Однако вскоре он был полностью прощен миссис Смит, которая, сказала, что простила бы его раньше, если бы он поступил с Марианной благородно. Это принесло ему только новые переживания, он долго не мог без ненависти думать о полковнике Брэндоне, и о Марианне с большим сожалением. Но чтобы он ушел из общества, или пересилил свои привычки, или умер от разрыва сердца! Такого от него нельзя было ожидать! Он жил в напряжении, но иногда мог порадовать себя. Его жена не всегда была скучной, а их дом всегда был очень уютным. А что касается его увлечения лошадьми и охотничьими собаками, то здесь сельская домашняя жизнь открыла ему большие перспективы!

Что касается Марианны, то она навсегда оставалась для него недоступным желанием. Он со стороны жадно наблюдал ее новую жизнь и невольно возвел ее на пьедестал, сделав ее

тайным образцом женщины, и многие расцветающие красавицы были отвергнуты им, только за то, что не имели никакого сходства с миссис Брэндон.

Миссис Дэшвуд оказалась настолько рассудительна, что осталась жить в коттедже, и не перебралась в Делафорд, к радости сэра Джона и миссис Дженнингс. Когда Марианна уехала от них, Маргарет достигла возраста, когда уже девицы начинают появляться на балах, и не лишена была надежды иметь достойного поклонника.

Между Бартоном и Делафордом таким образом возникла та незримая связь, которая часто соединяет вместе родственные сердца и души. А больше для счастья сестер и не требовалось. Марианна и Элинор, видевшиеся почти каждый день и ставшие близкими соседями, смогли прожить без разногласий между собой и своими мужьями всю свою долгую и счастливую жизнь.